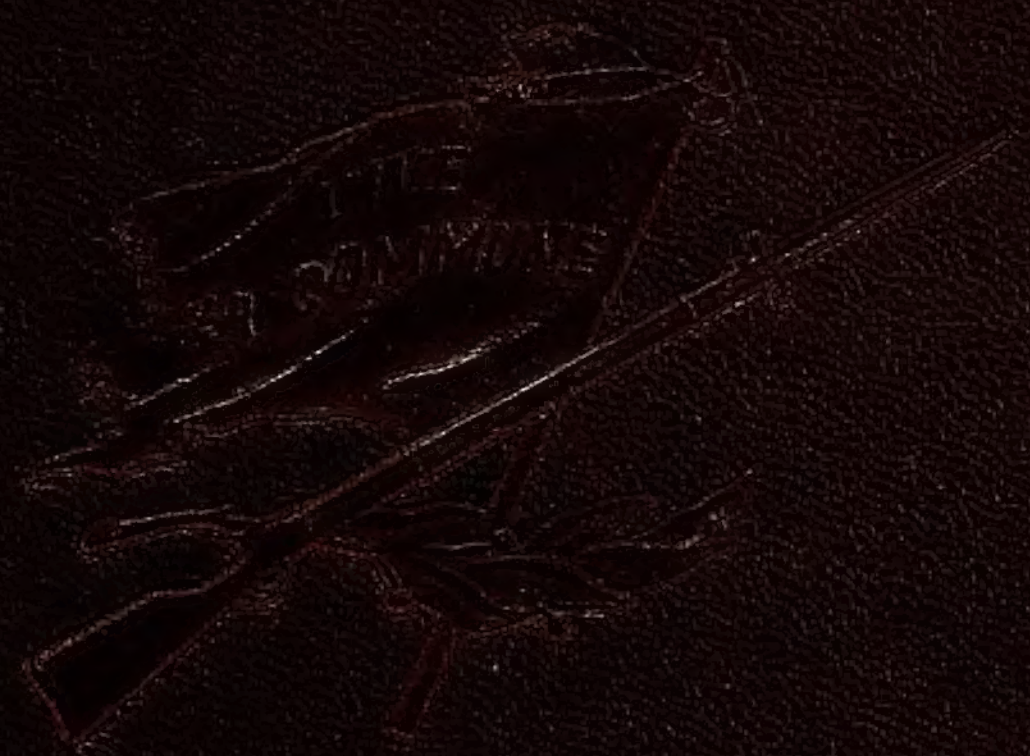
63
Л 449

В. И. ЛЕНИН

О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ



6788/88

263018.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРОВЕРЕНО
в 1954 г.

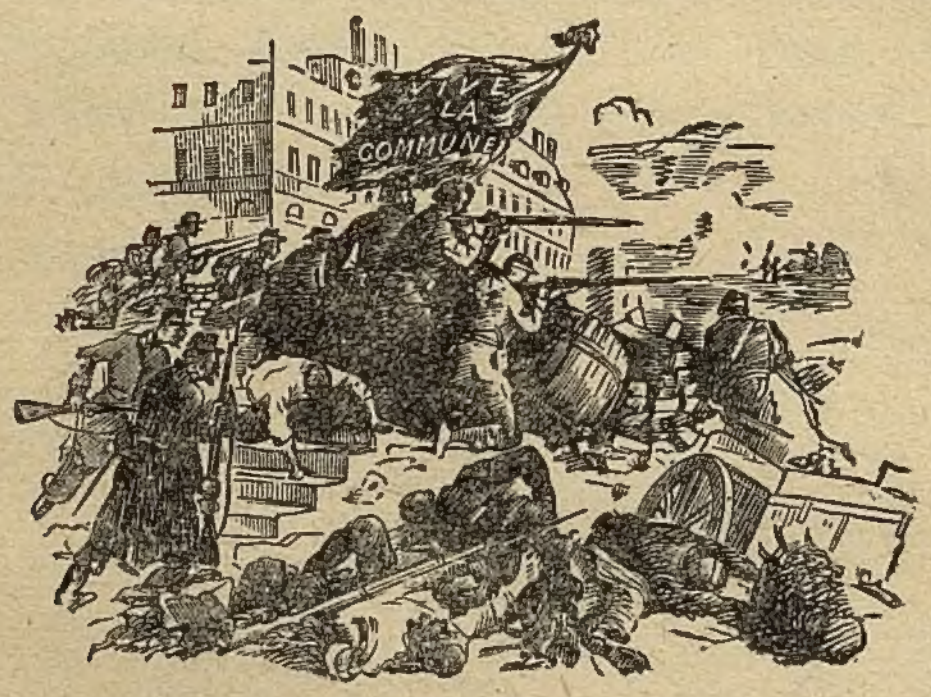
ПРОВЕРЕНО
1959 г.

63
Л449

В. И. ЛЕНИН

О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

СБОРНИК



Библиотека Нединститута
Новосибирск

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1941

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В настоящий сборник входят статьи и выступления В. И. Ленина о Парижской коммуне. В отличие от предыдущего издания в сборник включены три конспекта доклада Ленина, прочитанного 22 марта 1904 г. в Женеве. В конце сборника дается указатель имен. Подстрочные примечания Ленина отмечаются звездочками, примечания от редакции—цифрами.

ТРИ КОНСПЕКТА ДОКЛАДА О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ[1]

МАРТ 1904

I

1. Фр[анция] при Н[аполеоне] III. Пр[авительст]во бонапар[тистов].
Пр[о]м[ы]шл[енное] разв[итие].
Р[абочее] движ[ение]—I[nternationale] A[rbeiter] A[ssociation][2]. {Прудонизм и бланкизм}

2. Династич[еская] война. (25 VII 70) Шовинизм
A Berlin[3]. NB
Левый берег Рейна.—(Нем[ецкие] заявления: *Verth[eidigungs]krieg*[4])[5]

---

[1] Печатаемые здесь три конспекта, написанные Лениным в 1904 г., легли в основу его доклада, посвященного памяти Парижской коммуны. Доклад был прочитан в Женеве 22 марта 1904 г. *Ред.*

[2] Международное товарищество рабочих. *Ред.*

[3] —На Берлин! *Ред.*

[4] Все подчеркивания, сделанные Лениным одной чертой, даются курсивом; двумя чертами—курсивом в разрядку; тремя—альдине. Подчеркивание прерывистой чертой набрано капителью. *Ред.*

[5] *Vertheidigungskrieg*—оборонительная война. «Для Германии,—говорит Маркс,—война эта является оборонительной. Но кто привел Германию в положение необходимости обороняться? Кто дал возможность Луи Бонапарту вести войну против Германии?» (*К. Маркс*, Избранные произведения, т. II, стр. 371). *Ред.*

3. Протесты р[абоч]их (отн[ошение] р[абочего] к[лас]са)
— фр[анцузский] м[ани]фест. (Резолюции)
— нем[ецкий] протест [1].
— *Адрес* Ген[ерального] С[овета] И[нтернационала] [2] — *предостережение р[абоч]их:* организуйтесь, *не поддавайтесь провокации*

NB

NB

4. Ход и исход войны.
— Падение продажного режима.
— Осада Парижа.
— *Провозглаш[ение] респ[ублики]* 4 IX 70. Фр[анцузские] рабочие — их дело — утилизировали буржуа.
Пр[авительст]во «нац[иональной] защиты (обороны)». (Проходимцы среди него).
5. Защита Парижа. *Комедия* Ж[юля] Фавра (Трошю).
— его капитуляция.
6. Попытка разоружить пр[олетариа]т. 18 III 71. *Коммуна.*
7. *Версальское прав[ительс]тво.* Палата юнкеров, помещиков. (Ruraux, Krautjunker) [3].
— Комедия «мира» с Парижем.
— Торгашество с Бисмарком
— Союз с нем[ецкой] армией против п[ролетариа]та
8. *Коммуна...* Ее минусы — несознат[ельность] (пруд[они]зм и бл[анки]зм)
— неорган[изованность] { не взяли банка / не пошли на Версаль }
— сплетение националист[ических] элементов

---

[1] Имеется в виду манифест парижской секции Интернационала от 12 июля 1870 г. «К рабочим всех наций»—против династической войны и с призывом к международной солидарности (*К. Маркс,* Избранные произведения, т. II, стр. 370. О протесте немецких рабочих см. *там же,* стр. 372). *Ред.*

[2] Имеются в виду два воззвания Генерального совета Интернационала по поводу франко-прусской войны от 23 июля и 9 сентября 1870 г. (*К. Маркс,* Избранные произведения, т. II, стр. 369—381). *Ред.*

[3] *Ruraux, Krautjunker*—«деревенщина, капустное дворянство»—насмешливое прозвище помещиков Франции, являвшихся опорой версальского правительства. *Ред.*

9. +А) *Полит[ическая] св[обо]да*
- — отд[еление] ц[еркви] от гос[у]д[арст]ва.
- — уничт[ожение] пост[оянной] армии.
- — уничт[ожение] бюрокр[атизма]
- — полнопр[а]в[ие] иностранцев. Участие поляков.
- — самоупр[авление] общин (*коммуна*)

10. Б) *Э[кономиче]ские] р[е]ф[о р]мы*
- — запр[ещение] н[очной] раб[оты] бул[очников]
- — запр[ещение] штрафов
- — отср[очка] долгов
- — перед[ача] пустых ф[абри]к р[абоч]им
- — обязательность (содержания etc.) *всякого* сожит[ельст]ва с женщиной
- — выдача платы (пенсии?) *всякой* вдове.

11. *Последняя борьба.*
Геройство федератов
Неделя крови
Баланс *35.000*[1]
Террор.

12. *Итоги и уроки:*
Месть б[уржуа]зии
Вызов на бой
Бисмарк 1871 и 1904

II

I.(1) Н[аполеон] III и его банда
2. Позор Франции
3. Вина *б[уржуа]зии* в Н[аполеоне] III.

II. 1. Династ[ическая] война с Герм[анией].
2. Прот[ест] фр[анцузских] р[абоч]их (пар[ижских] 12 VII и м[ани]ф[ест] И[нтернационала] 23 VII).
3. Торж[ественное] обещ[ание] В[ильгельма] I (11 VIII) Обман его[2].

---

[1] 35.000—число коммунаров, убитых на улицах Парижа. *Ред.*

[2] Имеется в виду тронная речь Вильгельма I к северогерманскому рейхстагу 11 августа 1870 г., в которой он «торжественно обещал перед Францией и перед всем миром вести чисто оборонительную войну» (*К. Маркс,* Избранные произведения, т. II, стр. 375). *Ред.*

4. Прот[ест] нем[ецких] р[абоч]их (5/IX 70) и арест их.

III. 1. Респ[ублика] 4 IX 70. Завоев[ана] париж[скими] р[абоч]ими.
2. Захват власти *жульем* (Фавр, Трошю, Тьер — ticket of leave men)[1]
3. «Прав[ительст]во нар[одной] обор[оны]» = прав[ительство] нар[одной] измены. Б[орь]б[а] с фр[анцузскими] *р[абоч]ими.*

IV. Предост[ережение] М[арк]са (М[ани]ф[ест] И[нтернационала] 9 IX 70)
Письма Дюпона[2]

V. 1. Заговор рабовл[адель]цев и монархистов обезоружить Париж.
2. Бордо и перенес[ение] нар[одного] собр[ания] в *Версаль.*
3. Посылка Винуа, Валентэна и де Паладина в Париж.
4. Монарх[ические] речи в собрании «деревенщины»

VI. Начало гражд[анской] в[ой]ны Тьером: отнятие пушек 18 III 71. (уб[ийство] Леконта и Клемана Тома)

VII. 18 III 71. *Ком[муна]*
1. Респ[ублика] + самоупр[авление].
2. *Меры Ком[муны].*
3. {{Ее 2 ошибки}} (Не пошла на Верс[аль]
» взяла банка)

VIII. Война с Ком[муной]: выпр[ашивание] солдат у Бисм[арка], позорный мир. Кров[авая] неделя 21—8 V 71.

20.000 *по счету* бурж[уазных] газет.

Убитых — 35.000

---

[1] Говоря о министрах Тьера, Маркс замечает: «Такие люди могли получить tickets-of-leave только на развалинах Парижа; они как раз годились для целей Бисмарка». Затем дается такое пояснение: «В Англии преступникам, после того как они уже отбыли бо́льшую часть наказания, дают иногда отпускные билеты, с которыми они могут жить на свободе, но под надзором полиции. Такие билеты называются tickets-of-leave (отпускной билет), а владельцы их—ticket-of-leave men» (человек с отпускным билетом. *Ред.*) (*К. Маркс,* Избранные произведения, т. II, стр. 385). *Ред.*

[2] Письма Дюпона—секретаря-корреспондента Генерального совета Интернационала для Франции—приведены у Ж. Вейля в «Истории социального движения во Франции» 1852—1902 (см. русское издание, 1906 г., стр. 138). *Ред.*

Осужденных судами — 13.450 (в т. ч. 157 ж[енщи]н) (! $5^1/_2$ *лет* после 18 III все еще продолжались суды!)[1].

III

В ПАМЯТЬ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Честв[ование] велич[айшего] рабоч[его] восст[ания] 19 в[ека]. Ист[о]р[и]ч[еский] очерк.

1. *Фр[анция] при Н[аполеоне] III.*
   Империализм. (S. 45)[2] — расплата за VI 48. Н[аполеон] III.
   — Эксп[роприа]ция Фр[анц]ии шайкой бандитов.
   α. Бонапартизм { р[абочие] еще не спос[обны] / б[уржуа]з[ия] уже не[3] }
   β. Быстр[ое] пр[о]м[ы]шл[енное] р[а]зв[итие]. Оргии плутокр[атии]. Процветание спекуляции. Продажность.
   γ. — *Р[абочее] дв[ижение]* — I[nternationale] A[rbeiter] A[ssociation] 1862 Л[ондонская] выст[авка]
   — 1864 основ[ание]
   { пруд[они]зм / бланк[и]зм }
2. *Династ[ическая] война.* Спасение шайки авантюристов — *шовинизм.*
   Левый берег Рейна. A Berlin (особ[енно] после 1866 г.)
   { 25 VII 70 объявл[ена] война.
   Нем[ецкие] заявл[ения] (В[ильгельм] I): Verth[eidigungs]krieg. (S. 20. в тронной речи: война с Н[аполеоном] III, не с фр[ан]ц[узским] народом; тоже 11 VIII 70 в м[ани]фесте к французам при п[е]р[е]х[о]де границы).

---

[1] Все данные о жертвах Коммуны взяты из книги Э. Лиссагарэ «История Коммуны» (см. изд. СПБ, 1906 г. Товарищество «Знание», 473). *Ред.*

[2] S(eite) 45—страница 45. Как здесь, так и выше Ленин ссылается на книгу Маркса «Der Bürgerkrieg in Frankreich», Berlin, 1891 («Гражданская война во Франции»). *Ред.*

[3] Энгельс во введении к книге Маркса «Гражданская война во Франции», написанном в 1891 г., характеризуя обстановку после поражения парижского пролетариата в июне 1848 г., говорит: «Возмездие следовало по пятам. Если пролетариат *еще* не мог, то буржуазия *уже* не могла править Францией». (*К. Маркс,* Избранные произведения, т. II, стр. 359). *Ред.*

3. *Протесты р[абоч]их.*

1-ый адрес Г[енерального] С[овета] Ин[тернационала]:
— Фр[анцузский] м[ани]фест 12 VII 70 (S. 16) (и резолюции в пр[о]в[ин]ции) 22 VII 70 (S. 16—17)) М[ани]фест Парижских членов И[нтернационали] от 12 VII (S. 18).
— не[мецкий] протест (собр[ание] в *Хемнице*) (S. 18)
(собр[ание] в Брауншвейге 16 VII 70) — Берл[инская] секция И[нтернациона]ли.
— Адрес *I [енерального] С[овета]* И[нтернационали] 1) *23 VII 70* против войны

4. *Исход войны.*

Седан 2 IX 70. Плен Н[аполеона] III. Debâcle[1].

Падение продажного режима.

Провозгл[ашение] респ[ублики] 4 IX 70 р[абоч]ими в Париже.

Власть в руках *проходимцев*, полиц[ей] м[инист]ра Луи Филиппа — *Тьера*, генерала *Трошю. Жюль Фавр, Жюль Ферри, Эрн[ест] Пикар.* (власть—делегатам от Парижа в з[ако]нодат[ельном] корпусе)

...«*Пр[авительст]во нац[иональной] обороны*»...

Нац[иональная] оборона = вооружение р[абоч]их = р[е]в[олю]ция. Пр[авительст]во нар[одной] измены. Оборона... *от парижских ра[боч]их.*

5. *Советы И[нтернациона]ли*

2-ой адрес Г[енерального] С[овета] (9 IX 70) (S. 25). Не дать провоц[ировать] себя на «отчаян[ную] глупость». Не ослеп[ляться] нац[иональными] восп[оминаниями] 1792 г. «Спокойно и решит[ель]но организ[овать] свой к[лас]с», использовать п[олную] св[о]б[о]ду.

6. *Осада Парижа.* Комедия *Трошю* (н[иког]да!) и *Ж[юля] Фавра* (ни пяди земли!)[2] Ц[ентральный] К[о]м[ите]т Нем[ецкой] С[оциал]-Д[емократической] П[артии] протестовал против прис[оеди-

[1] «*Debâcle*» («Разгром»)—название романа Э. Золя, посвященного изображению франко-прусской войны. *Ред.*

[2] Маркс в «Гражданской войне» писал: «Трошю, «губернатор Парижа, никогда не капитулирует»,—писалось в одном из этих манифестов. «Министр иностранных дел Жюль Фавр никогда не уступит ни одной пяди земли, ни одного камня наших крепостей»» (*К. Маркс,* Избранные произведения, т. II, стр. 383). *Ред.*

Капитуляция Парижа. 28 I 71 Комедия защиты: Гио писал Сюзанну об одном из его протеже: пусть де на Mont Valerien [наведет], где будто бы из пушек палят.

7. *Нац[иональное] собрание в Бордо.*
— Палата юнкеров. *Реакционеры.*
— Комедия мира с Парижем. *Стремление разоружить Париж* («разоружение рев[олю]ции» 4 IX 70) Союз с нем[ецкой] армией против Парижа.

нения] Э[льзас]-Л[отарингии] (Арест Бракке и др.)[1]

По усл[овиям] кап[итуля]ции (28 I 71) (S. 34), Нац[иональное] собр[ание] д[олжно] б[ыть] созв[ано] *в 8 дней* (!).

Аг[ита]ция Тьера за *реак[ционное] собрание*, легитимисты[2] etc. (450 монархистов на 750 членов).

Заговор против Парижа: *меры Тьера* (S. 35).

Будто-бы пушки нац[иональной] гв[ардии] пр[ина]дл[е]ж[а]т г[о]с[у]д[арст]ву! Ложь! S. 36—37.

1) антиреспубл[иканская] дем[онстрация] Нац[ионального] Собр[ания]

2) двусмысл[енность] выраж[ений] Тьера.

3) Угроза Парижу (décapiter [décapi]taliser[3])

4) запрещ[ение] рéспубл[иканских] газет.

5) См[ертный] приговор Бланки.

6) Назнач[ение] губернатором Парижа—*Винуа*, полиц[ейским] префектом *Валентэна*, нач[альником] нац[ио-

[1] *Бракке Вильгельм.* В 1869 г. был избран членом ЦК германской социал-демократической партии (эйзенахцы). 5 сентября 1870 г. от имени ЦК выпустил воззвание, в котором выступил против плана захвата Эльзас-Лотарингии, за что в 1871 г. был заключен на три месяца в тюрьму. *Ред.*

[2] *Легитимисты*—сторонники так называемой легитимной (законной) монархии, восстановления свергнутой революцией династии; во Франции—сторонники династии Бурбонов. Партия легитимистов возникла во Франции после июльской революции 1830 г. *Ред.*

[3] —обезглавить и лишить звания столицы. *Ред.*

нальной] гв[ардии] *Д'Орель де Паладина*

8. *Попытка отнять пушки. 18 III 71* {Винуа. / Неудача} (у нац[иональной] гвардии). Коммуна.

Манифест 18 III: S. 43.
18 III 71. Ц[ентральный] Комитет Нац[иональной] Гвардии
26 III 71. Коммуна.

18 III. Бегство прав[ительст]ва в Версаль.

(Клерикалы[1], бонапартисты, жандармы)

Расстрел Леконта и Кл[ермана] Тома, бонап[артистских] офицеров, не дело Коммуны, а возмущ[енных] солдат.

С начала апреля война Парижа с Версалем.
Выклянчиванье войск (пленных) у Бисмарка (S. 57—58).

9. *Дела коммуны*:
Ее минусы: — *несознат[ельно]сть* (пруд[онисты], бланк[исты])
— *неорганизов[анность]* (не взяли банка, не пошли на Версаль.)
— *увл[ечение] националистич[еской] и рев[олюционной] фразой.*

10. *Ее плюсы:* Отмена всех госуд[арственных] платежей церкви Беспл[атное] нар[одное] образ[ование] (S. 46).

обходилась с $^1/_4$ частью прежнего числа чин[овни]ков. Лиссагарэ

А) *Полит[ические] реф[ормы]*
а. отд[еление] ц[еркви] от госуд[арства] (2 IV 71). Экспр[опри-а]ция ц[ерковных] имущ[еств].

(1) выборность и сменяемость всех чин[овни]ков. (S. 46) 1 IV 71.

[1] *Клерикализм* (от латинского clericalis—церковный)—политическое направление в капиталистических странах, ставящее целью господство или усиление влияния церкви и духовенства в политической и культурной жизни страны. *Ред.*

β. уничт[ожение] пост[оянной] ар- (2) Невыс[окое]
мии (S. 46) (30 III 71) жалов[ание]
не > 6000
Fr[anc]s[1]
Regierungsfähig[2].

γ. уничт[ожение] бюрокр[атизма]. *Прав[ительс]тво р[абоч]их* (S. 49).

δ. Полнопр[авность] иностр[анцев] (30 III 71) (один немец — м[инист]р ком[му]ны) (S. 53). Участие поляков (Домбровский, Врублевский).

ε. Самоуправл[ение] общин.

Знамя к[омму]ны есть знамя всемирной р[е]с-п[у]б[ли]ки.

11. Б) *Эк[ономические] р[е]ф[ор]мы.*

— Запр[ещение] н[о]ч[ной] раб[оты] бул[очников] (20 IV) (S. 53)

— Запр[ещение] штрафов (S. 53).

— [Отсрочка долгов] К[о]м[му]на привлекла к себе массу париж[ских] м[елких] б[ур]жуа, *разоренных* (S. 51) Н[аполеоном] III (отсрочка долгов). — К[омму]на обра[щается] к *кр[естья]нам* (S. 51).

— Перед[ача] брошенных ф[абри]к (S. 54) р[абоч]им тов[арищест]вам 16 IV: стат[истическая] *перепись* ф[абри]к

[— обяз[ательство] ответ[ать] денежно за *всякое* сож[ительст]во с женщиной][3]

Преобразование Парижа тунеядцев и прожигателей жизни в рабочий Париж (S. 55—6).

12. *Посл[едняя] борьба.*

— Геройство федератов (Выборы меров 30 IV против Нац[ионального] Собр[ания]. Тьер уступает Бисмарку: 10 V подп[исывает] мирный дог[о]в[ор] в Франкф[урте] 21 V утв[ержде]н Нац[иональным] С[обран]ием).

---

[1] — франков. *Ред.*
[2] — способный управлять. *Ред.*
[3] Этот пункт в подлиннике зачеркнут Лениным. *Ред.*

45

— неделя крови 21—28 V 71. (S. 62).
Ружье не достаточно
митральеза
— Баланс 35.000 — 20.000 убито.
15.000 сосл[ано etc.].
(Неск[олько] лет работали *суды*.)
Хор клевет (S. 64—66)

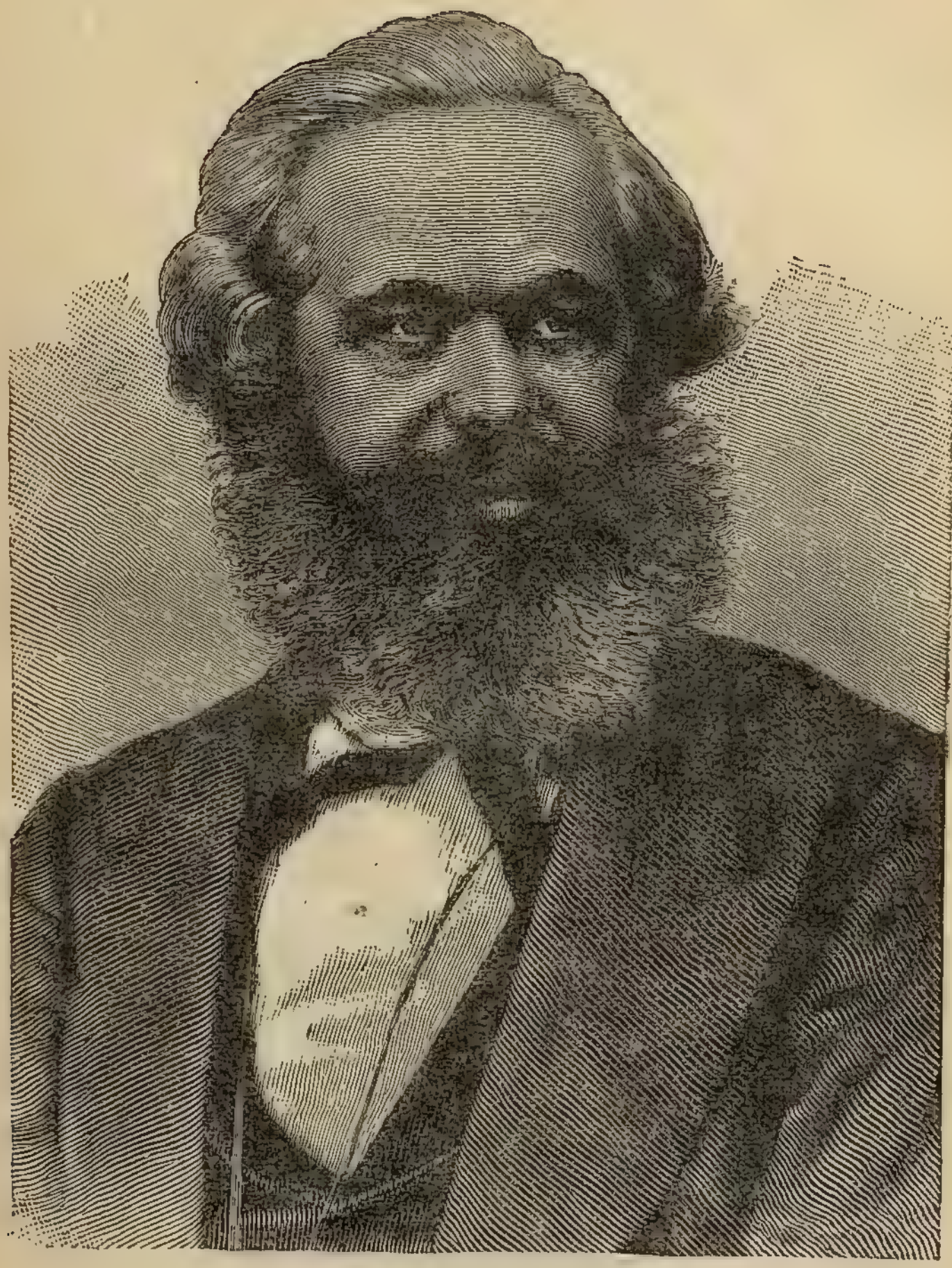
13. *Итоги и уроки.* Месть б[уржуа]зии. *Даже «нац[иональная] война» стала полит[ическим] мош[енни]ч[е]ством* (S. 67).
Предали родину (Союз с немцами: S. 66)
Неустойч[ивость] б[уржуа]з[ной] демокр[атии].
Дикт[ату]ра прол[етариа]та.
Бисмарк 1871. C[on]f[er][1] *1904.*

Ленинский сборник XXVI, стр. 49—57.

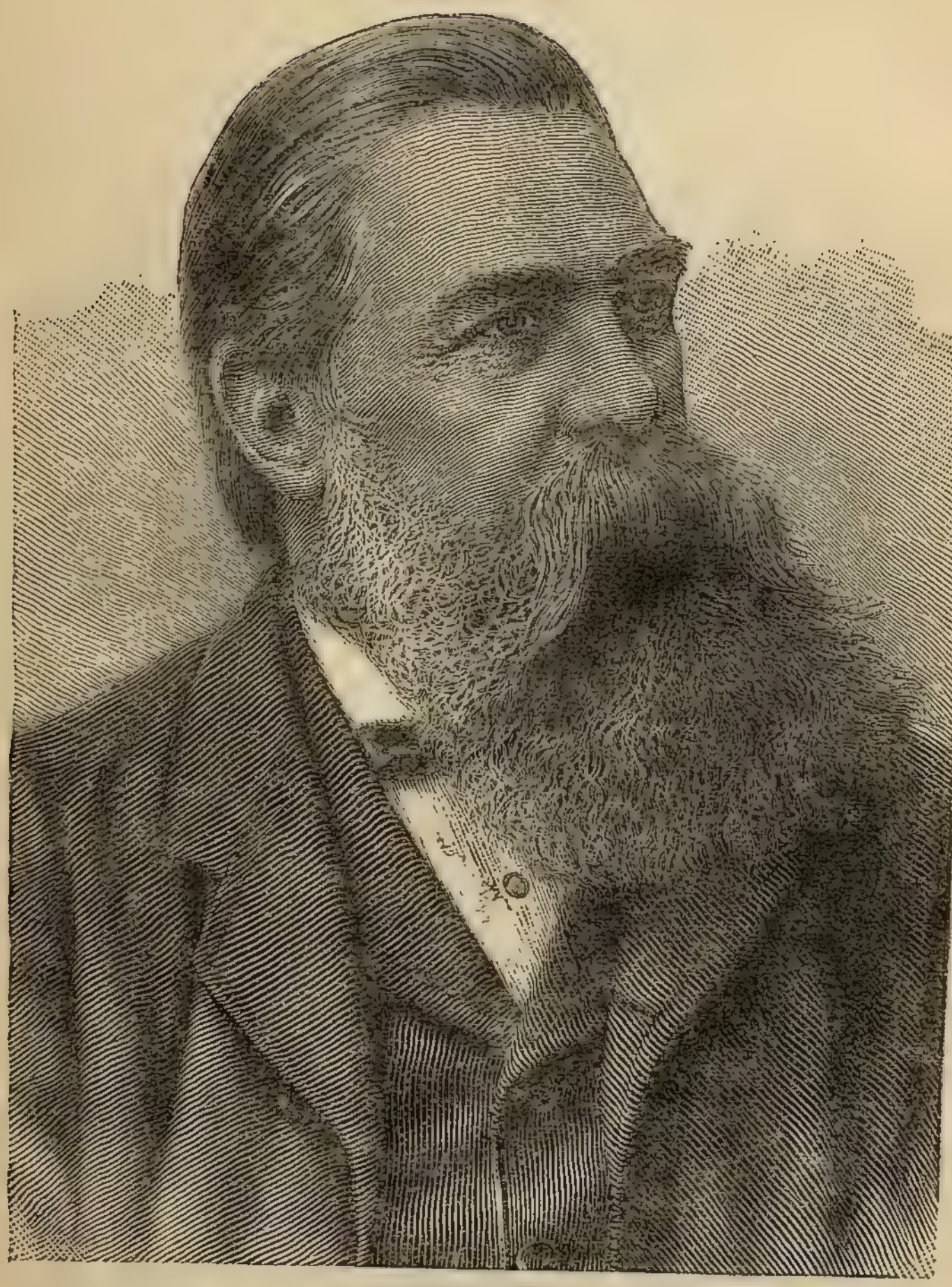
---

[1] — сопоставь, сравни. *Ред.*

15154/91



КАРЛ МАРКС



ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

ПЛАН ЧТЕНИЯ О КОММУНЕ

1. Исторический очерк Коммуны.

Франция при Наполеоне III. Основа империализма: буржуазия уже не, пролетариат еще не...

Авантюризм Наполеона III. Необходимость внешнего блеска, войн.

2. Рост пролетариата после июня 1848. Internationale Arbeiter Association 1864. Преследование ее Наполеоном III.

Протест французских рабочих против войны (12 июля, Парижская секция Интернационала, S. 16) и немецких (Брауншвейгское рабочее собрание 16 июля, Хемницкое, Берлинская секция Интернационала, S. 18).

3. Седан = 2 сентября 1870 и провозглашение республики *4 сентября 1870.* Либеральные пройдохи захватывают власть.

Либеральные адвокаты и двуличные монархисты: *Тьер.*

4. Правительство национальной обороны = правительство народной измены. Трошю: «план» защиты Парижа. Комедия защиты. Геройство парижских рабочих. *Капитуляция* 28 января 1871.

5. Предписание Бисмарком условия созыва Национального Собрания *в 8 дней* (S. 34) для решения вопроса о войне и мире. Интриги Тьера с монархистами.

Палата юнкеров (ruraux). *Национальное Собрание* в *Бордо* 630 членов = 30 бонапартистов + 200 республиканцев (100 умеренных и 100 радикалов) + 400 монархистов (200 орлеанистов + 200 легитимистов).

Разговор Тьера с Фаллу.

6. Провоцирование Парижа: назначение монархических послов; отнятие «30 су» у солдат национальной гвардии; в Париже шеф полиции Валентэн, начальник национальной гвардии д'Орель де Паладин и др. (Трепов и Васильчиков!!)[1]; перенесение Национального Собрания в Версаль; подавление республиканских газет и т. д. Стремление свалить расходы войны на бедных. (S. 35.) Вооруженные парижские рабочие и — монархическое собрание. Конфликт неизбежен.

7. Предостережение Маркса*: второй адрес Генерального Совета Интернационала 9 сентября 1870: «Не обольщаться национальными традициями 1792 г.», развернуть «организацию своего класса», не задаваться целью свергнуть правительство («отчаянная глупость»): S. 25. То же писал Евгений Дюпон, секретарь Интернационала (Генерального Совета) для Франции 7 сентября 1870 (Weill, 134)[2].

8. Последний акт провокации. Отняты у национальной гвардии пушки 18 марта 1871. Обманные доводы Тьера. Покушение не удалось. Центральный Комитет национальной гвардии объявил Коммуну. *Гражданская война началась* между Парижской Коммуной и Версальским правительством.

9. Направления в Коммуне: (а) *бланкисты*. Еще в ноябре *1880* Бланки в «Ni Dieu ni maître»[3] порицает теорию классовой борьбы и отделение интересов пролетариата от интересов нации. (Weill, 229) (не отделяет рабочих от революционной буржуазии). (б) *прудонисты* (мутуалисты) «организация обмена и кредита».

Революционный инстинкт рабочего класса прорывается *вопреки* ошибочным теориям.

---

[1] Ленин проводит здесь аналогию между д'Орель де Паладином и Валентэном—палачами Парижской коммуны—и Треповым и Васильчиковым—палачами революции 1905 г. в России. *Ред.*

* Contra (против. *Ред.*) *Бланки,* основавшего в 1870 «*Patrie en danger*». (NB.) (Речь идет об основанной Бланки газете «Отечество в опасности», просуществовавшей с 7 сентября по 8 декабря 1870 г. *Ред.*)

[2] Ленин в этом и последующих пунктах ссылается на книгу *Georges Weill,* «Histoire du mouvement social en France», 1852—1902. Paris, 1904 (*Жорж Вейль,* «История социального движения во Франции», 1852—1902. Париж, 1904 г.). Есть русский перевод Брагинского, СПБ, 1906 г. *Ред.*

[3] — «Ни бога, ни господина». *Ред.*

Восставший народ прогоняет полицейских и солдат Тьера, пытавшихся захватить артиллерию на Монмартре. 18 марта 1871 г.

10. *Политические меры Коммуны:*

(1) уничтожение постоянного войска.
(2) уничтожение бюрократии а) выборность всех чиновников; б) жалование не > 6000 fr.
(3) отделение церкви от государства
(4) введение бесплатного обучения

Программа-minimum

Коммуна и крестьяне. Через 3 месяца было бы все иначе! (S. 49 — 50) *.

Коммуна и Интернационал. Франкель, *поляки* (знамя всемирной республики).

11. *Экономические меры Коммуны.*

(1) запрещение ночной работы булочников.
(2) » штрафов.
(3) регистрация оставленных фабрик, передача в товарищества рабочих, с вознаграждением по определению посреднических комиссий. (S. 54.)

NB | Не взяли банка. Не прошел 8-часовой рабочий день Weill, 142.

(4) приостановка продажи залогов. Отсрочка платежа (квартирной платы).

12. Крах. Недостатки организации. Оборонительное положение. Сделка Тьера с Бисмарком {роль Бисмарка = = наемный убийца}. *Кровавая неделя 21—28 мая 1871.*

Ужасы ее, ссылка etc. Клеветы (S. 65 — 6).

Дети и женщины...

P.[1] 487[2]: 20.000 убито на улицах, 3.000 умерло в тюрьмах etc. Военные суды: до 1 января 1875 осуждено *13.700* человек (80 женщин, 60 детей), ссылка, тюрьма.

---

* — разоблачение «тайн»: проделки Трошю, «порядки» в монастырях (S. 54). *Сделано еще очень мало!*

[1] P[age]—страница. *Ред.*

[2] Ленин ссылается здесь на соответствующую страницу книги Лиссагарэ, из которой взяты им цифры жертв Коммуны. Заглавие книги: «Histoire de la Commune de 1871». Есть русский перевод: «История Парижской Коммуны 1871 г.». *Ред.*

13. Уроки: буржуазия пойдет *на все*. Сегодня либералы, радикалы, республиканцы, завтра измена, расстрелы.

Самостоятельная организация пролетариата — классовая борьба — гражданская война.

На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении.

Написано в феврале — марте 1905 г.
Впервые напечатано в 1931 г. в «Ленинском сборнике» XVI.

Соч., т. XXX, стр. 108—112.

ИЗ «ПРЕДИСЛОВИЯ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ ПИСЕМ К. МАРКСА к Л. КУГЕЛЬМАНУ»

... Оценка Марксом Коммуны — венец писем к Кугельману. И эта оценка особенно много дает при сопоставлении ее с приемами российских с.-д. правого крыла. Плеханов, малодушно воскликнувший после декабря 1905 г.: «Не надо было браться за оружие», имел скромность сравнивать себя с Марксом. Маркс тоже, дескать, тормозил революцию в 1870 году.

Да, Маркс *тоже* тормозил ее. Но посмотрите, какая бездна открывается при этом, самим Плехановым взятом, сравнении между Плехановым и Марксом.

Плеханов в ноябре 1905 г., за месяц до апогея первой русской революционной волны, не только не предостерегал решительно пролетариат, а, напротив, прямо говорил о необходимости *учиться владеть оружием и вооружаться.* А когда через месяц борьба вспыхнула,— Плеханов без тени анализа ее значения, ее роли в общем ходе событий, ее связи с прежними формами борьбы, поспешил разыграть кающегося интеллигента: «Не нужно было браться за оружие».

Маркс в *сентябре 1870* года, *за полгода* до Коммуны, прямо предупредил французских рабочих: восстание будет *безумием,* сказал он в известном адресе Интернационала. Он вскрыл *заранее* националистические иллюзии насчет возможности движения в духе 1792-го г. Он умел *не задним числом,* а за много месяцев сказать: «Не надо браться за оружие».

И как он повел себя, когда это *безнадежное,* по его

собственному сентябрьскому заявлению, дело стало осуществляться в марте 1871 года? Может быть, Маркс использовал это (как Плеханов декабрьские события) только для «ущемления» своих врагов, прудонистов и бланкистов, руководивших Коммуной? Может быть, он стал брюзжать, как классная дама: я говорил, я предупреждал, вот вам ваша романтика, ваши революционные бредни? Может быть, он проводил коммунаров, как Плеханов декабрьских борцов, назиданием самодовольного филистера: «Не надо было браться за оружие»?

Нет. 12-го апреля 1871-го года Маркс пишет *состорженное* письмо Кугельману,—письмо, которое мы повесили бы охотно на стенке у каждого русского социал-демократа, у каждого русского грамотного рабочего.

Маркс, назвавший в сентябре 1870 года восстание безумием, в апреле 1871 года, видя народное, массовое движение, относится к нему с величайшим вниманием участника великих событий, знаменующих шаг вперед во всемирно-историческом революционном движении.

Это—*попытка,* говорит он, разрушить бюрократически-военную машину, а не просто передать ее в другие руки. И он поет настоящую осанна руководимым прудонистами и бланкистами парижским «*геройским*» рабочим. «Какая гибкость,—пишет он,—какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!» (стр. 75)... «История не знает еще примера подобного героизма».

Историческую инициативу масс Маркс ценит выше всего. Ох, если бы поучились у Маркса наши русские с.-д. в оценке *исторической инициативы* русских рабочих и крестьян в октябре и декабре 1905 года!

Преклонение глубочайшего мыслителя, предвидевшего за полгода неудачу, перед *исторической инициативой* масс,—и безжизненное, бездушное, педантское: «Не надо было браться за оружие!» Разве это не небо и земля?

И, как *участник* массовой борьбы, которую он переживал со всем свойственным ему пылом и страстью, сидя в изгнании в Лондоне, Маркс принимается критиковать *непосредственные шаги* «безумно-храбрых» парижан, «*готовых штурмовать небо*».

О, как насмехались бы тогда над Марксом наши нынешние «реальные» мудрецы из марксистов, разносящие в России 1906—1907 г.г. революционную романтику! Как издевались бы люди над *материалистом, экономистом,*

врагом утопий, который преклоняется перед «попыткой» штурмовать *небо!* Сколько бы слез, снисходительного смеха или сострадания пролили всякие человеки в футляре по поводу бунтарских тенденций, утопизма и проч. и проч., по поводу этой оценки к небу рвущегося движения!

А Маркс не проникся премудростью пескарей, боящихся обсуждать *технику* высших форм революционной борьбы. Он обсуждает именно *технические* вопросы восстания. Оборона или наступление?—говорит он, как если бы военные действия шли под Лондоном. И он решает: непременно наступление, «*надо было сейчас же идти на Версаль*»...

Это писано в апреле 1871 года, за несколько недель до великого кровавого мая...

«Надо было сейчас же идти на Версаль»—повстанцам, начавшим «безумное» (сентябрь 1870 г.) дело штурмования неба.

«Не надо было браться за оружие» в декабре 1905 года, чтобы отстоять силой первые покушения отнять захваченные свободы...

Да, Плеханов не даром сравнил себя с Марксом!

«Вторая ошибка»—продолжает свою *техническую* критику Маркс –«Центральный Комитет» *(военное начальство*—заметьте это—речь идет о Ц. К. национальной гвардии) Ц. К. «*слишком рано* сложил свои полномочия...»

Маркс умел предостерегать *вожаков* от преждевременного восстания. Но к *пролетариату,* штурмующему небо, он относился как практический советчик, как участник *борьбы* масс, поднимающих *все* движение на *высшую ступень,* несмотря на ложные теории и ошибки Бланки и Прудона.

«Как бы там ни было—пишет он—парижское восстание, если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания».

И Маркс, не скрывая от пролетариата *ни одной* ошибки Коммуны, посвятил этому *подвигу* произведение, которое *до сих пор* служит лучшим руководством в борьбе за «небо», –и самым страшным пугалом для либеральных и радикальных «*свиней*».

Плеханов посвятил декабрю «произведение», которое стало почти евангелием кадетов.

Да, Плеханов не даром сравнивал себя с Марксом.

Кугельман ответил Марксу, видимо, какими-то выражениями сомнения, указаниями на безнадежность дела, на реализм в противоположность романтике,—по крайней мере, он сравнил Коммуну—*восстание* с мирной демонстрацией 13 июня 1849 г. в Париже.

Маркс немедленно (17 апреля 1871 года) читает суровую отповедь Кугельману.

«*Творить мировую историю*—пишет он—*было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов*».

Маркс в сентябре 1870 года называл восстание безумием. Но когда *массы* восстали, Маркс хочет идти с ними, учиться вместе с ними, в ходе борьбы, а не читать канцелярские наставления. Он понимает, что попытка учесть наперед шансы *с полной точностью* была бы шарлатанством или безнадежным педантством. Он *выше всего* ставит то, что рабочий класс геройски, самоотверженно, инициативно *творит* мировую историю. Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее *творит,* не имея возможности наперед *непогрешимо* учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализирует «легко было предвидеть... не надо было браться...».

Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба *масс* даже за безнадежное дело *необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей* борьбе.

Нашим нынешним квази-марксистам, любящим цитировать Маркса всуе, чтобы брать только оценку прошлого у него, а не уменье творить будущее,—совсем непонятна, даже чужда в принципе такая *постановка* вопроса. Плеханов и не подумал о ней, когда приступал после декабря 1905 г. к задаче «*тормозить*»...

Но Маркс именно этот вопрос и ставит, не забывая нисколько того, что в сентябре 1870 года он сам признал безумие восстания.

«Буржуазные версальские канальи—пишет он—поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. *Деморализация рабочего класса* в последнем случае была бы *гораздо большим* несчастьем, чем гибель какого-угодно числа вожаков».

Этим мы и закончим краткий обзор уроков достойной пролетариата политики, которые преподает Маркс в письмах к Кугельману.

Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен «штурмовать небо».

Написано 18 (5) февраля 1907 г.

Соч., т. X, стр. 364—367.

УРОКИ КОММУНЫ

После государственного переворота, завершившего революцию 48 года, Франция на 18 лет подпала под иго наполеоновского режима. Этот режим довел страну не только до разорения экономического, но также до унижения национального. Восставший против старого режима пролетариат взял на себя две задачи: общенациональную и классовую: освобождение Франции от нашествия Германии и социалистическое освобождение рабочих от капитализма. В таком соединении двух задач—оригинальнейшая черта Коммуны.

Буржуазия составила тогда «правительство национальной обороны», и за общенациональную независимость пролетариат должен был бороться под его руководством. На самом деле это было правительство «народной измены», назначение свое видевшее в борьбе с парижским пролетариатом. Но пролетариат не замечал этого, ослепленный патриотическими иллюзиями. Патриотическая идея ведет свое происхождение еще от Великой Революции XVIII века; она подчинила себе умы социалистов Коммуны, и Бланки, напр., несомненный революционер и горячий сторонник социализма, для своей газеты не нашел более подходящего названия, как буржуазный вопль: «*Отечество в опасности!*».

В соединении противоречивых задач—патриотизма и социализма—была роковая ошибка французских социалистов. Уже в Манифесте Интернационала, в сентябре 1870 г., Маркс предостерегал французский пролетариат от увлечения ложной национальной идеей: глубокие изменения совершились со времени Великой Революции, клас-

совые противоречия обострились, и если тогда борьба с реакцией всей Европы объединяла всю революционную нацию, то теперь пролетариат уже не может соединять свои интересы с интересами других, враждебных ему классов; пусть буржуазия несет ответственность за национальное унижение—дело пролетариата бороться за социалистическое освобождение труда от ига буржуазии.

И действительно, истинная подкладка буржуазного «патриотизма» не замедлила обнаружиться. Заключив позорный мир с пруссаками, версальское правительство приступило к прямой своей задаче—и предприняло набег на страшное для него вооружение парижского пролетариата. Рабочие ответили провозглашением Коммуны и гражданской войной.

Несмотря на то, что социалистический пролетариат делился на многие секты, Коммуна явилась блестящим образцом того, как единодушно умеет пролетариат осуществлять демократические задачи, которые умела только провозглашать буржуазия. Без всякого особого сложного законодательства, просто, на деле провел захвативший власть пролетариат демократизацию общественного строя: отменил бюрократию, осуществил выборность чиновников народом.

Но две ошибки погубили плоды блестящей победы. Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости в стране, объединяемой общенациональной задачей; такие, например, учреждения, как банк, не были взяты, теории прудонистов насчет «справедливого обмена» и т. п. господствовали еще среди социалистов. Вторая ошибка—излишнее великодушие пролетариата: надо было истреблять своих врагов, а он старался морально повлиять на них, он пренебрег значением чисто военных действий в гражданской войне и вместо того, чтобы решительным наступлением на Версаль увенчать свою победу в Париже, он медлил и дал время версальскому правительству собрать темные силы и подготовиться к кровавой майской неделе.

Но при всех ошибках Коммуна есть величайший образец величайшего пролетарского движения XIX-века. Маркс высоко оценил историческое значение Коммуны—если бы во время предательского набега версальской шайки на оружие парижского пролетариата рабочие без боя дали

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE.

LIBERTÉ, ÉGALITÉ, FRATERNITÉ.

AU PEUPLE.

Citoyens,

Le Peuple de Paris a secoué le joug qu'on essayait de lui imposer.

Calme, impassible dans sa force, il a attendu sans crainte comme sans provocation les fous éhontés qui voulaient toucher à la République.

Cette fois, nos frères de l'armée n'ont pas voulu porter la main sur l'arche sainte de nos libertés. Merci à tous, et que Paris et la France jettent ensemble les bases d'une République acclamée avec toutes ses conséquences, le seul Gouvernement qui fermera pour toujours l'ère des invasions et des guerres civiles.

L'état de siége est levé.

Le Peuple de Paris est convoqué dans ses sections pour faire ses Élections communales.

La sûreté de tous les citoyens est assurée par le concours de la Garde nationale.

Hotel-de-Ville. Paris, le 19 mars 1871

Le Comité central de la Garde nationale,

ASSI, BILLIORAY, TEIRAT. BABICK, Edouard MOREAU, C DUPONT, VARLIN. BOURSIER. MORTIER, GOUHIER, LAVALETTE. Fr JOURDE, MOUSSEAU, Ch LULLIER, BLANCHET, J. GROLLARD, BARROUD, H. GÉRESME, FABRE, FOUGERET.

Воззвание Центрального комитета Национальной гвардии от 19 марта 1871 г.

бы отнять его, то гибельное значение деморализации, внесенной такой слабостью в пролетарское движение, было бы во много и много раз тяжелее ущерба от потерь, которые понес рабочий класс в бою, защищая свое оружие. Как ни велики жертвы Коммуны, они искупаются значением ее для общепролетарской борьбы: она всколыхнула по Европе социалистическое движение, она показала силу гражданской войны, она рассеяла патриотические иллюзии и разбила наивную веру в общенациональные стремления буржуазии. Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции.

Урок, полученный пролетариатом, не забудется. Рабочий класс будет пользоваться им, как воспользовался уже в России, в декабрьское восстание.

Эпоха, предшествовавшая русской революции, подготовлявшая ее, имеет некоторое сходство с эпохой наполеоновского ига во Франции. И в России самодержавная клика довела страну до ужасов экономического разорения и национального унижения. Но долго не могла разразиться революция—пока социальное развитие не создало условий для массового движения и, несмотря на весь героизм свой, изолированные нападения на правительство в дореволюционный период разбивались о равнодушие народных масс. Только соц.-д-тия упорной и планомерной работой воспитала массы до высших форм борьбы—массовых выступлений и гражданской вооруженной войны.

Она сумела разбить в молодом пролетариате «общенациональные» и «патриотические» заблуждения, и после того, как при ее непосредственном вмешательстве удалось вырвать из рук царя манифест 17 октября, пролетариат приступил к энергичной подготовке к дальнейшему неизбежному этапу революции—вооруженному восстанию. Свободный от «общенациональных» иллюзий, он свои классовые силы сосредоточивал в своих массовых организациях—Советах Рабочих и Солдатских Депутатов и т. п. И несмотря на все различие в целях и задачах, поставленных перед русской революцией, сравнительно с французской 71 года, русский пролетариат должен был прибегнуть к тому же способу борьбы, которому начало дала Парижская Коммуна,—к гражданской войне. Помня ее уроки, он знал, что пролетариат не должен пренебрегать мирными орудиями борьбы—они служат его повседневным, будничным интересам, они необходимы в периоды подго-

Провозглашение Коммуны
28 марта 1871 г.

товки революций—но никогда не должен он забывать и того, что классовая борьба при известных условиях выливается в формы вооруженной борьбы и гражданской войны; бывают моменты, когда интересы пролетариата требуют беспощадного истребления врагов в открытых боевых схватках. Впервые показал это французский пролетариат в Коммуне и блестяще подтвердил русский пролетариат в декабрьском восстании.

Пусть оба эти грандиозные восстания рабочего класса подавлены—будет новое восстание, перед которым слабыми окажутся силы врагов пролетариата, из которого с полной победой выйдет социалистический пролетариат.

«Заграничная Газета» № 2.
23 марта 1908 г.

Соч., т. XII, стр. 162—164.

ПАМЯТИ КОММУНЫ

Сорок лет прошло со времени провозглашения Парижской Коммуны. По установившемуся обычаю французский пролетариат митингами и демонстрациями почтил память деятелей революции 18 марта 1871 года; а в конце мая он снова понесет венки на могилы расстрелянных коммунаров, жертв страшной «майской недели», и на их могилах снова поклянется бороться, не покладая рук, вплоть до полного торжества их идей, до полного исполнения завещанного ими дела.

Почему же пролетариат, не только французский, но и всего мира, чтит в деятелях Парижской Коммуны своих предшественников? И в чем заключается наследство Коммуны?

Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял. Неудачная война с Германией, мучения во время осады, безработица среди пролетариата и разорение среди мелкой буржуазии; негодование массы против высших классов и против начальства, проявившего полную неспособность, смутное брожение в среде рабочего класса, недовольного своим положением и стремившегося к иному социальному укладу; реакционный состав Национального Собрания, заставлявший опасаться за судьбу республики,—все это и многое другое соединилось для того, чтобы толкнуть парижское население к революции 18 марта, неожиданно передавшей власть в руки национальной гвардии, в руки рабочего класса и примкнувшей к нему мелкой буржуазии.

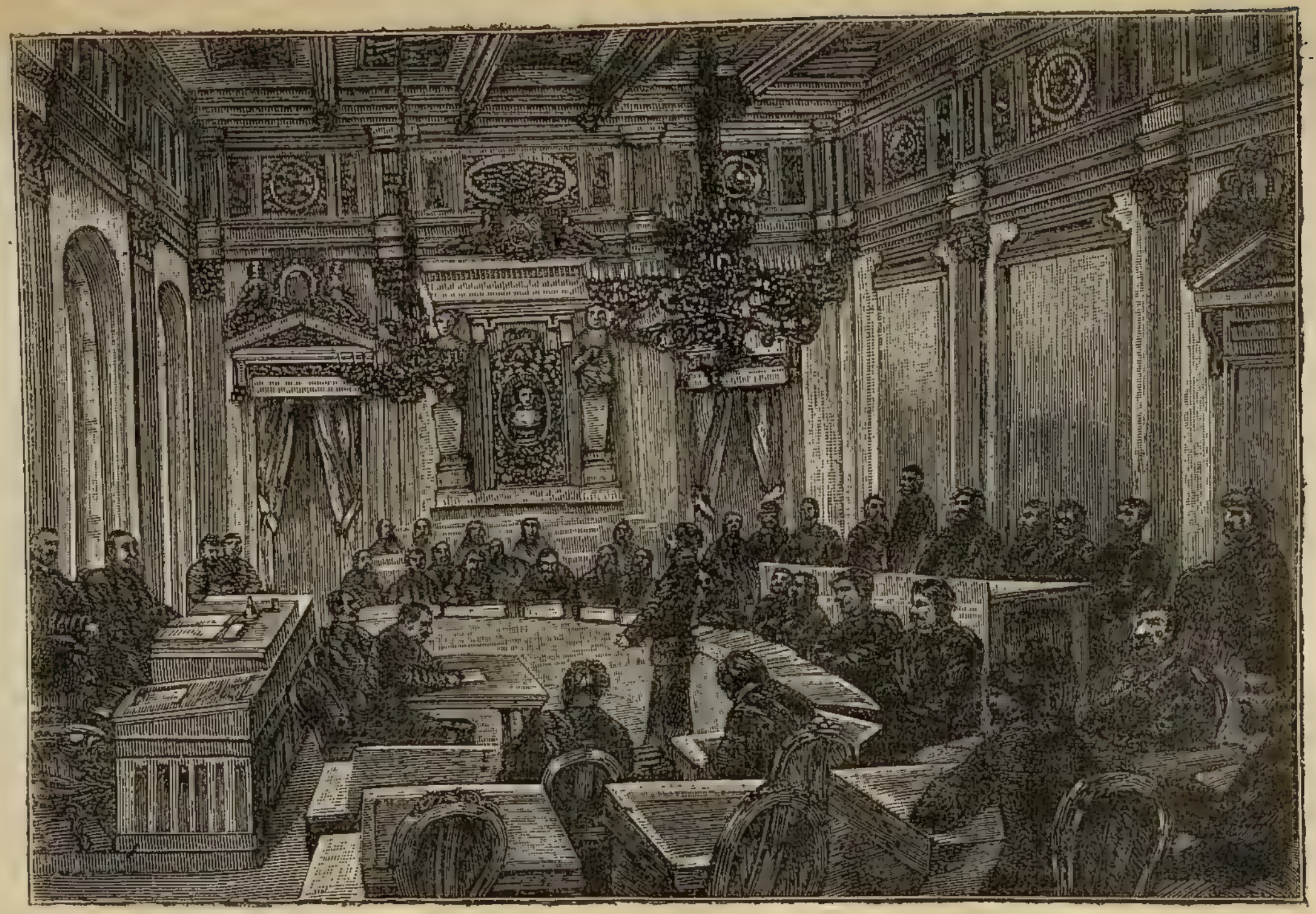
Это было невиданным в истории событием. До тех пор власть обыкновенно находилась в руках помещиков и ка-

питалистов, т.-е. их доверенных лиц, составлявших так называемое правительство. После же революции 18 марта, когда правительство г. Тьера бежало из Парижа со своими войсками, полицией и чиновниками,—народ остался господином положения, и власть перешла к пролетариату. Но в современном обществе пролетариат, порабощенный капиталом экономически, не может господствовать политически, не разбивши своих цепей, которые приковывают его к капиталу. И вот почему движение Коммуны должно было неизбежно получить социалистическую окраску, т.-е. начать стремиться к ниспровержению господства буржуазии, господства капитала, к разрушению самых *основ* современного общественного строя.

Вначале это движение было крайне смешанным и неопределенным. К нему примкнули и патриоты, надеявшиеся, что Коммуна возобновит войну с немцем и доведет ее до благополучного конца. Его поддержали и мелкие лавочники, которым грозило разорение, если не будет отсрочен платеж по векселям и уплата за квартиру (этой отсрочки правительство не хотело им дать, но зато дала Коммуна). Наконец, первое время ему отчасти сочувствовали и буржуазные республиканцы, опасавшиеся, что реакционное Национальное Собрание («деревенщина», дикие помещики) восстановит монархию. Но главную роль в этом движении играли, конечно, рабочие (особенно парижские ремесленники), среди которых в последние годы Второй Империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу.

Только рабочие остались до конца верны Коммуне. Буржуазные республиканцы и мелкие буржуа скоро отстали от нее: одних напугал революционно-социалистический, пролетарский характер движения; другие отстали от него, когда увидели, что оно обречено на неминуемое поражение. Только французские пролетарии без страха и устали поддерживали *свое* правительство, только они сражались и умирали за него, то-есть за дело освобождения рабочего класса, за лучшее будущее для всех трудящихся.

Покинутая вчерашними союзниками и никем не поддержанная, Коммуна неизбежно должна была потерпеть поражение. Вся буржуазия Франции, все помещики, биржевики, фабриканты, все крупные и мелкие воры, все эксплуататоры соединились против нее. Этой буржуазной коалиции, поддержанной Бисмарком (который отпустил из немецкого плена 100.000 французских солдат для покорения



Заседание Парижской Коммуны

революционного Парижа), удалось восстановить темных крестьян и мелкую провинциальную буржуазию против парижского пролетариата и окружить половину Парижа железным кольцом (вторая половина была обложена немецкой армией). В некоторых крупных городах Франции (Марселе, Лионе, Сент-Этьене, Дижоне и пр.) рабочие также сделали попытки захватить власть, провозгласить Коммуну и пойти на выручку Парижа, но эти попытки быстро закончились неудачей. И Париж, первый поднявший знамя пролетарского восстания, предоставлен был собственным силам и обречен на верную гибель.

Для победоносной социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ...

Но главное, чего нехватало Коммуне, так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление своей программы. Не успела она приступить к делу, как засевшее в Версале правительство, поддержанное всей буржуазией, открыло против Парижа военные действия. И Коммуне пришлось прежде всего подумать о самообороне. И вплоть до самого конца, наступившего 21—28 мая, ей ни о чем другом серьезно подумать не было времени.

Впрочем, несмотря на столь неблагоприятные условия, несмотря на кратковременность своего существования, Коммуна успела принять несколько мер, достаточно характеризующих ее истинный смысл и цели. Коммуна заменила постоянную армию, это слепое орудие в руках господствующих классов, всеобщим вооружением народа; она провозгласила отделение церкви от государства, уничтожила бюджет культов (т.-е. государственное жалованье попам), придала народному образованию чисто светский характер—и этим нанесла сильный удар жандармам в рясах. В чисто социальной области она успела сделать немного, но это немногое все-таки достаточно ярко вскры-

вает ее характер, как народного, рабочего правительства: запрещен был ночной труд в булочных; отменена система штрафов, этого узаконенного ограбления рабочих; наконец, издан знаменитый декрет (указ), в силу которого все фабрики, заводы и мастерские, покинутые или приостановленные своими хозяевами, передавались рабочим артелям для возобновления производства. И как бы для того, чтобы подчеркнуть свой характер истинно-демократического, пролетарского правительства, Коммуна постановила, что вознаграждение всех чинов администрации и правительства не должно превышать нормальной рабочей платы и ни в коем случае не быть выше 6.000 франков (менее 200 рублей в месяц) в год.

Все эти меры достаточно ясно говорили о том, что Коммуна составляет смертельную угрозу для старого мира, основанного на порабощении и эксплуатации. Поэтому буржуазное общество не могло спать спокойно, пока на парижской городской думе развевалось красное знамя пролетариата. И когда, наконец, организованной правительственной силе удалось взять верх над плохо организованной силой революции, бонапартовские генералы, побитые немцами и храбрые против побежденных земляков, эти французские Ренненкампфы и Меллер-Закомельские устроили такую резню, какой Париж еще не видал. Около 30.000 парижан было убито озверевшей солдатчиной, около 15.000 арестовано и многие из них впоследствии казнены, тысячи сосланы на каторгу и на поселение. В общем, Париж потерял около 100.000 сынов, в том числе лучших рабочих всех профессий.

Буржуазия была довольна. «Теперь с социализмом покончено надолго!» говорил ее вождь, кровожадный карлик Тьер после кровавой бани, которую он со своими генералами задал парижскому пролетариату. Но напрасно каркали эти буржуазные вороны. Через каких-нибудь шесть лет после подавления Коммуны, когда многие борцы ее еще томились на каторге и в ссылке, во Франции уже начиналось новое рабочее движение. Новое социалистическое поколение, обогащенное опытом своих предшественников, но отнюдь не обескураженное их поражением, подхватило знамя, выпавшее из рук борцов Коммуны, и понесло его уверенно и смело вперед при кликах: «да здравствует социальная революция! да здравствует Коммуна!» А еще через пару-другую лет новая рабочая партия и поднятая ею в стране агитация заставила господ-

ствующие классы отпустить на свободу пленных коммунаров, еще оставшихся в руках правительства.

Память борцов Коммуны чтится не только французскими рабочими, но и пролетариатом всего мира. Ибо Коммуна боролась не за какую-нибудь местную или узко-национальную задачу, а за освобождение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных. Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна снискала симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат. Картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего в своих руках в течение свыше двух месяцев столицу мира, зрелище геройской борьбы пролетариата и его страдания после поражения,—все это подняло дух миллионов рабочих, возбудило их надежды и привлекло их симпатии на сторону социализма. Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды. Вот почему дело Коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас.

Дело Коммуны—это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно.

«Рабочая Газета» № 4—5,
28 (15) апреля 1911 г.

Соч., т. XV, стр. 157—160.

О ЗАДАЧАХ ПРОЛЕТАРИАТА В ДАННОЙ РЕВОЛЮЦИИ[1]

Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата.

Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе и *добросовестным* оппонентам, было изготовление *письменных* тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и *дважды:* сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков, и меньшевиков.

Печатаю эти мои личные тезисы, снабженные лишь самыми краткими пояснительными примечаниями, которые гораздо подробнее были развиты в докладе:

ТЕЗИСЫ

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К⁰ безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролета-

---

[1] Эта статья, известная как «Апрельские тезисы», была впервые опубликована в «Правде» № 26, 7 апреля 1917 г. *Ред.*

риат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

В виду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, в виду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром *нельзя* без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братанье.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,—*ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному Правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов Рабочих Депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед *блоком всех* мелко-буржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от Н.-С.,

С.-Р. до О. К.[1] (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика,—возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,—а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу до верху.

Устранение полиции, армии, чиновничества*.

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Сов. Батр. Депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Сов. Батр. и Крест. Депутатов. Выделение Советов Депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем Батр. Депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один обще-национальный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.

8. Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов.

---

[1] Н.-С.—народные социалисты, С.-Р.—социалисты-революционеры, О. К.—Организационный комитет—руководящий центр меньшевиков. *Ред.*

* Т.-е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

9. Партийные задачи:
   а) немедленный съезд партии;
   б) перемена программы партии, главное:
      1) об империализме и империалистской войне.
      2) об отношении к государству и *наше* требование «государства-коммуны» *.
      3) исправление отсталой программы-минимум;
   в) перемена названия партии **.

10. Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против *социал-шовинистов* и против «центра» ***.

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случай» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве» г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «в виду несомненной добросовестности *широких* слоев *массовых* представителей революционного оборончества..., в виду их обмана буржуазией, надо *особенно* обстоятельно, настойчиво, *терпеливо* разъяснять им их ошибку»...

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, *не* принадлежащие ни к *широким* слоям, ни к *массовым* представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено (!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) «в среде (!!) революционной демократии»...

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской Воли»?

---

* Т.-е. такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна.

** Вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во *всем* мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо назваться *Коммунистической Партией.*

*** «Центром» называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами (= «оборонцами») и интернационалистами, именно: Каутский и К⁰ в Германии, Лонгэ и К⁰ во Франции, Чхеидзе и К⁰ в России, Турати и К⁰ в Италии, Макдональд и К⁰ в Англии и т. д.

Я пишу, читаю, разжевываю: «Советы Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства, и поэтому нашей задачей может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс *разъяснение* ошибок их тактики»...

А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды, как призыв к «гражданской войне в среде революционной демократии»!!

Я нападал на Вр. Правительство за то, что оно *не* назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учр. Собрания, отделываясь посулами. Я доказывал, что *без* Советов Р. и С. Деп. созыв Учр. Собрания не обеспечен, успех его невозможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учр. Собрания!!!

Я бы назвал это «бредовыми» выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение.

Г. Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «бреда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, *как* рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 г.г. об опыте Парижской Коммуны и о том, *какое* государство пролетариату нужно?

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме.

Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 августа 1914 г. *германскую* социал-демократию «смердящим трупом». А г.г. Плехановы, Гольденберги и К⁰ «обижаются»... за кого?—за *германских* шовинистов, названных шовинистами!

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле.

Избранные произведения, т. II, стр. 3—6.

ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ
О ПРОЛЕТАРСКОЙ МИЛИЦИИ

Тот вывод, который я сделал вчера относительно колеблющейся тактики Чхеидзе, вполне подтвердился сегодня, 10 (23) марта, двумя документами. Первый—сообщенное по телеграфу из Стокгольма во «Франкфуртскую Газету» извлечение из манифеста Ц. К. нашей партии, Росс. С.-Д. Раб. Партии, в Питере. В этом документе нет ни слова ни о поддержке Гучковского правительства, ни о свержении его: рабочие и солдаты призываются к организации вокруг Совета Рабочих Депутатов, к выбору представителей в него для борьбы против царизма за республику, 8-мичасовой рабочий день, за конфискацию помещичьих земель и хлебных запасов, а главное—за прекращение грабительской войны. При этом особенно важна и особенно злободневна та совершенно правильная мысль нашего Ц. К., что для мира необходимы сношения с *пролетариями всех воюющих стран.*

Ждать мира от переговоров и сношений между буржуазными правительствами было бы самообманом и обманом народа.

Второй документ—сообщенное тоже по телеграфу из Стокгольма в другую немецкую газету («Фоссову Газету») известие о совещании думской фракции Чхеидзе с трудовой группой (?Arbeiterfraction) и с представителями 15 рабочих союзов 2 (15) марта и о воззвании, опубликованном на другой день. Из 11 пунктов этого воззвания телеграф излагает только три: 1-ый—требование республики, 7-ой—требование мира и немедленного начала переговоров о мире, и 3-ий, требующий «достаточного участия представителей русского рабочего класса в правительстве».

Если этот пункт изложен верно, то я понимаю, за что буржуазия хвалит Чхеидзе. Я понимаю, почему к приведенной мной выше похвале английских гучковцев в «Times» (Таймзе) прибавилась похвала французских гучковцев в «Le Temps»[1]. Эта газета французских миллионеров и империалистов пишет 22 марта: «Вожди рабочих партий, особенно г. Чхеидзе, употребляют все свое влияние, чтобы умерить желания рабочих классов».

В самом деле, требовать «участия» рабочих в Гучковско-Милюковском правительстве есть теоретически и политически нелепость: участвовать в меньшинстве значило бы быть пешкой; участвовать «поровну» невозможно, ибо нельзя помирить требование продолжать войну с требованием заключить перемирие и открыть мирные переговоры; чтобы «участвовать» в большинстве, надо иметь силу *свергнуть* Гучковско-Милюковское правительство. На практике требование «участия» есть наихудшая луиблановщина, т.-е. забвение классовой борьбы и ее реальной обстановки, увлечение пустейшей звонкой фразой, распространение иллюзий среди рабочих, потеря на переговоры с Милюковым или Керенским *драгоценного* времени, которое надо употребить на создание *действительной* классовой и революционной силы, пролетарской милиции, способной *внушить доверие всем* беднейшим слоям населения, составляющим огромное большинство его, *помочь им организоваться,* помочь *им* бороться за хлеб, за мир, за свободу.

Эта ошибка воззвания Чхеидзе и его группы (я не говорю о *партии* О. К., Организационного Комитета, ибо в тех источниках, которые мне доступны, нет ни звука об О. К.)—эта ошибка тем более странная, что на совещании 2 (15) марта ближайший единомышленник Чхеидзе, Скобелев, как передают газеты, сказал следующее: «Россия накануне второй, настоящей (wirklich, буквально: действительной) революции».

Вот это—правда, из которой забыли сделать практические выводы Скобелев и Чхеидзе. Я не могу судить отсюда, из моего проклятого далека, насколько близка эта вторая революция. Скобелеву там, на месте, виднее. Я не ставлю поэтому себе вопросов, для решения которых у меня нет и не может быть конкретных данных. Я подчеркиваю лишь подтверждение «сторонним свидете-

---

[1] — «Время». *Ред.*

лем», т.-е. не принадлежащим к нашей партии Скобелевым, того *фактического* вывода, к которому я пришел в первом письме, именно: февральско-мартовская революция была лишь *первым этапом* революции. Россия переживает своеобразный исторический момент *перехода* к следующему этапу революции или, по выражению Скобелева, ко «второй революции».

Если мы хотим быть марксистами и учиться из опыта революций всего мира, мы должны постараться понять, в чем именно *своеобразие* этого *переходного* момента и какая тактика вытекает из его объективных особенностей.

Своеобразие положения в том, что Гучковско-Милюковское правительство одержало первую победу необыкновенно легко в силу трех следующих главнейших обстоятельств: 1) помощь англо-французского финансового капитала и его агентов; 2) помощь части верхних слоев армии; 3) готовая организация всей русской буржуазии в земских, городских учреждениях, Государственной Думе, военно-промышленных комитетах и проч.

Гучковское правительство находится в тисках: связанное интересами капитала, оно вынуждено стремиться к продолжению грабительской, разбойничьей войны, к охране чудовищных прибылей капитала и помещиков, к восстановлению монархии. Связанное революционным своим происхождением и необходимостью крутого перехода от царизма к демократии, находясь под давлением голодных и требующих мира масс, правительство вынуждено лгать, вертеться, выгадывать время, как можно больше «провозглашать» и обещать (обещания—единственная вещь, которая очень дешева даже в эпоху бешеной дороговизны), как можно меньше исполнять, одной рукой давать уступки, другой отбирать их.

При известных обстоятельствах, в наилучшем для него случае, новое правительство может несколько оттянуть крах, опираясь на все организаторские способности всей русской буржуазии и буржуазной интеллигенции. Но даже в этом случае оно *не в силах* избежать краха, ибо *нельзя* вырваться из когтей ужасного, всемирным капитализмом порожденного чудовища империалистской войны и голода, не покидая почвы буржуазных отношений, не переходя к революционным мерам, не апеллируя к величайшему историческому героизму и русского и всемирного пролетариата.

Отсюда вывод: мы не сможем одним ударом свергнуть

Да здравствует Коммуна!

новое правительство или, если мы сможем сделать это (в революционные времена пределы возможного тысячекратно расширяются), то мы не сможем удержать власти, *не противопоставляя* великолепной организации всей русской буржуазии и всей буржуазной интеллигенции столь же великолепной *организации пролетариата*, руководящего всей необъятной массой городской и деревенской бедноты, полупролетариата и мелких хозяйчиков.

Все равно, вспыхнула ли уже «вторая революция» в Питере (я сказал, что была бы совершенно нелепа мысль учесть из-за границы конкретный темп ее назревания), или она отсрочена на некоторое время, или она началась уже в некоторых отдельных местностях России (на это имеются, повидимому, некоторые указания),—во *всяком* случае лозунгом момента и накануне новой революции, и во время нее, и на другой день после нее должна быть *пролетарская организация.*

Товарищи-рабочие! Вы проявили чудеса пролетарского героизма вчера, свергая царскую монархию. Вам неизбежно придется в более или менее близком будущем (может быть, даже приходится теперь, когда я пишу эти строки) снова проявить чудеса такого же героизма для свержения власти помещиков и капиталистов, ведущих империалистскую войну. Вы не сможете *прочно победить* в этой следующей, «настоящей» революции, если вы не проявите *чудес пролетарской организованности!*

Лозунг момента—организация. Но ограничиться этим значило бы еще ничего не сказать, ибо, с одной стороны, организация нужна *всегда*, значит одно указание на необходимость «организации масс» ровнехонько еще ничего не разъясняет, а с другой стороны, кто ограничился бы этим, тот только оказался бы подголоском либералов, ибо *либералы именно* желают для укрепления своего господства, чтобы рабочие *не шли дальше обычных*, «легальных» (с точки зрения «нормального» буржуазного общества) организаций, т.-е. чтобы рабочие *только* записывались в свою партию, в свой профессиональный союз, в свой кооператив и т. д., и т. п.

Рабочие своим классовым инстинктом поняли, что в революционное время им нужна совсем иная, *не только* обычная организация, они правильно встали на путь, указанный опытом нашей революции 1905-го года и Парижской Коммуны 1871-го года, они создали *Совет Рабочих Депутатов*, они стали развивать, расширять, укреплять его при-

влечением *солдатских* депутатов и, несомненно, депутатов от сельских *наемных* рабочих, а затем (в той или иной форме) от всей крестьянской бедноты.

Создание подобных организаций во всех без исключения местностях России, для всех без исключения профессий и слоев пролетарского и полупролетарского населения, т.-е. всех трудящихся и эксплуатируемых, если употребить менее экономически точное, но более популярное выражение,—такова задача первейшей, неотложнейшей важности. Забегая вперед, отмечу, что для всей крестьянской массы наша партия (об ее *особой* роли в пролетарских организациях нового типа я надеюсь побеседовать в одном из следующих писем) должна особенно рекомендовать *отдельные* советы наемных рабочих и затем мелких, не продающих хлеба, земледельцев *от* зажиточных крестьян: без этого условия нельзя ни вести истинно пролетарской политики, вообще говоря*, ни правильно подойти к важнейшему практическому вопросу жизни и смерти миллионов людей: к правильной разверстке *хлеба*, к увеличению его производства и т. д.

Но, спрашивается, что должны делать советы рабочих депутатов? Они «должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти», писали мы в № 47 женевского «Социал-Демократа», 13 октября 1915 года.

Это теоретическое положение, выведенное из опыта Коммуны 1871 г. и русской революции 1905 года, должно быть пояснено и конкретнее развито на основе практических указаний именно данного этапа именно данной революции в России.

Нам нужна революционная *власть*, нам нужно (на известный переходный период) *государство*. Этим мы отличаемся от анархистов. Разница между революционными марксистами и анархистами состоит не только в том, что первые стоят за централизованное, крупное, коммунистическое производство, а вторые за раздробленное, мелкое. Нет, разница именно по вопросу о власти, о государстве состоит в том, что мы *за* революционное использова-

---

* В деревне развернется теперь борьба за мелкое и частью среднее крестьянство. Помещики, опираясь на зажиточных крестьян, будут вести его к подчинению буржуазии. Мы должны вести его, опираясь на сельских наемных рабочих и бедноту, к теснейшему союзу с городским пролетариатом.

ние революционных форм государства для борьбы за социализм, а анархисты *против*.

Нам нужно государство. Но нам нужно *не такое* государство, каким создала его буржуазия повсюду, начиная от конституционных монархий и кончая самыми демократическими республиками. И в этом состоит наше отличие от оппортунистов и каутскианцев старых, начавших загнивать, социалистических партий, исказивших или забывших уроки Парижской Коммуны и анализ этих уроков Марксом и Энгельсом*.

Нам нужно государство, но *не* такое, какое нужно буржуазии, с отделенными от народа и противопоставляемыми народу органами власти в виде полиции, армии, бюрократии (чиновничества). Все буржуазные революции только усовершенствовали *эту* государственную машину, только передавали *ее* из рук одной партии в руки другой партии.

Пролетариат же, если он хочет отстоять завоевания данной революции и пойти дальше, завоевать мир, хлеб и свободу, должен «*разбить*», выражаясь словами Маркса, эту «готовую» государственную машину и заменить ее новой, *сливая* полицию, армию и бюрократию с *поголовно вооруженным народом*. Идя по пути, указанному опытом Парижской Коммуны 1871 года и русской революции 1905 года, пролетариат должен организовать и вооружить *все* беднейшие, эксплуатируемые части населения, чтобы они *сами* взяли непосредственно в свои руки органы государственной власти, *сами составили* учреждения этой власти.

И рабочие России уже во время первого этапа первой революции, в феврале—марте 1917 года, *вступили* на этот путь. Вся задача теперь в том, чтобы ясно понять, каков этот новый путь,—в том, чтобы смело, твердо и упорно идти по нему дальше.

Англо-французские и русские капиталисты хотели «только» сместить или даже «попугать» Николая II, оставив неприкосновенною старую государственную машину, полицию, армию, чиновничество.

---

* В одном из следующих писем или в особой статье я подробно остановлюсь на этом анализе, данном в частности в «Гражданской войне во Франции» Маркса, в предисловии Энгельса к 3-му изданию этого сочинения в письмах: Маркса от 12 апреля 1871 и Энгельса от 18—28 марта 1875, а также на полном искажении марксизма Каутским в его полемике 1912 года против Паннекука по вопросу о так называемом «разрушении государства».

Рабочие пошли дальше и разбили ее. И теперь не только англо-французские, но и немецкие капиталисты *воют* от злобы и ужаса, видя, например, как русские солдаты расстреливали своих офицеров, хотя бы сторонника Гучкова и Милюкова, адмирала Непенина.

Я сказал, что рабочие разбили ее, старую государственную машину. Точнее: *начали* разбивать ее.

Возьмем конкретный пример.

Полиция частью перебита, частью смещена в Питере и многих других местах. Гучковско-Милюковское правительство *не сможет* ни восстановить монархии, ни вообще удержаться у власти, *не восстановив* полиции, как особой, отделенной от народа и противопоставленной ему, организации вооруженных людей, находящихся под командой буржуазии. Это ясно, как ясен ясный божий день.

С другой стороны, новое правительство должно считаться с революционным народом, кормить его полууступками и посулами, оттягивать время. Поэтому оно идет на полумеру: оно учреждает «народную милицию» с выборными властями (это звучит ужасно благовидно! ужасно демократически, революционно и красиво!)—*но... но*, во-1-х, ставит ее под контроль, под начало земских и городских самоуправлений, т.-е. под начало помещиков и капиталистов, выбранных по законам Николая Кровавого и Столыпина-Вешателя!! Во-2-х, называя милицию «народной», чтобы пустить «народу» пыль в глаза, оно *на деле* не призывает народа *поголовно* к участию в этой милиции *и не обязывает* хозяев и капиталистов *платить* служащим и рабочим обычную плату *за те часы и дни,* которые они посвящают *общественной службе,* т.-е. милиции.

Вот где зарыта собака. Вот каким путем достигает помещичье и капиталистическое правительство Гучковых и Милюковых того, что «народная милиция» остается на бумаге, а на деле восстановляется помаленьку, потихоньку *буржуазная,* противонародная милиция, сначала из «8 000 студентов и профессоров» (так описывают заграничные газеты теперешнюю питерскую милицию)—это явная игрушка!—потом постепенно из старой и новой *полиции.*

Не дать восстановить полиции! Не выпускать местных властей из своих рук! Создавать действительно общенародную, поголовно-всеобщую, руководимую пролетариатом, милицию!—вот задача дня, вот лозунг момента, одинаково отвечающий и правильно понятым интересам дальнейшей классовой борьбы, дальнейшего революцион-

ного движения, и демократическому инстинкту всякого рабочего, всякого крестьянина, всякого трудящегося и эксплуатируемого человека, который не может не ненавидеть полиции, стражников, урядников, команды помещиков и капиталистов над вооруженными людьми, получающими власть над народом.

Какая полиция нужна *им*, Гучковым и Милюковым, помещикам и капиталистам? Такая же, какая была при царской монархии. *Все* буржуазные и буржуазно-демократические республики в мире завели у себя или восстановили у себя, после самых коротких революционных периодов, *именно такую* полицию, особую организацию отделенных от народа и противопоставленных ему вооруженных людей, подчиненных, так или иначе, буржуазии.

Какая милиция нужна нам, пролетариату, всем трудящимся? Действительно *народная*, т.-е., во-первых, состоящая из всего *поголовно* населения, из всех взрослых граждан *обоего* пола, а во-вторых, соединяющая в себе функции народной армии с функциями полиции, с функциями главного и основного органа государственного порядка и государственного управления.

Чтобы сделать эти положения более наглядными, возьму чисто схематический пример. Нечего и говорить, что была бы нелепа мысль о составлении какого бы то ни было «плана» пролетарской милиции: когда рабочие и весь народ настоящей массой возьмутся за дело практически, они во сто раз лучше разработают и обставят его, чем какие угодно теоретики. Я не предлагаю «плана», я хочу только иллюстрировать свою мысль.

В Питере около двух миллионов населения. Из них более половины имеет от 15 до 65 лет. Возьмем половину— 1 миллион. Откинем даже целую четверть на больных и т. п., не участвующих в данный момент в общественной службе по уважительным причинам. Остается 750 000 человек, которые, работая в милиции, допустим, 1 день из 15 (и продолжая получать за это время плату от хозяев), составили бы армию в 50 000 человек.

Вот *какого типа* «государство» нам нужно!

Вот какая милиция была бы на деле, а не на словах только, «народной милицией».

Вот каким путем должны мы идти к тому, чтобы *нельзя было* восстановить ни особой полиции, ни особой, отдельной от народа, армии.

Такая милиция, на 95 частей из 100, состояла бы из рабочих и крестьян, выражала бы *действительно* разум и волю, силу и власть огромного большинства народа. Такая милиция действительно бы вооружала и обучала военному делу поголовно весь народ, обеспечивая *не* по-Гучковски, *не* по-Милюковски от всяких попыток восстановления реакции, от всяких происков царских агентов. Такая милиция была бы исполнительным органом «Советов Рабочих и Солдатских Депутатов», она пользовалась бы *абсолютным* уважением и доверием населения, ибо она сама была бы организацией поголовно всего населения. Такая милиция превратила бы демократию из красивой вывески, прикрывающей порабощение народа капиталистами и издевательство капиталистов над народом, в настоящее *воспитание масс* для участия во *всех* государственных делах. Такая милиция втянула бы подростков в политическую жизнь, уча их не только словом, но и делом, *работой*. Такая милиция развила бы те функции, которые, говоря ученым языком, относятся к ведению «полиции благосостояния», санитарный надзор и т. п., привлекая к подобным делам поголовно всех взрослых женщин. А не привлекая женщин к общественной службе, к милиции, к политической жизни, не вырывая женщин из их отупляющей домашней и кухонной обстановки, *нельзя* обеспечить настоящей свободы, *нельзя* строить даже демократии, не говоря уже о социализме.

Такая милиция была бы пролетарской милицией, потому что промышленные и городские рабочие так же естественно и неизбежно получили бы в ней руководящее влияние на массу бедноты, как естественно и неизбежно заняли они руководящее место во всей революционной борьбе народа и в 1905—07 г.г., и в 1917 году.

Такая милиция обеспечила бы абсолютный порядок и беззаветно осуществляемую товарищескую дисциплину. А в то же время она, в переживаемый всеми воюющими странами тяжелый кризис, дала бы возможность действительно демократически бороться с этим кризисом, осуществлять правильно и быстро разверстку хлеба и др. припасов, проводить в жизнь «всеобщую трудовую повинность», которую французы называют теперь «гражданской мобилизацией», а немцы «обязанностью гражданской службы», и без которой *нельзя—оказалось, что нельзя*,—лечить раны, нанесенные и наносимые разбойнической и ужасной войной.

Неужели пролетариат России проливал свою кровь только для того, чтобы получить пышные обещания одних только политических демократических реформ? Неужели он не потребует и не добьется, чтобы *всякий* трудящийся *тотчас* увидал и почувствовал известное улучшение своей жизни? Чтобы всякая семья имела хлеб? Чтобы всякий ребенок имел бутылку хорошего молока и чтобы ни один взрослый в богатой семье не смел взять лишнего молока, пока не обеспечены дети? Чтобы дворцы и богатые квартиры, оставленные царем и аристократией, не стояли зря, а дали приют бескровным и неимущим? Кто может осуществить эти меры кроме всенародной милиции с непременным участием женщин наравне с мужчинами?

Такие меры *еще не* социализм. Они касаются разверстки потребления, а не переорганизации производства. Они не были бы еще «диктатурой пролетариата», а только «революционно-демократической диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства». Не в том дело сейчас, как их теоретически классифицировать. Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко-понятой «теории» вместо того, чтобы видеть в теории прежде всего и больше всего *руководство к действию*.

Найдется ли в массе русских рабочих столько сознательности, выдержки, героизма, чтобы проявить «чудеса пролетарской организации» после того, как они проявили в прямой революционной борьбе чудеса смелости, инициативы, самопожертвования? Этого мы не знаем, и гадать об этом было бы праздным делом, ибо ответы на такие вопросы даются *только* практикой.

Что мы твердо знаем и что мы должны, как партия, разъяснять массам, это—с одной стороны, что налицо есть величайшей силы исторический двигатель, который порождает невиданный кризис, голод, неисчислимые бедствия. Этот двигатель—война, которую капиталисты *обоих* воюющих лагерей ведут с разбойничьими целями. Этот «двигатель» придвинул целый ряд богатейших, свободнейших и просвещеннейших наций на край пропасти. Он *заставляет* народы напрягать до последней степени все силы, он ставит их в невыносимое положение, он ставит на очередь дня не осуществление каких-нибудь «теорий» (об этом нет и речи, и от этой иллюзии всегда предостерегал Маркс социалистов), а проведение самых крайних,

практически возможных мер, ибо *без* крайних мер—гибель, немедленная и безусловная гибель миллионов людей от голода.

Что революционный энтузиазм передового класса при условиях, когда объективное положение *требует* крайних мер от всего народа, *многое* может, это нечего и доказывать. *Эта* сторона дела воочию наблюдается и *ощущается* всеми в России.

Важно понять, что в революционные времена объективная ситуация меняется так же быстро и круто, как быстро вообще течет жизнь. А мы должны *суметь приспособлять* свою тактику и свои ближайшие задачи к *особенностям* каждой данной ситуации. До февраля 1917 года на очереди стояла смелая революционно-интернационалистская пропаганда, призыв масс к борьбе, пробуждение их. В февральско-мартовские дни требовался героизм беззаветной борьбы, чтобы немедленно раздавить ближайшего врага—царизм. Теперь мы переживаем *переход* от этого первого этапа революции ко второму, от «схватки» с царизмом к «схватке» с гучковско-милюковским, помещичьим и капиталистическим империализмом. На очереди дня *организационная* задача, но никоим образом не в шаблонном смысле работы над шаблонными только организациями, а в смысле привлечения невиданно-широких масс угнетенных классов в организацию и воплощения самой этой организацией задач военных, обще-государственных и народно-хозяйственных.

К этой своеобразной задаче пролетариат подошел и будет подходить разными путями. В одних местностях России февральско-мартовская революция дает ему почти полную власть в руки,—в других он, может быть, «захватным» путем станет создавать и расширять пролетарскую милицию,—в-третьих, он будет, вероятно, добиваться немедленных выборов на основе всеобщего и т. д. избирательного права в городские думы и земства, чтобы создать из них революционные центры и т. п., пока рост пролетарской организованности, сближение солдат с рабочими, движение в крестьянстве, разочарование многих и многих в годности военно-империалистского правительства Гучкова и Милюкова не приблизит час замены этого правительства «правительством» Совета Рабочих Депутатов.

Не забудем также, что под боком у Питера мы имеем одну из самых передовых фактически республиканских стран, Финляндию, которая с 1905 по 1917 г., под прикры-

тием революционных битв в России, сравнительно мирно развила демократию и завоевала *большинство* народа на сторону социализма. Российский пролетариат обеспечит Финляндской республике полную свободу, вплоть до свободы отделения (теперь едва ли хоть один социал-демократ колеблется на этот счет, когда кадет Родичев так недостойно отторговывает в Гельсингфорсе кусочки привилегий для великороссов),—и именно этим завоюет *полное* доверие и товарищескую помощь финских рабочих общероссийскому пролетарскому делу. В трудном и большом деле ошибки неизбежны,—их не избегнуть и нам—финские рабочие лучшие организаторы, они нам помогут в этой области, они двинут *по-своему* вперед учреждение социалистической республики.

Революционные победы в самой России,—мирные организационные успехи в Финляндии под прикрытием этих побед,—переход русских рабочих к революционно-организаторским задачам в новом масштабе,—завоевание власти пролетариатом и беднейшими слоями населения,—поощрение и развитие социалистической революции на Западе,—вот путь, который приведет нас к *миру* и к *социализму*.

Н. Ленин.

Цюрих, 11 (24) марта 1917 г.

Соч., т. XX, стр. 31—4).

ИЗ БРОШЮРЫ «ПИСЬМА О ТАКТИКЕ»

ПИСЬМО I
ОЦЕНКА МОМЕНТА

Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики.

«Наше учение не догма, а руководство для действия»— так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением «формул», способных в лучшем случае лишь намечать *общие* задачи, необходимо видоизменяемые *конкретной* экономической и политической обстановкой каждой особой *полосы* исторического процесса.

Какими же точно установленными, объективными *фактами* должна партия революционного пролетариата руководиться теперь для определения задач и форм своего действия?

И в своем первом «Письме из далека» («Первый этап первой революции»), напечатанном в «Правде», №№ 14 и 15, от 21 и 22 марта 1917 г., и в своих тезисах я определяю «своеобразие текущего момента в России», как полосы *перехода* от первого этапа революции ко второму. И поэтому основным лозунгом, «задачей дня» в *этот* момент я считал: «рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции» («Правда» № 15) [1].

---

[1] См. Соч., т. XX, стр. 19. *Ред.*

В чем же состоит первый этап?

В переходе государственной власти к буржуазии.

До февральско-мартовской революции 1917 года государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-дворянски-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым.

После этой революции власть в руках *другого,* нового, класса, именно: *буржуазии.*

Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия.

Постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России *закончена.*

Здесь мы слышим шум возражателей, охотно называющих себя «старыми большевиками»: разве не говорили мы всегда, что буржуазно-демократическую революцию заканчивает лишь «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»? разве аграрная революция, тоже буржуазно-демократическая, кончилась? разве не факт, наоборот, что она *еще не* началась?

Отвечаю: большевистские лозунги и идеи *в общем* вполне подтверждены историей, но *конкретно* дела сложились *иначе,* чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее.

Игнорировать, забывать этот факт значило бы уподобляться тем «старым большевикам», которые не раз уже играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно *заученную* формулу, вместо *изучения* своеобразия новой, живой действительности.

«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» *уже* осуществилась* в русской революции, ибо эта «формула» предвидит лишь *соотношение классов,* а не *конкретное политическое учреждение, реализующее* это соотношение, это сотрудничество. «Совет Раб. и Солд. Депутатов»—вот вам уже осуществленная жизнью «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Эта формула уже устарела. Жизнь ввела ее из царства формул в царство действительности, облекла ее плотью и кровью, конкретизировала и *тем самым* видоизменила.

---

* В известной форме и до известной степени.

На очереди дня уже иная, новая задача: раскол пролетарских (анти-оборонческих, интернационалистских, «коммунистских», стоящих за переход к коммуне) элементов *внутри* этой диктатуры и элементов *мелкохозяйских* или *мелкобуржуазных* (Чхеидзе, Церетели, Стеклов, с.-р-ы и пр. и пр. революционные оборонцы, противники движения по пути к коммуне, сторонники «поддержки» буржуазии и буржуазного правительства).

Кто говорит *теперь* только о «револ.-демокр. диктатуре пролетариата и крестьянства», тот отстал от жизни, тот в силу этого *перешел* на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать в архив «большевистских» дореволюционных редкостей (можно назвать: архив «старых большевиков»).

Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась, но чрезвычайно оригинально, с рядом в высшей степени важных видоизменений. О них я буду говорить особо, в одном из дальнейших писем. Теперь необходимо усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности,* а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни.

«Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни».

Кто ставит вопрос о «законченности» буржуазной революции *по-старому,* тот приносит в жертву живой марксизм мертвой букве.

По-старому выходит: *за* господством буржуазии может и должно последовать господство пролетариата и крестьянства, их диктатура.

А в живой жизни *уже* вышло *иначе:* получилось чрезвычайно оригинальное, новое, невиданное, *переплетение того и другого.* Существует рядом, вместе, в одно и то же время *и* господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова), *и* революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, *добровольно* отдающая власть буржуазии, добровольно превращающаяся в придаток ее.

Ибо нельзя забывать, что фактически в Питере власть в руках рабочих и солдат; насилия над ними новое правительство *не* производит и не может произвести, ибо

ни полиции, ни особой от народа армии, ни стоящего всесильно *над* народом чиновничества *нет*. Это факт. Это именно такой факт, который характерен для государства типа Парижской Коммуны. Этот факт не укладывается в старые схемы. Надо уметь приспособить схемы к жизни, а не повторять ставшие бессмысленными слова о «диктатуре пролетариата и крестьянства» *вообще*.

Подойдем к вопросу с другой стороны, чтобы лучше осветить его.

Марксист должен не сходить с точной почвы анализа классовых отношений. У власти буржуазия. А масса крестьян разве не составляет *тоже* буржуазии иного слоя, иного рода, иного характера? Откуда следует, что *этот* слой *не может* придти к власти, «завершая» буржуазно-демократическую революцию? Почему это невозможно?

Так рассуждают часто старые большевики.

Отвечаю—это вполне возможно. Но марксист в учете момента должен исходить *не* из возможного, а из действительного.

Действительность же показывает нам *факт*, что свободно избранные солдатские и крестьянские депутаты свободно входят во второе, побочное правительство, свободно дополняют, развивают, доделывают его. И столь же свободно они *отдают* власть буржуазии—явление, ничуть не «нарушающее» теории марксизма, ибо мы всегда знали и многократно указывали, что буржуазия держится *не* только насилием, а также несознательностью, рутиной, забитостью, неорганизованностью масс.

И вот перед лицом этой действительности сегодняшнего дня прямо-таки смешно отворачиваться от факта и говорить о «возможностях».

Возможно, что крестьянство возьмет всю землю и всю власть. Я не только не забываю этой возможности, не ограничиваю своего кругозора одним сегодняшним днем, а прямо и точно формулирую аграрную программу с учетом *нового* явления: более глубокого раскола батраков и беднейших крестьян с крестьянами-хозяевами.

Но возможно и иное: возможно, что крестьяне послушают советов мелкобуржуазной партии с.-р., поддавшейся влиянию буржуа, перешедшей к оборончеству, советующей ждать до Учредительного Собрания, хотя до сих пор даже срок его созыва не назначен*!

* Чтобы моих слов не перетолковали, скажу тотчас, забегая вперед: я безусловно за то, чтобы батрацкие и крестьянские *Советы*

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

N° 59 LIBERTÉ — ÉGALITÉ — FRATERNITÉ N° 59

COMMUNE DE PARIS

LA COMMUNE DE PARIS,

Considérant que le premier des principes de la République française est la liberté;

Considérant que la liberté de conscience est la première des libertés;

Considérant que le budget des cultes est contraire au principe, puisqu'il impose les citoyens contre leur propre foi;

Considérant, en fait, que le clergé a été le complice des crimes de la monarchie contre la liberté,

DÉCRÈTE :

Art. 1er. L'Église est séparée de l'État.

Art. 2. Le budget des cultes est supprimé.

Art. 3. Les biens dits de mainmorte, appartenant aux congrégations religieuses, meubles et immeubles, sont déclarés propriétés nationales.

Art. 4. Une enquête sera faite immédiatement sur ces biens, pour en constater la nature et les mettre à la disposition de la Nation.

LA COMMUNE DE PARIS.

Paris, le 3 avril 1871.

Декрет Коммуны об отделении церкви от государства 3 апреля 1871 г.

О Парижской коммуне

Возможно, что крестьяне *сохранят,* продолжат свою сделку с буржуазией, сделку, заключенную ими сейчас чрез посредство Советов Р. и С. Депутатов не только формально, но и фактически.

Возможно разное. Было бы глубочайшей ошибкой забывать об аграрном движении и аграрной программе. Но такой же ошибкой было бы забывать *действительность,* которая показывает нам *факт соглашения*—или, употребляя более точное, менее юридическое, более экономически-классовое выражение—факт *классового сотрудничества* буржуазии и крестьянства.

Когда этот факт перестанет быть фактом, когда крестьянство отделится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее,—тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции, и о нем будет идти речь особо.

Марксист, который, по случаю возможности такого будущего этапа, забывает свои обязанности *теперь,* когда крестьянство *соглашается* с буржуазией, превратился бы в мелкого буржуа. Ибо он на деле проповедывал бы пролетариату *доверие* к мелкой буржуазии («она, эта мелкая буржуазия, это крестьянство должно отделиться от буржуазии еще в пределах буржуазно-демократической революции»). Он по случаю «возможности» приятного и сладкого будущего, когда крестьянство *не* будет хвостом буржуазии, с.-р-ы, Чхеидзе, Церетели, Стекловы *не* будут придатком буржуазного правительства,—он по случаю «возможности» приятного будущего забыл бы о *неприятном настоящем,* когда крестьянство пока еще остается хвостом буржуазии, когда с.-р-ы и с.-д. пока еще не выходят из роли придатка буржуазного правительства, «оппозиции его величества» Львова.

Предположительно взятый нами человек походил бы на сладенького Луи Блана, на слащавого каутскианца, но никак не на революционного марксиста.

Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную—неизжившую еще крестьянского движения—революцию

тотчас брали *всю* землю, но строжайше соблюдали *сами* порядок и дисциплину, не допускали ни малейшей порчи машин, построек, скота, ни в каком случае не расстраивали хозяйства и производства хлеба, а *усиливали* его, ибо солдатам нужно *вдвое* больше хлеба, и народ не должен голодать.

буржуазно-демократического характера к революции социалистической?

Если бы я сказал: «без царя, а правительство *рабочее*»,—эта опасность мне бы грозила. Но я сказал *не* это, я сказал иное. Я сказал, что другого правительства в России (не считая буржуазного) *не может* быть *помимо* Советов Рабочих, Батрацких, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Я сказал, что власть может перейти в России теперь от Гучкова и Львова *только* к этим Советам, а в них *как раз* преобладает крестьянство, преобладают солдаты, преобладает мелкая буржуазия, выражаясь научным, марксистским термином, употребляя не житейскую, не обывательскую, не профессиональную, а классовую характеристику.

Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через пережившее себя крестьянское или вообще мелко-буржуазное движение, от всякой *игры* в «захват власти» рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры, ибо я прямо указал на опыт Парижской Коммуны. А этот опыт, как известно и как подробно показал Маркс в 1871 г. и Энгельс в 1891 г., совершенно исключил бланкизм, совершенно обеспечил прямое, непосредственное, безусловное господство *большинства* и активность масс лишь в мере *сознательного* выступления самого большинства.

Я свел дело в тезисах с полнейшей определенностью к *борьбе за влияние в н у т р и* Советов Рабочих, Батрацких, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Чтобы не допустить ни тени сомнений на этот счет, я *дважды* подчеркнул в тезисах необходимость терпеливой, настойчивой, «приспособляющейся к *п р а к т и ч е с к и м* потребностям *масс*» работы «разъяснения».

Невежественные люди или ренегаты марксизма, вроде г. Плеханова и т. п., могут кричать об анархизме, бланкизме и т. п. Кто желает думать и учиться, тот не может не понять, что бланкизм есть захват власти меньшинством, а Советы Рабочих и т. д. Депутатов *заведомо* есть прямая и непосредственная организация *большинства* народа. Работа, сведенная к борьбе за влияние *внутри* таких Советов, не может, прямо-таки *не может* сбиться в болото бланкизма. И она не может сбиться в болото анархизма, ибо анархизм есть отрицание *необходимости государства и государственной власти* для эпохи *п е р е х о д а* от господства буржуазии к господству пролетариата.

А я, с исключающей всякую возможность недоразумений ясностью, *отстаиваю* необходимость государства для этой эпохи, но, согласно Марксу и опыту Парижской Коммуны, не обычного парламентарно-буржуазного государства, а государства *без* постоянной армии, *без* противостоящей народу полиции, *без* поставленного над народом чиновничества.

Если г. Плеханов кричит изо всех сил в своем «Единстве» об анархизме, то этим лишний раз только доказан его разрыв с марксизмом. На мой вызов в «Правде» (№ 26) рассказать, чему учили Маркс и Энгельс о государстве в 1871, 1872, 1875 г.г., г-ну Плеханову приходится и придется отвечать молчанием по существу вопроса и выкриками в духе озлобленной буржуазии.

Учения марксизма о государстве бывший марксист г. Плеханов *совершенно* не понял. Между прочим, зародыши этого непонимания заметны и в его немецкой брошюре об анархизме.

* *
*

Посмотрим теперь, как тов. Ю. Каменев в заметке № 27 «Правды» формулирует свои «разногласия» с моими тезисами и вышеизложенными взглядами. Это поможет нам точнее уяснить их.

«Что касается общей схемы т. Ленина,—пишет т. Каменев,—то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции *законченной* и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в социалистическую»...

Здесь две большие ошибки.

Первая. Вопрос о «законченности» буржуазно-демократической революции *поставлен* неверно. Этому вопросу придана та абстрактная, простая, одноцветная, если можно так выразиться, постановка, которая *не* соответствует объективной действительности. Кто ставит *так* вопрос, кто спрашивает *теперь:* «закончена ли буржуазно-демократическая революция» *и только,*—тот лишает себя возможности понять чрезвычайно сложную, по меньшей мере «двухцветную» действительность. Это в теории. А на практике—тот сдается беспомощно *мелкобуржуазной революционности.*

В самом деле. Действительность показывает нам *и* переход власти к буржуазии («законченная» буржуазно-демо-

кратическая революция обычного типа), *и* существование рядом с настоящим правительством побочного, которое представляет из себя «революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства». Это последнее «тоже-правительство» *само* уступило власть буржуазии, *само* привязало себя к буржуазному правительству.

Охватывается ли эта действительность старо-большевистской формулой т. Каменева: «буржуазно-демократическая революция не закончена»?

Нет, формула устарела. Она никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее.

Второе. Вопрос практический. Неизвестно, может ли теперь быть еще в России *особая* «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», *оторванная* от буржуазного правительства. На неизвестном базировать марксистскую тактику нельзя.

Но *если* это может еще случиться, то путь к этому один и только один: немедленное, решительное, бесповоротное отделение пролетарских, коммунистических элементов движения от мелкобуржуазных.

Почему?

Потому, что вся мелкая буржуазия не случайно, а необходимо повернула к шовинизму (=оборончеству), к «поддержке» буржуазии, к зависимости от нее, к *боязни* обойтись без нее и пр., и т. п.

Как можно «толкнуть» мелкую буржуазию к власти, если эта мелкая буржуазия теперь уже может, но *не хочет* взять ее?

Только отделением пролетарской, коммунистической партии, пролетарской классовой борьбой, *свободной* от робости этих мелких буржуа. Только сплочение пролетариев, на деле, а не на словах свободных от влияния мелкой буржуазии, способно сделать такой «горячей» почву под ногами мелкой буржуазии, что ей при известных условиях *придется* взять власть; не исключено даже, что Гучков и Милюков будут—опять-таки при известных обстоятельствах—за всевластие, за единовластие Чхеидзе, Церетели, с.-р., Стеклова, ибо это все же *«обороицы»!*

Кто отделяет сейчас же, немедленно и бесповоротно, пролетарские элементы Советов (т.-е. пролетарскую, коммунистическую, партию) от мелкобуржуазных, тот правильно выражает интересы движения на оба возможные случая: *и* на случай, что Россия переживет еще особую, самостоятельную, не подчиненную буржуазии «диктатуру

пролетариата и крестьянства», *и* на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т.-е. до социализма) колебаться между нею и нами.

Кто руководится в своей деятельности только простой формулой «буржуазно-демократическая революция не закончена», тот тем самым берет на себя нечто вроде гарантий за то, что мелкая буржуазия наверное способна на независимость от буржуазии. Тот тем самым сдается в данный момент беспомощно на милость мелкой буржуазии.

Кстати. О «формуле» диктатура пролетариата и крестьянства не мешает все же вспомнить, что в «Двух тактиках» (июль 1905) я специально подчеркивал (стр. 435 в «За 12 лет»):

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое—самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии... Ее будущее—борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм»...[1]

Ошибка т. Каменева в том, что он и в 1917 г. смотрит только на *прошлое* революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. А для нее *на деле* уже началось *будущее,* ибо интересы и политика наемного рабочего и хозяйчика *на деле* уже разошлись, притом по такому важнейшему вопросу, как «оборончество», как отношение к империалистской войне.

И здесь я подошел ко второй ошибке в приведенном рассуждении т. Каменева. Он упрекает меня в том, что моя схема «рассчитана» на «немедленное перерождение этой (буржуазно-демократической) революции в социалистическую».

Это неверно. Я не только не «рассчитываю» на «немедленное перерождение» нашей революции в *социалистическую,* а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8:... «*Не* «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача»...

Не ясно ли, что человек, рассчитывающий на немедленное перерождение нашей революции в социалистическую, не мог бы восстать против непосредственной задачи введения социализма?

Мало того. Даже ввести в России «государство-коммуну» (т.-е. государство, организованное по типу Париж-

---

[1] См. Соч., т. VIII, стр. 84, 85. *Ред.*

ской Коммуны) *нельзя* «немедленно», ибо для этого необходимо, чтобы *большинство* депутатов во всех (или в большинстве) Советов ясно сознало всю ошибочность и весь вред тактики и политики с.-р., Чхеидзе, Церетели, Стеклова и пр. А я совершенно точно заявил, что «рассчитываю» в этой области только на «терпеливое» (надо ли быть терпеливым, чтобы получить изменение, которое можно осуществить «немедленно»?) разъяснение!

Тов. Каменев немножечко «нетерпеливо» размахнулся и повторил буржуазный предрассудок насчет Парижской Коммуны, будто она «немедленно» хотела вводить социализм. Это не так. Коммуна, к сожалению, слишком медлила с введением социализма. Действительная суть Коммуны не в том, где ее ищут обычно буржуа, а в создании особого типа *государства*. А такое государство в России *уже* родилось, это и есть Советы Рабочих и Солдатских Депутатов!

Тов. Каменев не вдумался в *факт*, в значение *существующих* Советов, в их тождество по типу, по социально-политическому характеру с государством Коммуны и, вместо изучения *факта*, стал говорить о том, на что я будто бы «рассчитываю», как на «немедленное» будущее. Получилось, к сожалению, повторение приема многих буржуа: от вопроса о том, *что такое* Советы Р. и С. Деп., *выше* ли они по типу, чем парламентарная республика, *полезнее* ли они для народа, *демократичнее* ли они, *удобнее* ли они для борьбы, напр., с бесхлебьем и т. д., от этого насущного, реального, жизнью поставленного на очередь дня вопроса внимание отводится в сторону, на пустой, якобы-научный, на деле бессодержательный, профессорски-мертвый вопрос о «расчете на немедленное перерождение».

Пустой, ложно поставленный вопрос. Я «рассчитываю» *только* на то, *исключительно* на то, что рабочие, солдаты и крестьяне лучше, чем чиновники, лучше, чем полицейские, справятся *с практическими* трудными вопросами об усилении производства хлеба, о лучшем распределении его, о лучшем обеспечении солдат и пр. и т. п.

Я глубочайше убежден, что Советы Р. и т. д. Деп. скорее и лучше проведут самодеятельность *массы* народа в жизнь, чем парламентарная республика (о сравнении обоих типов государства подробнее в другом письме). Они лучше, практичнее, вернее решат, как можно сделать и какие именно можно сделать *шаги* к социализму. Кон-

троль за банком, слияние всех банков в один, это *еще не* социализм, но *шаг к* социализму. Такие шаги сегодня делает юнкер и буржуа в Германии против народа. Их гораздо лучше сумеет сделать завтра в пользу народа Совет С. и Р. Деп., если в его руках будет вся государственная власть.

А что *вынуждает* такие шаги?

Голод. Расстройство хозяйства. Грозящий крах. Ужасы войны. Ужасы ран, наносимых войной человечеству.

Тов. Каменев кончает свою заметку заявлением, что «в широкой дискуссии он надеется отстоять свою точку зрения, как единственно возможную для революционной с.-д., поскольку она хочет и должна до конца остаться партией революционных масс пролетариата, а не превратиться в группу пропагандистов-коммунистов».

Мне сдается, что в этих словах видна глубоко ошибочная оценка момента. Тов. Каменев противополагает «партию масс» «группе пропагандистов». Но ведь «массы» как раз теперь поддались угару «революционного» оборончества. Не приличнее ли и для интернационалистов в такой момент уметь противостоять «массовому» угару, чем «хотеть остаться» с массами, т.-е. поддаться общему поветрию? Не видели ли мы во всех воюющих европейских странах, как шовинисты оправдывали себя желанием «остаться с массами»? Не обязательно ли уметь на известное время быть в меньшинстве против «массового» угара? Не является ли работа именно пропагандистов как раз в настоящий момент центральным пунктом для *высвобождения* пролетарской линии из «массового» оборонческого и мелкобуржуазного угара? Именно слитость масс, и пролетарских и непролетарских, без разбора классовых различий внутри масс, явилась одним из условий оборонческого поветрия. Презрительно говорить о «группе пропагандистов» *пролетарской* линии, пожалуй, не очень-то пристало.

Написано в середине апреля 1917 г.

Соч., т. XX, стр. 100—108.

О ДВОЕВЛАСТИИ

Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею.

В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала *двоевластие*. Этот факт надо уяснить себе прежде всего; не поняв его, нельзя идти вперед. Старые «формулы», напр., большевизма надо уметь дополнить и исправить, ибо они, как оказалось, были верны в общем, но конкретное осуществление *оказалось* иное. О двоевластии *никто* раньше не думал и думать не мог.

В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным Правительством, правительством *буржуазии,* сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство*: Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Каков классовый состав этого другого правительства? Пролетариат и крестьянство (одетое в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это—революционная диктатура, т.-е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, *не на закон,* изданный централизованной государственной властью. Это—власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного до сих пор, господствующего в передовых странах Европы и Америки, типа. Часто забывают это обстоятельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся суть. Эта власть—власть *того же типа,* какого была Парижская Коммуна 1871 года. Основные признаки этого типа: 1) источник власти—не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных

масс снизу и на местах, прямой «захват», употребляя ходячее выражение; 2) замена полиции и армии, как отделенных от народа и противопоставленных народу учреждений, прямым вооружением всего народа; государственный порядок при такой власти охраняют *сами* вооруженные рабочие и крестьяне, *сам* вооруженный народ; 3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в *сменяемых* по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных; из привилегированного слоя с высокой, буржуазной, оплатой «местечек» превращаются в рабочих особого «рода оружия», оплачиваемых *не выше* обычной платы хорошего рабочего.

В этом и *только* в этом *суть* Парижской Коммуны, как особого типа государства. Эту суть забыли и исказили г.г. Плехановы (прямые шовинисты, изменившие марксизму), Каутские (люди «центра», т.-е. колеблющиеся между шовинизмом и марксизмом) и все вообще господствующие ныне соц.-дем., соц.-рев. и т. под.

Отделываются фразами, отмалчиваются, увертываются, поздравляют тысячу раз друг друга с революцией, не хотят *подумать* о том, *что такое* Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Не хотят видеть очевидной истины, что поскольку эти Советы существуют, *поскольку* они—власть, постольку в России существует государство *типа* Парижской Коммуны.

Я подчеркнул: «поскольку». Ибо это лишь зачаточная власть. Она сама и прямым соглашением с буржуазным Временным Правительством, и рядом фактических уступок *сдала и сдает* позиции буржуазии.

Почему? Потому ли, что Чхеидзе, Церетели, Стеклов и К⁰ делают «ошибку»? Пустяки. Так думать может обыватель, но не марксист. Причина—*недостаточная сознательность* и организованность пролетариев и крестьян. «Ошибка» названных вождей—в их мелко-буржуазной позиции, в том, что они *затемняют* сознание рабочих, а не проясняют его, *внушают* мелко-буржуазные иллюзии, а не опровергают их, *укрепляют* влияние буржуазии на массы, а не высвобождают массы из-под этого влияния.

Отсюда должно уже быть ясно, почему так много ошибок делают и наши товарищи, ставя «просто» вопрос: надо ли тотчас свергнуть Временное Правительство?

Отвечаю: 1) его надо свергнуть—ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно *не может* дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим *соглашением* с Советами Рабочих Депутатов и главным Советом, Питерским, прежде всего; 3) его вообще нельзя «свергнуть» обычным способом, ибо оно опирается на «*поддержку*» буржуазии *вторым* правительством, Советом Рабочих Депутатов, а это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян. Выше, лучше такого типа правительства, как Советы Рабочих, Батрацких, Крестьянских, Солдатских Депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем.

Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: *пока* нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы—марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелко-буржуазного угара, шовинизма-оборончества, фразы, зависимости от буржуазии.

Создадим пролетарскую коммунистическую партию; элементы ее лучшие сторонники большевизма уже создали; сплотимся для пролетарской классовой работы, и из пролетариев, из *беднейших* крестьян на нашу сторону будет становиться все большее и большее число. Ибо *жизнь* будет ежедневно разбивать мелко-буржуазные иллюзии «социал-демократов», Чхеидзе, Церетели, Стекловых и пр., «соц.-революционеров», мелких буржуа еще более «чистых», и пр., и пр.

Буржуазия за единовластие буржуазии.

Сознательные рабочие за единовластие Советов Раб., Батр., Кр. и Солд. Депутатов,—за единовластие, подготовленное *прояснением* пролетарского сознания, *освобождением* его от влияния буржуазии, а не авантюрами.

Мелкая буржуазия,—«соц.-дем.», с.-р. и пр., и пр.,—колеблется, *мешая* этому прояснению, этому освобождению.

Вот фактическое, *классовое,* соотношение сил, определяющее наши задачи.

«Правда» № 28,
22 (9) апреля 1917 г.
Подпись: Н. ЛЕНИН.

Избранные произведения, т. II. стр. 7—9.

ИЗ БРОШЮРЫ «ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Проект платформы пролетарской партии

НОВЫЙ ТИП ГОСУДАРСТВА, ВЫРАСТАЮЩИЙ В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

11. Советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских и пр. Депутатов не поняты не только в том отношении, что большинству неясно их классовое значение, их роль *в русской* революции. Они не поняты еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее, новый *тип государства.*

Наиболее совершенным, передовым из буржуазных государств является тип *парламентарной демократической республики:* власть принадлежит парламенту; государственная машина, аппарат и орган управления обычный: постоянная армия, полиция, чиновничество, фактически несменяемое, привилегированное, стоящее *над* народом.

Но революционные эпохи, начиная с конца XIX века, выдвигают *высший* тип демократического государства, такого государства, которое в некоторых отношениях перестает уже, по выражению Энгельса, быть государством, «не является государством в собственном смысле слова». Это—государство типа Парижской Коммуны, *заменяющее* особую от народа армию и полицию прямым и непосредственным вооружением самого народа. *В этом* суть Коммуны, которую оболгали и оклеветали буржуазные писатели, которой ошибочно приписывали, между прочим, намерение немедленно «ввести» социализм.

Именно такого типа государство *начала* создавать русская революция в 1905 и в 1917 годах. Республика Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и пр. Депутатов, объединенных Всероссийским Учредительным Собранием народных представителей или Советом Советов и т. п.,— вот что *уже входит в жизнь* у нас теперь, в данное

время, по инициативе многомиллионного народа, самочинно творящего демократию *по-своему,* не дожидающегося ни того, как г.г. профессора-кадеты напишут свои проекты законов для парламентарной буржуазной республики,—ни того, как педанты и рутинеры мелко-буржуазной «социал-демократии», вроде г. Плеханова или Каутского, откажутся от их искажения учения марксизма по вопросу о государстве.

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость* государства и государственной власти в революционный период вообще, в эпоху перехода от капитализма к социализму в частности.

Марксизм отличается от мелко-буржуазного, оппортунистического «социал-демократизма» г.г. Плеханова, Каутского и К⁰ тем, что признает необходимость для указанных периодов *не* такого государства, как обычная парламентарная буржуазная республика, а такого, как Парижская Коммуна.

Главные отличия этого последнего типа государства от старого следующие:

От парламентарной буржуазной республики возврат к монархии совсем легок (как и доказала история), ибо остается неприкосновенной вся машина угнетения: армия, полиция, чиновничество. Коммуна и Советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских и т. д. Депутатов *разбивают* и устраняют эту машину.

Парламентарная буржуазная республика стесняет, душит самостоятельную политическую жизнь *масс,* их непосредственное участие в *демократическом* строительстве всей государственной жизни снизу доверху. Обратное—Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Последние воспроизводят тот тип государства, какой вырабатывался Парижской Коммуной и который Маркс назвал открытой, «наконец, политической формой, в которой *может* произойти экономическое освобождение трудящихся».

Обычно возражают: русский народ еще не подготовлен к «введению» Коммуны. Это—довод крепостников, говоривших о неподготовленности крестьян к свободе. *Никаких* преобразований, не назревших абсолютно и в экономической действительности и в сознании подавляющего большинства народа, Коммуна, т.-е. Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, не «вводит», не предполагает «вводить» и не должна вводить. Чем сильнее экономиче-

ский крах и порождаемый войной кризис, тем настоятельнее необходимость наиболее совершенной политической формы, *облегчающей* излечение ужасных ран, нанесенных человечеству войной. Чем меньше у русского народа организационного опыта, тем решительнее надо *приступать* к организационному строительству *самого народа*, а не одних только буржуазных политиканов и чиновников с «доходными местечками».

Чем скорее мы сбросим с себя старые предрассудки искаженного г.г. Плехановым, Каутским и К⁰ лже-марксизма, чем усерднее мы примемся помогать народу строить тотчас и повсюду Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, брать в их руки *всю* жизнь, чем дольше будут г.г. Львовы и К⁰ оттягивать созыв Учредительного Собрания, тем легче будет народу сделать (через посредство Учредительного Собрания или помимо него, если Львов не созовет его очень долго) выбор в пользу Республики Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. Ошибки в новом организационном строительстве самого народа неизбежны вначале, но лучше ошибаться и идти вперед, чем *ждать*, когда созываемые г. Львовым профессора-юристы напишут законы о созыве Учредительного Собрания и об увековечении парламентарной буржуазной республики, об удушении Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Если мы сорганизуемся и умело поведем свою пропаганду, не только пролетарии, но и девять десятых крестьянства будут против восстановления полиции, против несменяемого и привилегированного чиновничества, против отделенной от народа армии. А только в этом и состоит новый тип государства.

12. Замена полиции народной милицией—есть преобразование, вытекшее из всего хода революции и проводимое теперь в жизнь в большинстве мест России. Мы должны разъяснять массам, что в большинстве буржуазных революций обычного типа такое преобразование оказывалось крайне недолговечным, и буржуазия, даже самая демократическая и республиканская, восстановляла полицию старого, царистского типа, отделенную от народа, находящуюся под командой буржуа, способную всячески угнетать народ.

Чтобы *не дать* восстановить полицию, есть только одно средство: создание всенародной милиции, слияние ее с армией (замена постоянной армии всеобщим вооружением

народа). В такой милиции должны участвовать поголовно все граждане и гражданки от 15 до 65 лет, если этими примерно взятыми возрастами позволительно определить участие подростков и стариков. Капиталисты должны платить наемным рабочим, прислуге и пр. за дни, посвященные общественной службе в милиции. Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии. А такие функции «полиции», как попечение о больных, о беспризорных детях, о здоровом питании и пр., вообще не могут быть удовлетворительно осуществлены без равноправия женщин на деле, а не на бумаге только.

Не дать восстановить полиции, привлечь организационные силы всего народа к созданию поголовной милиции—таковы задачи, которые пролетариат должен нести в массы в интересах охраны, упрочения и развития революции.

Петроград, 10 апреля 1917 г.

Избранные произведения, т. II, стр. 17—19.

ИЗ СТАТЬИ «УДЕРЖАТ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ?»

Довод третий: пролетариат «не сможет технически овладеть государственным аппаратом». Это, пожалуй, самый обычный, наиболее ходкий довод. Он заслуживает наибольшего внимания как по этой причине, так и потому, что он указывает на одну из самых *серьезных,* самых *трудных* задач, стоящих перед победоносным пролетариатом. Нет сомнения, что задачи эти очень трудны, но если мы, называя себя социалистами, будем указывать на эту трудность только для того, чтобы *отмахнуться* от выполнения таких задач, то на практике наше отличие от слуг буржуазии сведется к нулю. Трудность задач пролетарской революции должна побудить сторонников пролетариата к более внимательному и конкретному изучению способов выполнения этих задач.

Под государственным аппаратом разумеется прежде всего постоянная армия, полиция и чиновничество. Говоря о том, что пролетариат не сможет технически овладеть этим аппаратом, писатели «Новой Жизни» обнаруживают самое крайнее невежество и нежелание считаться ни с фактами жизни, ни с соображениями, указанными давно в большевистской литературе.

Писатели «Новой Жизни» все считают себя если не марксистами, то знакомыми с марксизмом, образованными социалистами. А Маркс учил, на основании опыта Парижской Коммуны, что пролетариат *не может* просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей, что пролетариат должен *разбить* эту машину и заменить ее новой (об этом подробнее я говорю в брошюре, первый выпуск которой закончен и

выходит скоро в свет под заглавием: «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции»)[1]. Эта новая государственная машина была создана Парижской Коммуной, и *того же типа* «государственным аппаратом» являются русские Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. На это обстоятельство я указывал много раз, начиная с 4-го апреля 1917 года, об этом говорится в резолюциях большевистских конференций, а равно в большевистской литературе. «Новая Жизнь», конечно, могла бы заявить свое полное несогласие и с Марксом и с большевиками, но обходить вопрос вовсе со стороны газеты, которая так часто и так высокомерно бранит большевиков за несерьезное будто бы отношение к трудным вопросам, значит выдавать себе свидетельство о бедности.

«Овладеть» «государственным аппаратом» и «привести его в движение» пролетариат *не* может. Но он может *разбить* все, что есть угнетательского, рутинного, неисправимо-буржуазного в старом государственном аппарате, поставив на его место *свой,* новый аппарат. Этот аппарат и есть Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Нельзя не назвать прямо чудовищным, что «Новая Жизнь» про этот «государственный аппарат» совершенно забыла. Поступая так в своих теоретических рассуждениях, новожизненцы в сущности делают в области политической теории то, что кадеты делают в политической практике. Ибо, если в самом деле пролетариату и революционной демократии никакого нового государственного аппарата *не надо,* тогда Советы теряют raison d'être[2] и теряют право на существование, тогда *правы* кадеты-корниловцы в своих стремлениях свести Советы на нет!

Эта чудовищная теоретическая ошибка и политическая слепота «Новой Жизни» тем чудовищнее, что даже меньшевики-интернационалисты (с которыми «Новая Жизнь» шла в блоке на последних выборах в Городскую Думу в Питере) обнаружили в этом вопросе известное сближение с большевиками. Так, мы читаем в той декларации Советского большинства, которую т. Мартов огласил на Демократическом Совещании:

---

[1] См. настоящий сборник, стр. 84—161 и Соч., т. XXI, стр. 365—455. *Ред.*

[2] — смысл существования. *Ред.*

...«Советы Депутатов Рабочих, Солдатских и Крестьянских, созданные в первые дни революции могучим порывом подлинного народного творчества, образовали собой ту новую ткань революционной государственности, которая заменила обветшалую ткань государственности старого режима».

Это сказано немножко чересчур красиво, т.-е. вычурность выражений прикрывает здесь недостаток ясности политической мысли. Советы *не* заменили *еще* старой «ткани», и эта старая «ткань» *не* есть государственность старого режима, а государственность *и* царизма *и* буржуазной республики. Но во всяком случае Мартов здесь на две головы выше новожизненцев.

Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, причем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверимую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т.-е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части *угнетенных* классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой *всю гигантскую массу* этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.-е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию *и исполнение законов*. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение.

Наши Советы в 1905 году были только, так сказать, утробным зародышем, ибо просуществовали всего несколько недель. Ясное дело, что не могло быть и речи при тогдашних условиях о всестороннем развитии их. И в революции 1917 года об этом не может быть еще речи, ибо срок в несколько месяцев крайне мал, а главное: эс-эровские и меньшевистские вожди *проституировали* Советы, сводили их на роль говорилен, на роль придатка к соглашательской политике вождей. Советы гнили и разлагались заживо под руководством Либеров, Данов, Церетели, Черновых. Развиться настоящим образом, развернуть полностью свои задатки и способности Советы могут, только взяв *всю* государственную власть, ибо иначе им *нечего делать,* иначе они либо простые зародыши (а слишком долго зародышем быть нельзя), либо игрушки. «Двоевластие» есть паралич Советов.

Если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя. Печальная история Церетелевски-Черновского проституирования Советов, история «коалиции» есть вместе с тем история избавления Советов от мелкобуржуазных иллюзий, прохождения их через «чистилище» практического изучения ими всей гнусности и грязи *всех* и *всяких* буржуазных коалиций. Будем надеяться, что это «чистилище» не надорвало Советы, а закалило их.

1 октября 1917 г.

Соч., т. XXI, стр. 256—259.

ИЗ БРОШЮРЫ «ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ»

ГЛАВА III

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 ГОДА. АНАЛИЗ МАРКСА

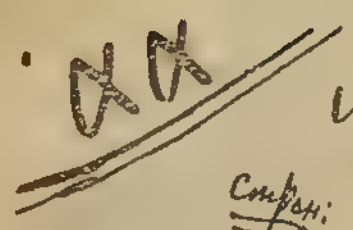
1. В чем героизм попытки коммунаров?

Известно, что за несколько месяцев до Коммуны, осенью 1870 года, Маркс предостерегал парижских рабочих, доказывая, что попытка свергнуть правительство была бы глупостью отчаяния. Но когда в марте 1871 года рабочим *навязали* решительный бой и они его приняли, когда восстание стало фактом, Маркс с величайшим восторгом приветствовал пролетарскую революцию, несмотря на плохие предзнаменования. Маркс не уперся на педантском осуждении «несвоевременного» движения, как печально-знаменитый русский ренегат марксизма Плеханов, в ноябре 1905 года писавший в духе поощрения борьбы рабочих и крестьян, а после декабря 1905 года по-либеральному кричавший: «не надо было браться за оружие».

Маркс, однако, не только восторгался героизмом «штурмовавших небо», по его выражению, коммунаров. В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, он видел громадной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции, практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений. Анализировать этот опыт, извлечь из него уроки тактики, пересмотреть на основании его свою теорию—вот как поставил свою задачу Маркс.

Единственная «поправка» к «Коммунистическому Манифесту», которую счел необходимым сделать Маркс, была сделана им на основании революционного опыта парижских коммунаров.

Последнее предисловие к новому немецкому изданию «Коммунистического Манифеста», подписанное обоими его авторами, помечено 24 июня 1872-го года. В этом



Марксизм о государстве.

Стран:

Предисл. 1899 г. — 1
Кн. Х. Шафф — 1
Пер. Гр. Б. Во Ф. — 1
Пис. III. 12/IV 1871 — 1-2.
Гр. „18 Брюм." .. 2-4
Э. Кр. пр. 1891 г. ... 5-8
(и 19)
„ 11. Э. 1895 г. (пр.) .. 11
(и 18)
М. о Нар. Кап. (Энг.) 12.
П. Энг. к Бел. (1885/1875) 13.
М.: Кр. Э. пр. 15-19
П-ло Э. (28/II 1871) — 20-21
Эл. д. Пр. и Кн. Пр.: 22-23
Zur W.-fr. (1844-1887) 23-26
П. к Кл. и Пр. 27-31
Пр. Э. к Б. (1891) 32-35.
Инт. д. St. An. ... 36-37.
A.-Düh. ... 38-39.
Eng.: „Dühr. Anti." (1878) ... 39-41
М. о „Соц. изд." ... 41-42.

Стран:

Эн. о Дюр. (1887 г.) — 23.
Эн. о Бел. Бух. (1887 г.) — 23

Erobert. konkär. „Zeit" in lebigen Ein. — 36

Эн. о Деллер. (1894) — 39.

П-ло Маркса и Бакунину и Прудону 13. V 1871 стр. 4.

(Франц. пер. Гражд. Войны стр. 2)

с. 10: Энгельс о Прудоне и Бакунине

с. 13 — Франц. изд. М. Ист. от Коммуны

Отвр. Энгельс стр. изложен. 13 V 1890 — 9 стр.

Отвр. Эн. изложен.: стр. 9 сзади

Из Анти-Дюринга об пролетариате: „Наши" (II): с. 7

об отн. рел. за Строи „по отн. к среде" (III): с. 32

Франц. напеч. изд. см. выше! стр. 24 (III)

Обложка и первые страницы тетради
В. И. Ленина «Марксизм о государстве»

(может: Задачи пролет. в отношении к государству)

Марксизм о государстве.

(Выписки к главе)

Маркс о государстве и задачах революции в отношении государства

Одно место в „Гр. войне" заслуживает особого внимания. Это место процитировано, между прочим, в последнем предисловии к Ком. Man., подписанном обоими авторами. Это предисловие датировано Lond 24 VI 1872 (K. M. и Fr. E.). Они говорят, что программа К. Ман. „ist heute stellenweise veraltet" (Das Kom. Man., 7 Auflage, Berl 1906; с предисл. „Карла Маркса — Энгельса" — обоих авторов, обоих 24.VI 1872 г., Энг 28 VIII 1883 и 1.V 1890 и предисл. к русскому переводу, обоих авторов, Лонд 21.I 1882, где „bildet Russland die Vorhut der revolutionären Bewegung Europas", s. 20)

И чем же „устарела" программа? Авторы отвечают. (См. ниже стр. 27)

„Namentlich hat die Kommune den Beweis geliefert, daß die Arbeiterklasse nicht die fertige Staatsmaschine einfach in Besitz nehmen und sie für ihre eigenen Zwecke in Bewegung setzen kann" („Das Komm. Man.", s. 19). [illegible]

Это место, очевидно, впрочем, толкуется так, будто Маркс здесь подчеркивает идею медленного развития в противоположность захвату власти, что де „просто" взять „в руки" (и власть) „готовую" госуд. машину нельзя — значит... не надо революции; поддерживайте ... [illegible] ... и т. п. [См. Bernstein, „Voraussetzungen", s. VI ... [illegible]]

Такое толкование (его, кажись, всего чаще повторяют) архиневерно. На деле, М. говорит в виду событий: революция пролетариата не может „просто" взять в руки „готовую" госуд. машину, революция должна разбить ее, эту готовую машину, и заменить новой. Это особенно наглядно и убедительно видно из следующего:

12 апр. 1871 г. М. писал Кугельману (N. Z., XX, 1, 1901-2, s. 709, в этом номере ... ; отдельное издание писем к Куг. в рус. пер. XX, 2 ...).

„Wenn du das letzte Kapitel meines „Achtzehnten Brumaire" nachsiehst, wirst du finden, daß ich als nächsten Versuch der fran[zösischen]

Страница 1-ая

2/ [Mx 12.IV.1871] [illegible]

zösischen Revolution aussprechen, nicht mehr wie bisher die bureaukratisch-militärische Maschinerie aus einer Hand in die andere zu übertragen, sondern sie zu <u>zerbrechen</u> (курсив Маркса), und dies ist die Vorbedingung jeder wirklichen Volksrevolution auf dem Kontinent. Dies ist auch der Versuch unserer heroischen Pariser Parteigenossen" (# Добавл. с. 12)

[illegible]

: в 18.VI 1871 (N.Z., XX, 2, 5 707) M. пишет Кугельману, что „Адрес" (Гражд. война во Фр.) он, Кугельман, вероятно получил, и что этот „Адрес" вызвал дьявольский шум и возмущение прессы.

Итак, „английское" (12.IV.1871) письмо Маркса дает целое самостоятельное, хотя вполне в намеченном в конце 40-х ... „Адрес" Ген. Совета М-за (датированный 30.V.1871).

То, что в „Гр. войне" названо „готовой госуд. машиной", — в письме 12.IV.1871 названо „бюрократическо-военной машиной"; то, что в „Гр. войне" выражено словами „просто взять во владение", в письме 12.IV.1871 формулировано еще более точно, ярко, выпукло: „перенести из одних рук в другие". И добавлено, как это в „Гр. войне" особенно наглядно: не перенести готовое в другие руки, а <u>разбить</u> это Коммуна и <u>начала</u> делать, но не доделала, к сожалению.

Это и есть „предварит. условие всякой народной народной (М. подчеркивает выражение!) революции на Континенте" (почему на Континенте? потому что в Англии не было тогда ни бюрократизма, ни милитаризма)

. Мс ссылается в письме 12.IV 1871 на последнюю главу 18 Брюмера" В этой последней (VII-ой) главе „18 Брюмера" на стр. 98-99 (изд. 4, Штутг. 1907) говорится:

„18 Брюм."

„Aber die Revolution ist gründlich. Sie ist noch auf der Reise durch das Fegefeuer begriffen. Sie vollbringt ihr Geschäft mit Methode. Bis zum 2.XII.1851 hatte sie die eine Hälfte ihrer Vorbereitung absolviert, sie absolviert jetzt die andere. Sie vollendet erst die parlamentarische Gewalt, um sie stürzen zu können;

Страница 2-ая

предисловии авторы, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, говорят, что программа «Коммунистического Манифеста» «теперь местами устарела».

...«*В особенности—продолжают они—Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»*»...

Взятые во вторые кавычки слова этой цитаты заимствованы ее авторами из сочинения Маркса: «Гражданская война во Франции».

Итак, один основной и главный урок Парижской Коммуны Маркс и Энгельс считали имеющим такую гигантскую важность, что они внесли его, как существенную поправку к «Коммунистическому Манифесту».

Чрезвычайно характерно, что именно эта существенная поправка была искажена оппортунистами, и смысл ее, наверное, неизвестен девяти десятым, если не девяносто девяти сотым читателей «Коммунистического Манифеста». Подробно об этом искажении мы скажем ниже, в главе, специально посвященной искажениям. Теперь достаточно будет отметить, что ходячее, вульгарное «понимание» приведенного нами знаменитого изречения Маркса состоит в том, будто Маркс подчеркивает здесь идею медленного развития в противоположность захвату власти и тому подобное.

На самом деле *как раз наоборот*. Мысль Маркса состоит в том, что рабочий класс должен *разбить, сломать* «готовую государственную машину», а не ограничиваться простым захватом ее.

12-го апреля 1871 года, т.-е. как раз во время Коммуны, Маркс писал Кугельману:

...«Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го Брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее» (курсив Маркса; в оригинале стоит zerbrechen), «и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей» (стр. 709 в «Neue Zeit», XX, 1, год 1901—1902). (Письма Маркса к Кугельману вышли по-русски не менее как в двух изданиях, одно из них под моей редакцией и с моим предисловием [1].)

В этих словах: «сломать бюрократически-военную государственную машину» заключается кратко выраженный

[1] См. настоящий сборник, стр. 26—30 и Соч., т. X, стр. 361—367. *Ред.*

главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству. И именно этот урок не только совершенно забыт, но и прямо извращен господствующим, каутскианским, «толкованием» марксизма!

Что касается до ссылки Маркса на «18-ое Брюмера», то мы привели выше полностью соответствующее место.

Интересно отметить особо два места в приведенном рассуждении Маркса. Во-первых, он ограничивает свой вывод континентом. Это было понятно в 1871-ом году, когда Англия была еще образцом страны чисто-капиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция, и даже народная революция, представлялась и была тогда возможной *без* предварительного условия разрушения «готовой государственной машины».

Теперь, в 1917-ом году, в эпоху первой великой империалистской войны, это ограничение Маркса отпадает, и Англия и Америка, крупнейшие и последние—во всем мире—представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке «предварительным условием всякой действительно народной революции» является *ломка, разрушение* «готовой» (изготовленной там в 1914—1917 годах до «европейского», общеимпериалистского, совершенства) «государственной машины».

Во-вторых, особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительной *народной* революции». Это понятие «народной» революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмолвкой». Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими до-нельзя мертвенно.

Если взять для примера революции XX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является,

ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают. Напротив, русская буржуазная революция 1905—1907 годов, хотя в ней не было таких «блестящих» успехов, которые выпадали временами на долю португальской и турецкой, была, несомненно, «действительной народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество на место разрушаемого старого.

В Европе 1871 года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Оба класса объединены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетет, давит, эксплуатирует их. *Разбить* эту машину, *сломать* ее—таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование.

К такому союзу, как известно, и пробивала себе дорогу Парижская Коммуна, не достигшая цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера.

Следовательно, говоря о «действительно народной революции», Маркс, нисколько не забывая особенностей мелкой буржуазии (о них он говорил много и часто), строжайше учитывал фактическое соотношение классов в большинстве континентальных государств Европы в 1871 году. А с другой стороны, он констатировал, что «разбитие» государственной машины требуется интересами и рабочих и крестьян, объединяет их, ставит перед ними общую задачу устранения «паразита» и замены его чем-либо новым.

Чем же именно?

2. *Чем заменить разбитую государственную машину?*

На этот вопрос в 1847-ом году, в «Коммунистическом Манифесте», Маркс давал ответ еще совершенно абстрактный, вернее, указывающий задачи, но не способы их раз-

решения. Заменить «организацией пролетариата в господствующий класс», «завоеванием демократии»—таков был ответ «Коммунистического Манифеста».

Не вдаваясь в утопии, Маркс от *опыта* массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы эта организация пролетариата, как господствующего класса, станет выливаться, каким именно образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным «завоеванием демократии».

Опыт Коммуны, как он ни был мал, Маркс подвергает в «Гражданской войне во Франции» самому внимательному анализу. Приведем важнейшие места из этого сочинения:

В XIX веке развилась происходящая от средних веков «централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством, судейским сословием». С развитием классового антагонизма между капиталом и трудом «государственная власть принимала все более и более характер общественной власти для угнетения труда, характер машины классового господства. После каждой революции, означающей известный шаг вперед классовой борьбы, чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто». Государственная власть после революции 1848—1849 г.г. становится «национальным орудием войны капитала против труда». Вторая империя закрепляет это.

«Прямой противоположностью империи была Коммуна». «Она была определенной формой» «такой республики, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство»...

В чем именно состояла эта «определенная» форма пролетарской, социалистической республики? Каково было государство, которое она начала создавать?

...«Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом»...

Это требование стоит теперь в программах всех, желающих называться социалистическими, партий. Но чего стоят их программы, лучше всего видно из поведения наших эсеров и меньшевиков, на деле отказавшихся как раз после революции 27 февраля от проведения в жизнь этого требования!

...«Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса»...

...«Полиция, до сих пор бывшая орудием государственного правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время... То же самое—чиновники всех остальных отраслей управления... Начиная с членов Коммуны, сверху до низу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего.* Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами... По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, силу попов... Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость... они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми»...

Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как-раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (=особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство.

Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала. Но подавляющим органом является здесь уже большинство населения, а не меньшинство, как бывало всегда и при рабстве, и при крепостничестве, и при наемном рабстве. А раз большинство народа *само* подавляет своих угнетателей, то «особой силы» для подавления *уже не нужно!* В этом смысле государство *начинает отмирать.* Вместо особых учреждений привилегированного меньшинства (привилегированное чиновничество, начальство постоянной армии), само большинство может непосредственно выполнять это, а чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти.

Особенно замечательна в этом отношении подчеркиваемая Марксом мера Коммуны: отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы *всем* должностным лицам в госу-

Свержение Вандомской колонны 16 мая 1871 г.

дарстве до уровня «*заработной платы рабочего*». Тут как раз всего нагляднее сказывается *перелом*—от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от государства, как «*особой силы*» для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей *всеобщей силой* большинства народа, рабочих и крестьян. И именно на этом, особенно наглядном—по вопросу о государстве, пожалуй, наиболее важном—пункте уроки Маркса наиболее забыты! В популярных комментариях—им же несть числа—об этом не говорят. «Принято» об этом умалчивать, точно о «наивности», отжившей свое время,—вроде того, как христиане, получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным духом.

Понижение платы высшим государственным чиновникам кажется «просто» требованием наивного, примитивного демократизма. Один из «основателей» новейшего оппортунизма, бывший социал-демократ Эд. Бернштейн не раз упражнялся в повторении пошлых буржуазных насмешечек над «примитивным» демократизмом. Как и все оппортунисты, как и теперешние каутскианцы, он совершенно не понял того, что, во-первых, переход от капитализма к социализму *невозможен* без известного «возврата» к «примитивному» демократизму (ибо иначе как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?), а во-вторых, что «примитивный демократизм» на базе капитализма и капиталистической культуры—не то, что̀ примитивный демократизм в первобытные или в докапиталистические времена. Капиталистическая культура *создала* крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и пр., а *на этой базе* громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного».

Полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объеди-

няя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто-политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой «экспроприацией экспроприаторов», т.-е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность.

«Коммуна—писал Маркс—сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов, армию и чиновничество».

Из крестьянства, как и из других слоев мелкой буржуазии, лишь ничтожное меньшинство «поднимается вверх», «выходит в люди» в буржуазном смысле, т.-е. превращается либо в зажиточных людей, в буржуа, либо в обеспеченных и привилегированных чиновников. Громадное большинство крестьянства во всякой капиталистической стране, где только есть крестьянство (а таких капиталистических стран большинство), угнетено правительством и жаждет свержения его, жаждет «дешевого» правительства. Осуществить это может *только* пролетариат и, осуществляя это, он делает вместе с тем шаг к социалистическому переустройству государства.

3. Уничтожение парламентаризма

«Коммуна—писал Маркс—должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»...

...«Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (ver- und zertreten) народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю».

Эта замечательная критика парламентаризма, данная в 1871-ом году, тоже принадлежит теперь, благодаря господству социал-шовинизма и оппортунизма, к числу «забытых слов» марксизма. Министры и парламентарии по профессии, изменники пролетариату и «деляческие» социалисты наших дней предоставили критику парламентаризма всецело анархистам, и на этом удивительно-разум-

ном основании объявили *всякую* критику парламентаризма «анархизмом»!! Ничего нет странного, что пролетариат «передовых» парламентских стран, испытывая омерзение при виде таких «социалистов», как Шейдеманы, Давиды, Легины, Самба, Ренодели, Гендерсоны, Вандервельды, Стаунинги, Брантинги, Биссолати и К°, все чаще отдавал свои симпатии анархо-синдикализму, несмотря на то, что это был родной брат оппортунизма.

Но для Маркса революционная диалектика никогда не была той пустой модной фразой, побрякушкой, которой сделали ее Плеханов, Каутский и пр. Маркс умел беспощадно рвать с анархизмом за неумение использовать даже «хлев» буржуазного парламентаризма, особенно когда заведомо нет налицо революционной ситуации,—но в то же время он умел и давать действительно революционно-пролетарскую критику парламентаризма.

Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавлять народ в парламенте—вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках.

Но, если ставить вопрос о государстве, если рассматривать парламентаризм, как одно из учреждений государства, с точки зрения задач пролетариата в *этой* области, то где же выход из парламентаризма? как же можно обойтись без него?

Опять и опять приходится сказать: уроки Маркса, основанные на изучении Коммуны, настолько забыты, что современному «социал-демократу» (читай: современному предателю социализма) прямо-таки непонятна иная критика парламентаризма, кроме анархической или реакционной.

Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в «работающие» учреждения. «Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы».

«Не парламентское, а работающее» учреждение, это сказано не в бровь, а в глаз современным парламентариям и парламентским «комнатным собачкам» социал-демократии! Посмотрите на любую парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и проч.: настоящую «государственную» работу делают

за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать «простонародье». Это до такой степени верно, что даже в русской республике, буржуазно-демократической республике, раньше чем она успела создать настоящий парламент, сказались уже тотчас все эти грехи парламентаризма. Такие герои гнилого мещанства, как Скобелевы и Церетели, Черновы и Авксентьевы, сумели и Советы испоганить по типу гнуснейшего буржуазного парламентаризма, превратив их в пустые говорильни. В Советах господа «социалистические» министры надувают доверчивых мужичков фразерством и резолюциями. В правительстве идет перманентный кадриль, с одной стороны, чтобы по очереди сажать «к пирогу» доходных и почетных местечек побольше эсеров и меньшевиков, с другой стороны, чтобы «занять внимание» народа. А в канцеляриях, в штабах «работают» «государственную» работу!

«Дело Народа», орган правящей партии «социалистов-революционеров», недавно в редакционной передовице признался,—с бесподобной откровенностью людей из «хорошего общества», в котором «все» занимаются политической проституцией,—что даже в тех министерствах, кои принадлежат «социалистам» (извините за выражение!), даже в них весь чиновничий аппарат остается в сущности старым, функционирует по-старому, саботирует революционные начинания вполне «свободно»! Да если бы не было этого признания, разве фактическая история участия эсеров и меньшевиков в правительстве не доказывает этого? Характерно тут только то, что, находясь в министерском обществе с кадетами, господа Черновы, Русановы, Зензиновы и прочие редакторы «Дела Народа» настолько потеряли стыд, что не стесняются публично, как о пустячке, рассказывать, не краснея, что «у них» в министерствах все по-старому!! Революционно-демократическая фраза—для одурачения деревенских Иванушек, а чиновничья канцелярская волокита для «ублаготворения» капиталистов—вот вам *суть* «честной» коалиции.

Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что̀ получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но

парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь *нет*. Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии; без парламентаризма можем и *должны*, если критика буржуазного общества для нас не пустые слова, если стремление свергнуть господство буржуазии есть наше серьезное и искреннее стремление, а не «избирательная» фраза для уловления голосов рабочих, как у меньшевиков и эсеров, как у Шейдеманов и Легинов, Самба и Вандервельдов.

Крайне поучительно, что, говоря о функциях *того* чиновничества, которое нужно и Коммуне и пролетарской демократии, Маркс берет для сравнения служащих «всякого другого работодателя», т.-е. обычное капиталистическое предприятие с «рабочими, надсмотрщиками и бухгалтерами».

У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественно-исторический процесс, *рождение* нового общества *из* старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он «учится» у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса, никогда не относясь к ним с педантскими «нравоучениями» (вроде плехановского: «не надо было браться за оружие» или церетелевского: «класс должен самоограничиваться»).

Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это—утопия. Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество, это *не* утопия, это—опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата.

Капитализм упрощает функции «государственного» управления, позволяет отбросить «начальствование» и свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от имени всего общества нанимающей «рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров».

Мы не утописты. Мы не «мечтатели» о том, как бы *сразу* обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне чужды

марксизму и на деле служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся.

Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся—пролетариату. Специфическое «начальствование» государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за «заработную плату рабочего».

Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, *сами* мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых «надсмотрщиков и бухгалтеров» (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней)—вот *наша* пролетарская задача, вот с чего можно и должно *начать* при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства, само собою ведет к постепенному «отмиранию» всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка,—порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство,—такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надсмотра и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как *особые* функции особого слоя людей.

Один остроумный немецкий социал-демократ семидесятых годов прошлого века назвал *почту* образцом социалистического хозяйства. Это очень верно. Теперь почта есть хозяйство, организованное по типу государственно-*капиталистической* монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации подобного типа. Над «простыми» трудящимися, которые завалены работой и голодают, здесь стоит та же буржуазная бюрократия. Но механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства—

и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу *всех* их, как и *всех* вообще «государственных» чиновников, заработной платой рабочего. Вот задача конкретная, практическая, осуществимая тотчас по отношению ко всем трестам, избавляющая трудящихся от эксплуатации, учитывающая опыт, практически уже начатый (особенно в области государственного строительства) Коммуной.

Все народное хозяйство, организованное, как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и *все* должностные лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочего», под контролем и руководством вооруженного пролетариата,—вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо. Вот что даст уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот что избавит трудящиеся классы от проституирования этих учреждений буржуазией.

4. Организация единства нации

...«В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была... стать политической формой даже самой маленькой деревни»... От коммун выбиралась бы и «национальная делегация» в Париже.

...«Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены,—такое утверждение было сознательным подлогом,—а должны были быть переданы коммунальным, т. е. строго ответственным, чиновникам»...

...«Единство нации подлежало не уничтожению, а напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации»... «Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества».

До какой степени не поняли—может быть, вернее будет сказать: не захотели понять—оппортунисты современной социал-демократии эти рассуждения Маркса, лучше

всего показывает геростратовски-знаменитая книга ренегата Бернштейна: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Именно по поводу приведенных слов Маркса Бернштейн писал, что эта программа «по своему политическому содержанию обнаруживает во всех существенных чертах величайшее сходство с федерализмом—Прудона... При всех прочих расхождениях между Марксом и «мелким буржуа» Прудоном (Бернштейн ставит слова «мелкий буржуа» в кавычки, которые должны быть, по его мнению, иронические) в этих пунктах ход мысли у них настолько близок, как только возможно». Конечно, продолжает Бернштейн, значение муниципалитетов растет, но «мне кажется сомнительным, чтобы первой задачей демократии было такое упразднение (Auflösung—буквально: распущение, растворение) современных государств и такое полное изменение (Umwandlung—переворот) их организации, как представляют себе Маркс и Прудон—образование национального собрания из делегатов от провинциальных или областных собраний, которые, в свою очередь, составлялись бы из делегатов от коммун,—так что вся прежняя форма национальных представительств исчезла бы совершенно» (Бернштейн, «Предпосылки», стр. 134 и 136 немецкого издания 1899 года).

Это прямо чудовищно: смешать взгляды Маркса на «уничтожение государственной власти—паразита» с федерализмом Прудона! Но это не случайно, ибо оппортунисту и в голову не приходит, что Маркс говорит здесь вовсе не о федерализме в противовес централизму, а о разбитии старой, буржуазной, во всех буржуазных странах существующей государственной машины.

Оппортунисту приходит в голову только то, что он видит вокруг себя, в среде мещанской обывательщины и «реформистского» застоя, именно только «муниципалитеты»! О революции пролетариата оппортунист разучился и думать.

Это смешно. Но замечательно, что в этом пункте с Бернштейном не спорили. Бернштейна многие опровергали—особенно Плеханов в русской литературе, Каутский в европейской, но ни тот, ни другой об *этом* извращении Маркса Бернштейном *не* говорили.

Оппортунист настолько разучился мыслить революционно и размышлять о революции, что он приписывает «федерализм» Марксу, смешивая его с основателем анархизма Прудоном. А желающие быть ортодоксальными

марксистами, отстоять учение революционного марксизма Каутский и Плеханов об этом молчат! Здесь лежит один из корней того крайнего опошления взглядов на разницу между марксизмом и анархизмом, которое свойственно и каутскианцам и оппортунистам и о котором нам еще придется говорить.

Федерализма в приведенных рассуждениях Маркса об опыте Коммуны нет и следа. Маркс сходится с Прудоном как раз в том, чего не видит оппортунист Бернштейн. Маркс расходится с Прудоном как раз в том, в чем Бернштейн видит их сходство.

Маркс сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за «разбитие» современной государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте.

Маркс расходится и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелко-буржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс централист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма. Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной машины за уничтожение централизма!

Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и *объединят* действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее *всей* нации, всему обществу, разве это не будет централизм? разве это не будет самый последовательный демократический централизм? и притом пролетарский централизм?

Бернштейну просто не может придти в голову, что возможен добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного господства и буржуазной государственной машины. Бернштейну, как всякому филистеру, централизм рисуется, как нечто только сверху, только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанным и сохраненным.

Маркс нарочно, как бы предвидя возможность извращения его взглядов, подчеркивает, что сознательным под-

логом являются обвинения Коммуны в том, будто она хотела уничтожить единство нации, отменить центральную власть. Маркс нарочно употребляет выражение «организовать единство нации», чтобы противопоставить сознательный, демократический, пролетарский централизм буржуазному, военному, чиновничьему.

Но... хуже всякого глухого, кто не хочет слушать. А оппортунистам современной социал-демократии именно не хочется слушать об уничтожении государственной власти, об отсечении паразита.

5. Уничтожение паразита-государства

Мы привели уже соответствующие слова Маркса и должны дополнить их.

...«Обычной судьбой нового исторического творчества—писал Маркс—является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна, которая ломает (bricht—разбивает) современную государственную власть, была рассматриваема, как воскрешение средневековой коммуны... как союз мелких государств (Монтескье, жирондисты)... как преувеличенная форма старой борьбы против чрезмерной централизации»...

...«Коммунальное устройство вернуло бы общественному телу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост «государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции»...

...«Коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собою разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней»...

«Уничтожение государственной власти», которая была «паразитическим наростом», «отсечение» ее, «разрушение» ее; «государственная власть делается теперь излишней»—вот в каких выражениях говорил Маркс о государстве, оценивая и анализируя опыт Коммуны.

Все это писано было без малого полвека тому назад, и теперь приходится точно раскопки производить, чтобы до сознания широких масс довести неизвращенный марксизм. Выводы, сделанные из наблюдений над последней великой революцией, которую пережил Маркс, забыли как раз тогда, когда подошла пора следующих великих революций пролетариата.

...«Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего, она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»...

«Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом»...

Утописты занимались «открыванием» политических форм, при которых должно бы произойти социалистическое переустройство общества. Анархисты отмахивались от вопроса о политических формах вообще. Оппортунисты современной социал-демократии приняли буржуазные политические формы парламентарного демократического государства за предел, его же не прейдеши, и разбивали себе лоб, молясь на этот «образец», объявляли анархизмом всякое стремление *сломать* эти формы.

Маркс вывел из всей истории социализма и политической борьбы, что государство должно будет исчезнуть, что переходной формой его исчезновения (переходом от государства к не-государству) будет «организованный в господствующий класс пролетариат». Но *открывать* политические *формы* этого будущего Маркс не брался. Он ограничился точным наблюдением французской истории, анализом ее и заключением, к которому приводил 1851 год: дело подходит к *разрушению* буржуазной государственной машины.

И когда массовое революционное движение пролетариата разразилось, Маркс, несмотря на неудачу этого движения, несмотря на его кратковременность и бьющую в глаза слабость, стал изучать, какие формы *открыло* оно.

Коммуна—«открытая наконец» пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда.

Коммуна—первая попытка пролетарской революции *разбить* буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которою можно и должно *заменить* разбитое.

Мы увидим в дальнейшем изложении, что русские революции 1905 и 1917 годов, в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса.

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ ЭНГЕЛЬСА

Маркс дал основное по вопросу о значении опыта Коммуны. Энгельс неоднократно возвращался к этой же теме, поясняя анализ и заключения Маркса, иногда с такой силой и рельефностью освещая *другие* стороны вопроса, что на этих пояснениях необходимо особо остановиться.

1. «Жилищный вопрос»

В своем сочинении о жилищном вопросе (1872 г.) Энгельс учитывает уже опыт Коммуны, останавливаясь несколько раз на задачах революции по отношению к государству. Интересно, что на конкретной теме выясняются наглядно, с одной стороны, черты сходства пролетарского государства с теперешним государством,—черты, дающие основание в обоих случаях говорить о государстве,—а, с другой стороны, черты различия или переход к уничтожению государства.

«Как разрешить жилищный вопрос? В современном обществе он решается совершенно так же, как всякий другой общественный вопрос: постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения, а это такое решение, которое постоянно само порождает вопрос заново, т. е. не дает никакого решения. Как решит этот вопрос социальная революция, это зависит не только от обстоятельств времени и места, это связано также с вопросами, идущими гораздо дальше, среди которых один из важнейших—вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней. Так как мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества, то было бы более чем праздным делом останавливаться на этом. Несомненно одно, именно, что уже теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной *нужде* в жилищах при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах. И как только пролетариат завоюет политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполнима, как и прочие экспроприации и занятия квартир современным государством» (стр. 22 нем. издания 1887 года).

Здесь изменение формы государственной власти не рассматривается, а берется только содержание ее деятельности. Экспроприации и занятия квартир происходят и по распоряжению теперешнего государства. Пролетарское государство, с формальной стороны дела, тоже «распо-

рядится» занять квартиры и экспроприировать дома. Но ясно, что старый исполнительный аппарат, чиновничество, связанное с буржуазией, был бы просто непригоден для проведения в жизнь распоряжений пролетарского государства.

...«Необходимо констатировать, что фактическое овладение всеми орудиями труда, всей индустрией со стороны трудящегося народа является прямой противоположностью прудонистского «выкупа». При последнем отдельный рабочий становится собственником жилища, крестьянского участка земли, орудий труда; при первом же совокупным собственником домов, фабрик и орудий труда остается «трудящийся народ». Пользование этими домами, фабриками и проч. едва ли будет предоставляться, по крайней мере, в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно так же уничтожение поземельной собственности не предполагает уничтожения поземельной ренты, а передачу ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно, никоим образом сохранения найма и сдачи в наем» (стр. 69).

Вопрос, затронутый в этом рассуждении, именно: об экономических основаниях отмирания государства, мы рассмотрим в следующей главе. Энгельс выражается крайне осторожно, говоря, что пролетарское государство «едва ли» без платы будет раздавать квартиры, «по крайней мере в переходное время». Сдача квартир, принадлежащих всему народу, отдельным семьям за плату предполагает и взимание этой платы, и известный контроль, и ту или иную нормировку распределения квартир. Все это требует известной формы государства, но вовсе не требует особого военного и бюрократического аппарата с особо привилегированным положением должностных лиц. А переход к такому положению дел, когда можно будет бесплатно отдавать квартиры, связан с полным «отмиранием» государства.

Говоря о переходе бланкистов, после Коммуны и под влиянием ее опыта, на принципиальную позицию марксизма, Энгельс мимоходом формулирует эту позицию следующим образом:

...«Необходимость политического действия пролетариата и его диктатуры, как переход к отмене классов, а вместе с ними и государства»... (стр. 55).

Какие-нибудь любители буквенной критики или буржуазные «истребители марксизма» усмотрят, пожалуй, противоречие между этим *признанием* «отмены государства» и отрицанием такой формулы, как анархистской, в при-

веденном выше месте «Анти-Дюринга». Было бы неудивительно, если бы оппортунисты и Энгельса зачислили в «анархисты»,—теперь все распространеннее становится со стороны социал-шовинистов обвинение интернационалистов в анархизме.

Что вместе с отменой классов произойдет и отмена государства, этому марксизм учил всегда. Общеизвестное место об «отмирании государства» в «Анти-Дюринге» обвиняет анархистов не просто в том, что они стоят за отмену государства, а в том, что они проповедуют, будто возможно отменить государство «с сегодня на завтра».

В виду полного искажения господствующей ныне «социал-демократической» доктриной отношения марксизма к анархизму по вопросу об уничтожении государства, особенно полезно напомнить одну полемику Маркса и Энгельса с анархистами.

2. Полемика с анархистами

Эта полемика относится к 1873-му году. Маркс и Энгельс дали статьи против прудонистов, «автономистов» или «антиавторитаристов», в итальянский социалистический сборник, и только в 1913 году эти статьи появились в немецком переводе в «Neue Zeit».

...«Если политическая борьба рабочего класса—писал Маркс, высмеивая анархистов с их отрицанием политики,—принимает революционные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломать сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму, вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство»... («Neue Zeit», 1913—14, год 32, т. I, стр. 40).

Вот против какой «отмены» государства восставал исключительно Маркс, опровергая анархистов! Совсем не против того, что государство исчезнет с исчезновением классов или будет отменено с их отменой, а против того, чтобы рабочие отказались от употребления оружия, от организованного насилия, *то-есть от государства,* долженствующего служить цели: «сломить сопротивление буржуазии».

Маркс нарочно подчеркивает—чтобы не искажали истинный смысл его борьбы с анархизмом—«революционную и *преходящую* форму» государства, необходимого для про-

летариата. Пролетариату только на время нужно государство. Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как *цели*. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти *против* эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса. Маркс выбирает самую резкую и самую ясную постановку вопроса против анархистов: свергая иго капиталистов, должны ли рабочие «сложить оружие» или использовать его против капиталистов, для того, чтобы сломить их сопротивление? А систематическое использование оружия одним классом против другого класса,—что это такое, как не «преходящая форма» государства?

Пусть каждый социал-демократ спросит себя: *так* ли ставил он вопрос о государстве в полемике с анархистами? *так* ли ставило этот вопрос огромное большинство официальных социалистических партий Второго Интернационала?

Энгельс еще гораздо подробнее и популярнее излагает те же мысли. Он высмеивает прежде всего путаницу мысли у прудонистов, которые звали себя «антиавторитаристами», т.-е. отрицали всякий авторитет, всякое подчинение, всякую власть. Возьмите фабрику, железную дорогу, судно в открытом море,—говорит Энгельс,—разве не ясно, что без известного подчинения, следовательно, без известного авторитета или власти невозможно функционирование ни одного из этих сложных технических заведений, основанных на применении машин и планомерном сотрудничестве многих лиц?

...«Если я выдвигаю эти аргументы—пишет Энгельс—против самых отчаянных антиавторитаристов, то они могут дать мне лишь следующий ответ: «Да! это правда, но дело идет здесь не об авторитете, которым мы наделяем наших делегатов, а *об известном поручении*». Эти люди думают, что мы можем изменить известную вещь, если мы изменим ее имя»...

Показав таким образом, что авторитет и автономия—понятия относительные, что область применения их меняется с различными фазами общественного развития, что за абсолюты принимать их нелепо, добавив, что область применения машин и крупного производства все расширяется, Энгельс переходит от общих рассуждений об авторитете к вопросу о государстве.

Последняя схватка коммунаров с Версальцами на кладбище Пер-Лашез

...«Если бы автономисты—пишет он—хотели сказать только, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства, тогда с ними можно бы было столковаться. Но они слепы по отношению ко всем фактам, которые делают необходимым авторитет, и они борются страстно против слова.

«Почему антиавторитаристы не ограничиваются тем, чтобы кричать против политического авторитета, против государства? Все социалисты согласны в том, что государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то-есть что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами. Но антиавторитаристы требуют, чтобы политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета.

«Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом? Итак: или—или. Или антиавторитаристы не знают сами, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу. Или они это знают, и в этом случае они изменяют делу пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции» (стр. 39).

В этом рассуждении затронуты вопросы, которые следует рассмотреть в связи с темой о соотношении политики и экономики при отмирании государства (этой теме посвящена следующая глава). Таковы вопросы о превращении общественных функций из политических в простые административные и о «политическом государстве». Это последнее выражение, в особенности способное вызвать недоразумения, указывает на процесс отмирания государства: отмирающее государство на известной ступени его отмирания можно назвать неполитическим государством.

Наиболее замечательна в данном рассуждении Энгельса опять-таки постановка вопроса против анархистов. Социал-демократы, желающие быть учениками Энгельса, миллионы раз спорили с 1873-го года против анархистов, но спорили именно *не* так, как можно и должно спорить марксистам. Анархистское представление об отмене государства путано и *нереволюционно,*—вот как ставил вопрос Энгельс. Анархисты именно революции-то в ее возникно-

вении и развитии, в ее специфических задачах по отношению к насилию, авторитету, власти, государству видеть не хотят.

Обычная критика анархизма у современных социал-демократов свелась к чистейшей мещанской пошлости: «мы-де признаем государство, а анархисты нет!» Разумеется, такая пошлость не может не отталкивать сколько-нибудь мыслящих и революционных рабочих. Энгельс говорит иное: он подчеркивает, что все социалисты признают исчезновение государства, как следствие социалистической революции. Он ставит затем конкретно вопрос о революции, тот именно вопрос, который обычно социал-демократы из оппортунизма обходят, оставляя его, так сказать, на исключительную «разработку» анархистам. И, ставя этот вопрос, Энгельс берет быка за рога: не следовало ли Коммуне *больше* пользоваться *революционной* властью *государства,* т.-е. вооруженного, организованного в господствующий класс пролетариата?

Господствующая официальная социал-демократия от вопроса о конкретных задачах пролетариата в революции обыкновенно отделывалась либо просто насмешечкой филистера, либо, в лучшем случае, уклончиво софистическим: «там видно будет». И анархисты получали право говорить против такой социал-демократии, что она изменяет своей задаче революционного воспитания рабочих. Энгельс использует опыт последней пролетарской революции именно для самого конкретного изучения, что̀ и как следует делать пролетариату и по отношению к банкам и по отношению к государству.

3. Письмо к Бебелю

Одним из самых замечательных, если не самым замечательным, рассуждением в сочинениях Маркса и Энгельса по вопросу о государстве является следующее место в письме Энгельса к Бебелю от 18—28 марта 1875 года. Письмо это,—заметим в скобках,—было напечатано, насколько мы знаем, впервые Бебелем во втором томе его мемуаров («Из моей жизни»), вышедшем в свет в 1911 году, т.-е. 36 лет спустя после его составления и отправки.

Энгельс писал Бебелю, критикуя тот самый проект Готской программы, который критиковал и Маркс в знаменитом письме к Браккэ, и касаясь специально вопроса о государстве, следующее:

...«Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т.-е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический Манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается (sich auflöst) и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова *государство* слово: «община» (Gemeinwesen), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна» (стран. 322 немецкого оригинала).

Надо иметь в виду, что это письмо относится к партийной программе, которую Маркс критиковал в письме, помеченном всего несколькими неделями позже данного письма (письмо Маркса от 5 мая 1875 года), и что Энгельс жил тогда, вместе с Марксом, в Лондоне. Поэтому, говоря: «мы» в последней фразе, Энгельс, несомненно, от своего и Маркса имени предлагает вождю немецкой рабочей партии *выкинуть из программы* слово «государство» и заменить его словом «*община*».

Какой бы вой об «анархизме» подняли главари нынешнего, подделанного под удобства оппортунистов «марксизма», если бы им предложили такое исправление программы!

Пусть воют. За это их похвалит буржуазия.

А мы будем делать свое дело. При пересмотре программы нашей партии совет Энгельса и Маркса безусловно следует принять во внимание, чтобы быть ближе к истине, чтобы восстановить марксизм, очистив его от искажений, чтобы вернее направить борьбу рабочего класса за его освобождение. Среди большевиков, наверное, противников совета Энгельса и Маркса не найдется. Трудность будет, пожалуй, только в термине. По-немецки есть два слова: «община», из которых Энгельс выбрал такое, которое *не* означает отдельной общины, а совокупность их, систему общин. По-русски такого слова нет, и, может быть, придется выбрать французское слово «коммуна», хотя это тоже имеет свои неудобства.

«Коммуна не была уже государством в собственном смысле»—вот важнейшее, теоретически, утверждение Энгельса. После изложенного выше, это утверждение вполне понятно. Коммуна *переставала* быть государством, поскольку подавлять ей приходилось не большинство населения, а меньшинство (эксплуататоров); буржуазную государственную машину она разбила; вместо *особой* силы для подавления на сцену выдвигалось само население. Все это—отступления от государства в собственном смысле. И если бы Коммуна упрочилась, то в ней сами собой «отмерли» бы следы государства, ей бы не надо было «отменять» его учреждений: они перестали бы функционировать по мере того, как им становилось бы нечего делать.

«Анархисты колют нам глаза «народным государством»»; говоря это, Энгельс имеет в виду прежде всего Бакунина и его нападки на немецких социал-демократов. Энгельс признает эти нападки *постольку* правильными, поскольку «народное государство» есть такая же бессмыслица и такое же отступление от социализма, как и «свободное народное государство». Энгельс старается поправить борьбу немецких социал-демократов против анархистов, сделать эту борьбу принципиально правильной, очистить ее от оппортунистических предрассудков насчет «государства». Увы! Письмо Энгельса 36 лет пролежало под спудом. Мы увидим ниже, что и после опубликования этого письма Каутский упорно повторяет, в сущности, те же ошибки, от которых предостерегал Энгельс.

Бебель ответил Энгельсу письмом от 21 сентября 1875 г., в котором он писал, между прочим, что «вполне согласен» с его суждением о проекте программы и что он упрекал Либкнехта за уступчивость (стр. 304 нем. издания мемуаров Бебеля, т. II). Но если взять брошюру Бебеля «Наши цели», то мы встретим в ней совершенно неверные рассуждения о государстве:

«Государство должно быть превращено из основанного на *классовом господстве* государства в *народное государство*» (нем. изд. «Unsere Ziele», 1886, стр. 14).

Так напечатано в *девятом* (девятом!) издании брошюры Бебеля! Неудивительно, что столь упорное повторение оппортунистических рассуждений о государстве впитывалось немецкой социал-демократией, особенно когда революционные разъяснения Энгельса клались под спуд, а вся жизненная обстановка надолго «отучала» от революции.

4) *Критика проекта Эрфуртской программы*

Критика проекта Эрфуртской программы, посланная Энгельсом Каутскому 29 июня 1891 года и опубликованная только десять лет спустя в «Neue Zeit», не может быть обойдена при разборе учения марксизма о государстве, потому что она посвящена главным образом именно критике *оппортунистических* воззрений социал-демократии в вопросах *государственного* устройства.

Мимоходом отметим, что по вопросам экономики Энгельс дает также одно замечательно ценное указание, которое показывает, как внимательно и вдумчиво следил он именно за видоизменениями новейшего капитализма и как сумел он поэтому предвосхитить в известной степени задачи нашей, империалистской, эпохи. Вот это указание: по поводу слова «отсутствие планомерности» (Planlosigkeit), употребленного в проекте программы для характеристики капитализма, Энгельс пишет:

...«Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности» («Neue Zeit», год 20, т. I, 1901—1902, стр. 8).

Здесь взято самое основное в теоретической оценке новейшего капитализма, т.-е. империализма, именно, что капитализм превращается в монополистический *капитализм*. Последнее приходится подчеркнуть, ибо самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное. Полной планомерности, конечно, тресты не давали, не дают до сих пор и не могут дать. Но поскольку они дают планомерность, поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже интернациональном масштабе, поскольку они его планомерно регулируют, мы остаемся все же при *капитализме,* хотя и в новой его стадии, но, несомненно, при капитализме. «Близость» *такого* капитализма к социализму должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции, а вовсе не доводом за то, чтобы терпимо

относиться к отрицанию этой революции и к подкрашиванью капитализма, чем занимаются все реформисты.

Но вернемся к вопросу о государстве. Троякого рода особенно ценные указания дает здесь Энгельс: во-первых, по вопросу о республике; во-вторых, о связи национального вопроса с устройством государства; в-третьих, о местном самоуправлении.

Что касается республики, то Энгельс сделал из этого центр тяжести своей критики проекта Эрфуртской программы. А если мы припомним, какое значение Эрфуртская программа приобрела во всей международной социал-демократии, как она стала образцом для всего Второго Интернационала, то без преувеличения можно будет сказать, что Энгельс критикует здесь оппортунизм всего Второго Интернационала.

«Политические требования проекта—пишет Энгельс—страдают большим недостатком. *В нем нет того* (курсив Энгельса), что́ собственно следовало сказать».

И дальше поясняется, что германская конституция есть собственно слепок с реакционнейшей конституции 1850 года, что рейхстаг есть лишь, как выразился Вильгельм Либкнехт, «фиговый листок абсолютизма», что на основе конституции, узаконяющей мелкие государства и союз немецких мелких государств, хотеть осуществить «превращение всех орудий труда в общую собственность»—«очевидная бессмыслица».

«Касаться этой темы опасно»,—добавляет Энгельс, прекрасно знающий, что легально выставить в программе требование республики в Германии нельзя. Но Энгельс не мирится просто на просто с этим очевидным соображением, которым «все» удовлетворяются. Энгельс продолжает: «Но дело, тем не менее, так или иначе должно быть двинуто. До какой степени это необходимо, показывает именно теперь распространяющийся (einreissende) в большой части социал-демократической печати оппортунизм. Из боязни возобновления закона против социалистов, или воспоминая некоторые сделанные при господстве этого закона преждевременные заявления, хотят теперь, чтобы партия признала теперешний законный порядок в Германии достаточным для мирного осуществления всех ее требований»...

Что германские социал-демократы действовали из боязни возобновления исключительного закона, этот основной факт Энгельс выдвигает на первый план и, не обинуясь, называет его оппортунизмом, объявляя, именно в силу отсутствия республики и свободы в Германии, совершенно бессмысленными мечты о «мирном» пути. Энгельс достаточно осторожен, чтобы не связать себе рук. Он при-

знает, что в странах с республикой или с очень большой свободой «можно себе представить» (только «представить»!) мирное развитие к социализму, но в Германии, повторяет он:

...«в Германии, где правительство почти всесильно, а рейхстаг и все другие представительные учреждения не имеют действительной власти, в Германии провозглашать нечто подобное, и притом без всякой надобности, значит снимать фиговый листок с абсолютизма и самому становиться для прикрытия наготы»...

Прикрывателями абсолютизма действительно и оказались в громадном большинстве официальные вожди германской социал-демократической партии, которая положила «под сукно» эти указания.

...«Подобная политика может лишь, в конце концов, привести партию на ложный путь. На первый план выдвигают общие, абстрактные политические вопросы и таким образом прикрывают ближайшие конкретные вопросы, которые сами собою становятся в порядок дня при первых же крупных событиях, при первом политическом кризисе. Что может выйти из этого, кроме того, что партия внезапно в решающий момент окажется беспомощной, что по решающим вопросам в ней господствует неясность и отсутствие единства, потому что эти вопросы никогда не обсуждались...

«Это забвение великих, коренных соображений из-за минутных интересов дня, эта погоня за минутными успехами и борьба из-за них без учета дальнейших последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему, может быть, происходит и из-за «честных» мотивов. Но это есть оппортунизм и остается оппортунизмом, а «честный» оппортунизм, пожалуй, опаснее всех других...

«Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут придти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция»...

Энгельс повторяет здесь в особенно рельефной форме ту основную идею, которая красной нитью тянется через все произведения Маркса, именно, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата. Ибо такая республика, нисколько не устраняя господства капитала, а следовательно, угнетения масс и классовой борьбы, неизбежно ведет к такому расширению, развертыванию, раскрытию и обострению этой борьбы, что, раз возникает возможность удовлетворения коренных интересов угнетенных масс, эта возможность осуществляется неминуемо и единственно в диктатуре пролетариата, в руководстве этих масс пролетариатом. Для всего Второго Интернационала это—тоже «забытые слова» марксизма, и забвение их необычайно ярко обнаружила исто-

рия партии меньшевиков за первое полугодие русской революции 1917-го года.

По вопросу о федеративной республике в связи с национальным составом населения Энгельс писал:

«Что должно встать на место теперешней Германии?» (с ее реакционной монархической конституцией и столь же реакционным делением на мелкие государства, делением, увековечивающим особенности «пруссачества», вместо того, чтобы растворить их в Германии, как целом). «По-моему, пролетариат может употреблять лишь форму единой и неделимой республики. Федеративная республика является еще и теперь, в общем и целом, необходимостью на гигантской территории Соединенных Штатов, хотя на востоке их она уже становится помехой. Она была бы шагом вперед в Англии, где на двух островах живет четыре нации и, несмотря на единство парламента, существуют друг подле друга три системы законодательства. Она давно уже сделалась помехой в маленькой Швейцарии, и если там можно еще терпеть федеративную республику, то только потому, что Швейцария довольствуется ролью чисто пассивного члена европейской государственной системы. Для Германии федералистическое ошвейцарение ее было бы огромным шагом назад. Два пункта отличают союзное государство от вполне единого государства, именно: что каждое отдельное государство, входящее в союз, имеет свое особое гражданское и уголовное законодательство, свое особое судоустройство, а затем то, что рядом с народной палатой существует палата представителей от государств, и в ней каждый кантон голосует, как таковой, независимо от того, велик он или мал». В Германии союзное государство есть переход к вполне единому государству, и «революцию сверху» 1866-го и 1870-го годов надо не поворачивать вспять, а дополнить «движением снизу».

Энгельс не только не обнаруживает равнодушия к вопросу о формах государства, а, напротив, с чрезвычайной тщательностью старается анализировать именно переходные формы, чтобы учесть, в зависимости от конкретно-исторических особенностей каждого отдельного случая, переходом *от чего к чему* данная переходная форма является.

Энгельс, как и Маркс, отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как «шаг вперед» при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос.

У Энгельса, как и у Маркса, несмотря на беспощадную критику ими реакционности мелких государств и прикрытия этой реакционности национальным вопросом в опре-

деленных конкретных случаях, нигде нет и тени стремления отмахнуться от национального вопроса,—стремления, которым часто грешат голландские и польские марксисты, исходящие из законнейшей борьбы против мещанского узкого национализма «своих» маленьких государств.

Даже в Англии, где и географические условия, и общность языка, и история многих сотен лет, казалось бы, «покончила» с национальным вопросом отдельных мелких делений Англии, даже здесь Энгельс учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит, и потому признает федеративную республику «шагом вперед». Разумеется, тут нет ни тени отказа от критики недостатков федеративной республики и от самой решительной пропаганды и борьбы за единую, централистически-демократическую республику.

Но централизм демократический Энгельс понимает отнюдь не в том бюрократическом смысле, в котором употребляют это понятие буржуазные и мелко-буржуазные идеологи, анархисты в числе последних. Централизм для Энгельса нисколько не исключает такого широкого местного самоуправления, которое, при добровольном отстаивании «коммунами» и областями единства государства, устраняет всякий бюрократизм и всякое «командование» сверху безусловно.

...«Итак, единая республика»—пишет Энгельс, развивая программные взгляды марксизма на государство,—«но не в смысле теперешней французской республики, которая представляет из себя не больше, чем основанную в 1798 году империю без императора. С 1792 по 1798 год каждый французский департамент, каждая община (Gemeinde) пользовались полным самоуправлением по американскому образцу, и это должны иметь и мы. Как следует организовать самоуправление и как можно обойтись без бюрократии, это показала и доказала нам Америка и первая французская республика, а теперь еще показывают Канада, Австралия и другие английские колонии.

И такое провинциальное (областное) и общинное самоуправление—гораздо более свободные учреждения, чем, напр., швейцарский федерализм, где, правда, кантон очень независим по отношению к Бунду» (т.-е. к федеративному государству в целом), «но независим также и по отношению к уезду (бецирку) и по отношению к общине. Кантональные правительства назначают уездных исправников (штатгальтеров) и префектов, чего совершенно нет в странах английского языка и что́ мы у себя в будущем так же решительно должны устранить, как и прусских ландратов и регирунгсратов» (комиссаров, исправников, губернаторов, вообще чиновников, назначаемых сверху). Энгельс предлагает соответственно этому формулировать пункт программы о самоуправлении следующим образом: «Полное самоуправление в провинции» (губернии или области), «уезде и общине чрез чиновников, избранных всеобщим избирательным пра-

вом; отмена всех местных и провинциальных властей, назначаемых государством».

В закрытой правительством Керенского и других «социалистических» министров «Правде» (№ 68, от 28 мая 1917 года) мне уже случалось указывать[1], как в этом пункте—разумеется, далеко не в нем одном—наши якобы социалистические представители якобы революционной якобы демократии совершали вопиющие отступления *от демократизма*. Понятно, что люди, связавшие себя «коалицией» с империалистской буржуазией, оставались глухи к этим указаниям.

Крайне важно отметить, что Энгельс с фактами в руках, на самом точном примере, опровергает чрезвычайно распространенный,—особенно среди мелко-буржуазной демократии,—предрассудок, будто федеративная республика означает непременно больше свободы, чем централистическая. Это неверно. Факты, приводимые Энгельсом относительно централистической французской республики 1792—1798 г.г. и федералистической швейцарской, опровергают это. Свободы *больше* давала действительно демократическая централистическая республика, чем федералистическая. Или иначе: *наибольшая* местная, областная и проч. свобода, известная в истории, дана была *централистической,* а не федеративной республикой.

На этот факт, как и на весь вообще вопрос о федеративной и централистической республике и о местном самоуправлении, в нашей партийной пропаганде и агитации обращалось и обращается недостаточно внимания.

5. Предисловие 1891-го года к «Гражданской войне» Маркса

В предисловии к 3-му изданию «Гражданской войны во Франции»—это предисловие помечено 18-м марта 1891 года и первоначально было напечатано в журнале «Neue Zeit»—Энгельс, рядом с интересными мимоходными замечаниями по вопросам, связанным с отношением к государству, дает замечательно рельефную сводку уроков Коммуны. Эта сводка, углубленная всем опытом двадцатилетнего периода, отделявшего автора от Коммуны, и специально направленная против распространенной в Германии «суеверной веры в государство», может быть по справедливости названа

[1] См. Соч., т. XX, стр. 437. *Ред.*

последним словом марксизма по рассматриваемому вопросу.

«Во Франции,—отмечает Энгельс,—после каждой революции рабочие бывали вооружены»; «поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда—после каждой, завоеванной рабочими, революции новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих»...

Итог опыта буржуазных революций столь же краткий, сколь выразительный. Суть дела—между прочим и по вопросу о государстве *(есть ли оружие у угнетенного класса?)*—схвачена здесь замечательно. Именно эту суть чаще всего и обходят как профессора, находящиеся под влиянием буржуазной идеологии, так и мелкобуржуазные демократы. В русской революции 1917-го года «меньшевику», «тоже-марксисту» Церетели выпала честь (кавеньяковская честь) выболтать эту тайну буржуазных революций. В своей «исторической» речи 9-го июня Церетели проговорился о решимости буржуазии разоружить питерских рабочих, выдавая, конечно, это решение и за свое и за «государственную» необходимость вообще!

Историческая речь Церетели от 9-го июня будет, конечно, для всякого историка революции 1917 года одной из наглядней ших иллюстраций того, как предводимый господином Церетели блок эсеров и меньшевиков перешел на сторону буржуазии *против* революционного пролетариата.

Другое мимоходное замечание Энгельса, тоже связанное с вопросом о государстве, относится к религии. Известно, что германская социал-демократия, по мере того, как она загнивала, становясь все более оппортунистической, чаще и чаще скатывалась к филистерскому кривотолкованию знаменитой формулы: «объявление религии частным делом». Именно: эта формула истолковывалась так, будто *и для партии* революционного пролетариата вопрос о религии есть частное дело!! Против этой полной измены революционной программе пролетариата и восстал Энгельс, который в 1891 году наблюдал только *самые слабые* зачатки оппортунизма в своей партии и который выражался поэтому наиболее осторожно:

«Соответственно тому, что в Коммуне заседали почти исключительно рабочие или признанные представители рабочих, и постановления ее отличались решительно пролетарским характером. Либо эти постановления декретировали такие реформы, от которых

Версальские палачи ищут следы пороха

республиканская буржуазия отказалась только из подлой трусости и которые составляют необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса. Таково проведение в жизнь принципа, что *по отношению к государству* религия является просто частным делом. Либо Коммуна издавала постановления, прямо лежащие в интересах рабочего класса и которые отчасти глубоко врезывались в старый общественный порядок»...

Энгельс подчеркнул слова «по отношению к государству» умышленно, направляя удар не в бровь, а в глаз немецкому оппортунизму, объявлявшему религию частным делом *по отношению к партии* и таким образом принижавшему партию революционного пролетариата до уровня пошлейшего «свободомыслящего» мещанства, готового допустить вневероисповедное состояние, но отрекавшегося от задачи *партийной* борьбы против религиозного опиума, оглупляющего народ.

Будущий историк германской социал-демократии, прослеживая корни ее позорного краха в 1914 году, найдет немало интересного материала по этому вопросу, начиная от уклончивых, открывающих настежь дверь оппортунизму, заявлений в статьях идейного вождя партии, Каутского, и кончая отношением партии к «Los-von-Kirche-Bewegung» (движению к отделению от церкви) в 1913 году.

Но перейдем к тому, как Энгельс двадцать лет спустя после Коммуны подытоживал ее уроки борющемуся пролетариату.

Вот какие уроки выдвигал на первый план Энгельс:

...«Именно та угнетающая власть прежнего централизованного правительства, армия, политическая полиция, бюрократия, которую Наполеон создал в 1798 году и которую с тех пор каждое новое правительство перенимало, как желательное орудие, и использовывало его против своих противников, именно эта власть должна была пасть всюду во Франции, как пала она в Париже.

«Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время»...

Энгельс подчеркивает еще и еще раз, что не только в монархии, но *и в демократической республике* государство остается государством, т.-е. сохраняет свою основную отличительную черту: превращать должностных лиц, «слуг общества», органы его в *господ* над ним.

...«Против этого, неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах, превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отозвать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6.000 франков*. Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того»...

Энгельс подходит здесь к той интересной грани, где последовательная демократия, с одной стороны, *превращается* в социализм, а с другой стороны, где она *требует* социализма. Ибо для уничтожения государства необходимо превращение функций государственной службы в такие простые операции контроля и учета, которые доступны, подсильны громадному большинству населения, а затем и всему населению поголовно. А полное устранение карьеризма требует, чтобы «почетное», хотя и бездоходное, местечко на государственной службе *не* могло служить мостиком для перепрыгиванья на высоко-доходные должности в банках и в акционерных обществах, как это бывает *постоянно* во всех свободнейших капиталистических странах.

Но Энгельс не делает той ошибки, которую делают, напр., иные марксисты по вопросу о праве наций на самоопределение: дескать, при капитализме оно невозможно, а при социализме излишне. Подобное, якобы остроумное, а на деле неверное, рассуждение можно бы повторить про *любое* демократическое учреждение, и про скромное жалованье чиновникам в том числе, ибо до конца последовательный демократизм при капитализме невозможен, а при социализме *отомрет* всякая демократия.

Это—софизм, похожий на ту старую шутку, станет ли человек лысым, если у него будет волос меньше на один волос.

Развитие демократии *до конца,* изыскание *форм* такого

---

* Номинально это дает около 2.400 руб., а по теперешнему курсу около 6.000 рублей. Совершенно непростительно поступают те большевики, которые предлагают, напр., в городских думах жалованье по 9.000 руб., не предлагая ввести *для всего государства* максимум 3.000 руб.,—сумма достаточная.

развития, испытание их *практикой* и т. д. все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать *ее* преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории.

Энгельс продолжает:

...«Этот взрыв (Sprengung) старой государственной власти и ее замена новою, поистине демократическою, подробно описаны в третьем отделе «Гражданской войны». Но вкратце остановиться еще раз на некоторых чертах этой замены было здесь необходимо, потому что как раз в Германии суеверная вера в государство перешла из философии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих. По учению философов, государство есть «осуществление идеи» или переведенное на философский язык царство божие на земле, государство является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость. А отсюда вытекает суеверное почтение к государству и ко всему тому, что́ имеет отношение к государству,—суеверное почтение, которое тем легче укореняется, что люди привыкают с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, т.-е. через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников. Люди воображают, что делают необыкновенно сильный шаг вперед, если они отделываются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же, как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности».

Энгельс предостерегал немцев, чтобы они по случаю замены монархии республикой не забыли основ социализма по вопросу о государстве вообще. Его предостережения читаются теперь, как прямой урок господам Церетели и Черновым, проявившим в своей «коалиционной» практике суеверную веру в государство и суеверное почтение к нему!

Еще два замечания. 1) Если Энгельс говорит, что при демократической республике «ничуть не меньше», чем при монархии, государство остается «машиной для угнетения

одного класса другим», то это вовсе не значит, чтобы *форма* угнетения была для пролетариата безразлична, как «учат» иные анархисты. Более широкая, более свободная, более открытая *форма* классовой борьбы и классового угнетения дает пролетариату гигантское облегчение в борьбе за уничтожение классов вообще.

2) Почему только новое поколение в состоянии будет совсем выкинуть вон весь этот хлам государственности,— этот вопрос связан с вопросом о преодолении демократии, к которому мы и переходим.

6. Энгельс о преодолении демократии

Энгельсу пришлось высказаться об этом в связи с вопросом о *научной* неправильности названия «социал-демократ».

В предисловии к изданию своих статей 1870-х годов на разные темы, преимущественно «интернационального» содержания («Internationales aus den Volksstaat»),—предисловии, помеченном 3 января 1894 года, т.-е. написанном за полтора года до смерти Энгельса, он писал, что во всех статьях употребляется слово «коммунист», *а не* «социал-демократ», ибо тогда социал-демократами называли себя прудонисты во Франции, лассалеанцы в Германии.

...«Для Маркса и для меня—продолжает Энгельс—было поэтому чистейшей невозможностью употреблять для обозначения специально нашей точки зрения выражение столь растяжимое. В настоящее время дело обстоит иначе, и это слово» («социал-демократ») «может, пожалуй, сойти (mag passieren), хотя оно и остается неточным (unpassend, неподходящим) для такой партии, экономическая программа которой не является просто социалистической вообще, а прямо коммунистической,—для партии, политическая конечная цель которой есть преодоление всего государства, а следовательно, также и демократии. Названия *действительных* (курсив Энгельса) политических партий, однако, никогда вполне не соответствуют им; партия развивается, название остается».

Диалектик Энгельс на закате дней остается верен диалектике. У нас с Марксом, говорит он, было прекрасное, научно точное, название партии, но не было действительной, т.-е. массовой пролетарской партии. Теперь (конец XIX века) есть действительная партия, но ее название научно неверно. Ничего, «сойдет», лишь бы партия *развивалась,* лишь бы научная неточность ее названия не была от нее скрыта и не мешала ей развиваться в верном направлении!

Пожалуй, иной шутник и нас, большевиков, стал бы утешать по-энгельсовски: у нас есть действительная партия, она развивается отлично; «сойдет» и такое бессмысленное, уродливое слово, как «большевик», не выражающее абсолютно ничего, кроме того чисто случайного обстоятельства, что на Брюссельско-Лондонском съезде 1903 года мы имели большинство... Может быть, теперь, когда июльские и августовские преследования нашей партии республиканцами и «революционной» мещанской демократией сделали слово «большевик» таким всенародно почетным, когда они ознаменовали кроме того столь громадный, исторический шаг вперед, сделанный нашей партией в ее *действительном* развитии, может быть, и я поколебался бы в своем апрельском предложении изменить название нашей партии. Может быть, я предложил бы своим товарищам «компромисс»: назваться коммунистической партией, а в скобках оставить слово большевики...

Но вопрос о названии партии несравненно менее важен, чем вопрос об отношении революционного пролетариата к государству.

В обычных рассуждениях о государстве постоянно делается та ошибка, от которой здесь предостерегает Энгельс и которую мы отмечали мимоходом в предыдущем изложении. Именно: постоянно забывают, что уничтожение государства есть уничтожение также и демократии, что отмирание государства есть отмирание демократии.

На первый взгляд такое утверждение представляется крайне странным и непонятным; пожалуй, даже возникнет у кого-либо опасение, не ожидаем ли мы пришествия такого общественного устройства, когда не будет соблюдаться принцип подчинения меньшинства большинству, ибо ведь демократия, это и есть признание такого принципа?

Нет. Демократия *не* тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству *государство,* т.-е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другою.

Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т.-е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что

он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в *подчинении* одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди *привыкнут* к соблюдению элементарных условий общественности *без насилия* и *без подчинения*.

Чтобы подчеркнуть этот элемент привычки, Энгельс и говорит о новом *поколении*, «выросшем в новых, свободных, общественных условиях, которое окажется в состоянии совершенно выкинуть вон весь этот хлам государственности»,—всякой государственности, в том числе и демократически-республиканской государственности.

Для пояснения этого требуется разбор вопроса об экономических основах отмирания государства.

ГЛАВА V

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТМИРАНИЯ ГОСУДАРСТВА

Самое обстоятельное разъяснение этого вопроса дано Марксом в его «Критике Готской программы» (письмо к Браккэ от 5 мая 1875 года, напечатанное только в 1891 году в «Neue Zeit», IX, 1, и вышедшее по-русски отдельным изданием). Полемическая часть этого замечательного произведения, состоящая в критике лассалеанства, затенила, так сказать, его положительную часть, именно: анализ связи между развитием коммунизма и отмиранием государства.

1. Постановка вопроса Марксом

При поверхностном сравнении письма Маркса к Браккэ от 5 мая 1875 года и рассмотренного выше письма Энгельса к Бебелю от 28 марта 1875 года может показаться, что Маркс гораздо более «государственник», чем Энгельс, и что различие между взглядами обоих писателей на государство очень значительное.

Энгельс предлагает Бебелю вовсе бросить болтовню о государстве, изгнать совершенно слово государство из программы, заменив его словом «община»; Энгельс заявляет даже, что Коммуна не была уже государством в собственном смысле. Между тем Маркс говорит даже о «будущей государственности коммунистического общества»,

т.-е. как будто бы признает необходимость государства даже при коммунизме.

Но подобный взгляд был бы в корне неправилен. Ближайшее рассмотрение показывает, что взгляды Маркса и Энгельса на государство и его отмирание вполне совпадают, а приведенное выражение Маркса относится именно к этой *отмирающей* государственности.

Ясно, что не может быть и речи об определении момента *будущего* «отмирания», тем более, что оно представляет из себя заведомо процесс длительный. Кажущееся различие между Марксом и Энгельсом объясняется различием тем, которые они себе брали, задач, которые они преследовали. Энгельс ставил задачей наглядно, резко, в крупных штрихах показать Бебелю всю нелепость ходячих (и разделявшихся Лассалем в немалой степени) предрассудков насчет государства. Маркс только мимоходом касается *этого* вопроса, интересуясь другой темой: *развитием* коммунистического общества.

Вся теория Маркса есть применение теории развития—в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме—к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма.

На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется.

Маркс прежде всего отметает прочь ту путаницу, которая Готской программой вносится в вопрос о соотношении государства и общества.

...«Современное общество—пишет он—есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, «современное государство» меняется с каждой государственной границей. В прусско-

германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах. «Современное государство» есть, следовательно, фикция.

«Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

«Вопрос ставится затем так: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения»...

Высмеяв таким образом все разговоры о «народном государстве», Маркс дает постановку вопроса и как бы предостерегает, что для научного ответа на него можно оперировать только твердо установленными научными данными.

Первое, что̀ установлено вполне точно всей теорией развития, всей наукой вообще,—и что̀ забывали утописты, что̀ забывают нынешние оппортунисты, боящиеся социалистической революции,—это то обстоятельство, что исторически несомненно должна быть особая стадия или особый этап *перехода* от капитализма к коммунизму.

2. Переход от капитализма к коммунизму

...«Между капиталистическим и коммунистическим обществом—продолжает Маркс—лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»...

Этот вывод покоится у Маркса на анализе той роли, которую играет пролетариат в современном капиталистическом обществе, на данных о развитии этого общества и о непримиримости противоположных интересов пролетариата и буржуазии.

Раньше вопрос ставился так: чтобы добиться своего освобождения, пролетариат должен свергнуть буржуазию, завоевать политическую власть, установить свою революционную диктатуру.

Теперь вопрос ставится несколько иначе: переход от капиталистического общества, развивающегося к коммунизму, в коммунистическое общество невозможен без «политического переходного периода», и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата.

Каково же отношение этой диктатуры к демократии?

Мы видели, что «Коммунистический Манифест» ставит просто рядом два понятия: «превращение пролетариата в господствующий класс» и «завоевание демократии». На основании всего изложенного выше можно точнее определить, как изменяется демократия в переходе от капитализма к коммунизму.

В капиталистическом обществе, при условии наиболее благоприятного развития его, мы имеем более или менее полный демократизм в демократической республике. Но этот демократизм всегда сжат тесными рамками капиталистической эксплуатации и всегда остается поэтому, в сущности, демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых. Свобода капиталистического общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев. Современные наемные рабы, в силу условий капиталистической эксплуатации, остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики», что при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено.

Правильность этого утверждения всего нагляднее, может быть, подтверждается Германией именно потому, что в этом государстве конституционная легальность продержалась удивительно долго и устойчиво почти полвека (1871—1914), а социал-демократия за это время гораздо больше, чем в других странах, сумела сделать для «использования легальности» и для организации такой высокой доли рабочих в политическую партию, как нигде в свете.

Какова же эта наиболее высокая из наблюдавшихся в капиталистическом обществе доля политически сознательных и деятельных наемных рабов? Один миллион членов партии социал-демократов—из 15 миллионов наемных рабочих! Три миллиона профессионально организованных—из 15 миллионов!

Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых, вот каков демократизм капиталистического общества. Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду, и в «мелких», якобы мелких, подробностях избирательного права (ценз оседлости, исключение женщин и т. д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических препонах праву собраний (общественные здания не для «нищих»!), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее, и так далее, мы увидим ограничения да ограничения демократизма. Эти ограничения, изъятия, исключения, препоны для бедных кажутся мелкими, особенно на глаз того, кто сам никогда нужды не видал и с угнетенными классами в их массовой жизни близок не был (а таково девять десятых, если не девяносто девять сотых буржуазных публицистов и политиков),— но в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии.

Маркс великолепно схватил эту *суть* капиталистической демократии, сказав в своем анализе опыта Коммуны: угнетенным раз в несколько лет позволяют решать, какой именно из представителей угнетающего класса будет в парламенте представлять и подавлять их!

Но от этой капиталистической демократии,—неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а поэтому насквозь лицемерной и лживой,—развитие вперед не идет просто, прямо и гладко, «ко все большей и большей демократии», как представляют дело либеральные профессора и мелко-буржуазные оппортунисты. Нет. Развитие вперед, т.-е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя.

А диктатура пролетариата, т.-е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто—только расширения демократии. *Вместе* с громадным расширением демократизма, *впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны подавить, чтобы освободить человечество от наемного рабства, их сопротивление надо

сломить силой,—ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии.

Энгельс прекрасно выразил это в письме к Бебелю, сказав, как вспомнит читатель, что «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, не будет государства».

Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т.-е. исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей народа,—вот каково видоизменение демократии при *переходе* от капитализма к коммунизму.

Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т.-е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства), *только* тогда «исчезает государство и *можно говорить о свободе*». Только тогда возможна и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких изъятий. И только тогда демократия начнет *отмирать* в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством.

Выражение «государство *отмирает*» выбрано очень удачно, ибо оно указывает и на постепенность процесса и на стихийность его. Только привычка может оказать и несомненно окажет такое действие, ибо мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплуатации, если нет ничего такого, что возмущает, вызывает протест и восстание, создает необходимость *подавления*.

Итак: в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров.

Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собой.

Другими словами: при капитализме мы имеем государство в собственном смысле слова, особую машину для подавления одного класса другим и притом большинства меньшинством. Понятно, что для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и идет свой путь в состоянии рабства. крепостничества, наемничества.

Далее, при *переходе* от капитализма к коммунизму подавление *еще* необходимо, но уже подавление меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» *еще* необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов—дело настолько сравнительно легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти-что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (вроде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов—заметим, забегая вперед).

Наконец, только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо *некого* подавлять,—«некого» в смысле *класса,* в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов *отдельных лиц,* а равно необходимости подавлять *такие* эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не

допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «*отмирать*». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием *отомрет* и государство.

Маркс, не пускаясь в утопии, определил подробнее то, что можно *теперь* определить относительно этого будущего, именно: различие низшей и высшей фазы (ступени, этапа) коммунистического общества.

3. Первая фаза коммунистического общества

В «Критике Готской программы» Маркс опровергает подробно лассалевскую идею о получении рабочим при социализме «неурезанного» или «полного продукта труда». Маркс показывает, что из всего общественного труда всего общества необходимо вычесть и резервный фонд, и фонд на расширение производства, и возмещение «сношенных» машин и т. п., а затем из предметов потребления фонд на издержки управления, на школы, больницы, приюты престарелых и т. п.

Вместо туманной, неясной, общей фразы Лассаля («полный продукт труда—рабочему») Маркс дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать. Маркс подходит к *конкретному* анализу условий жизни такого общества, в котором не будет капитализма, и говорит при этом:

> «Мы имеем здесь дело» (при разборе программы рабочей партии) «не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло».

Вот это коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма, которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества, Маркс и называет «первой» или низшей фазой коммунистического общества.

Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя

известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал.

Царствует как будто бы «равенство».

Но когда Лассаль говорит, имея в виду такие общественные порядки (обычно называемые социализмом, а у Маркса носящие название первой фазы коммунизма), что это «справедливое распределение», что это «равное право каждого на равный продукт труда», то Лассаль ошибается, и Маркс разъясняет его ошибку.

««Равное право»—говорит Маркс—мы здесь действительно имеем, но это *еще* «буржуазное право», которое, как и всякое право, *предполагает неравенство*. Всякое право есть применение *одинакового* масштаба к *различным* людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому «равное право» есть нарушение равенства и несправедливость». В самом деле, каждый получает, отработав равную с другим долю общественного труда,—равную долю общественного производства (за указанными вычетами).

А между тем отдельные люди не равны, один сильнее, другой слабее; один женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и т. д.

...«При равном труде»,—заключает Маркс,—«следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде, один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и т. д. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того, чтобы быть равным, должно бы быть неравным»...

Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся, и различия несправедливые, но невозможна будет *эксплуатация* человека человеком, ибо нельзя захватить *средства производства*, фабрики, машины, землю и проч. в частную собственность. Разбивая мелко-буржуазно-неясную фразу Лассаля о «равенстве» и «справедливости» *вообще*, Маркс показывает *ход развития* коммунистического общества, которое *вынуждено* сначала уничтожить *только* ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами и которое

не в состоянии сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям).

Вульгарные экономисты, в том числе буржуазные профессора, в том числе «наш» Туган, постоянно упрекают социалистов, будто они забывают о неравенстве людей и «мечтают» уничтожить это неравенство. Такой упрек, как видим, доказывает только крайнее невежество г.г. буржуазных идеологов.

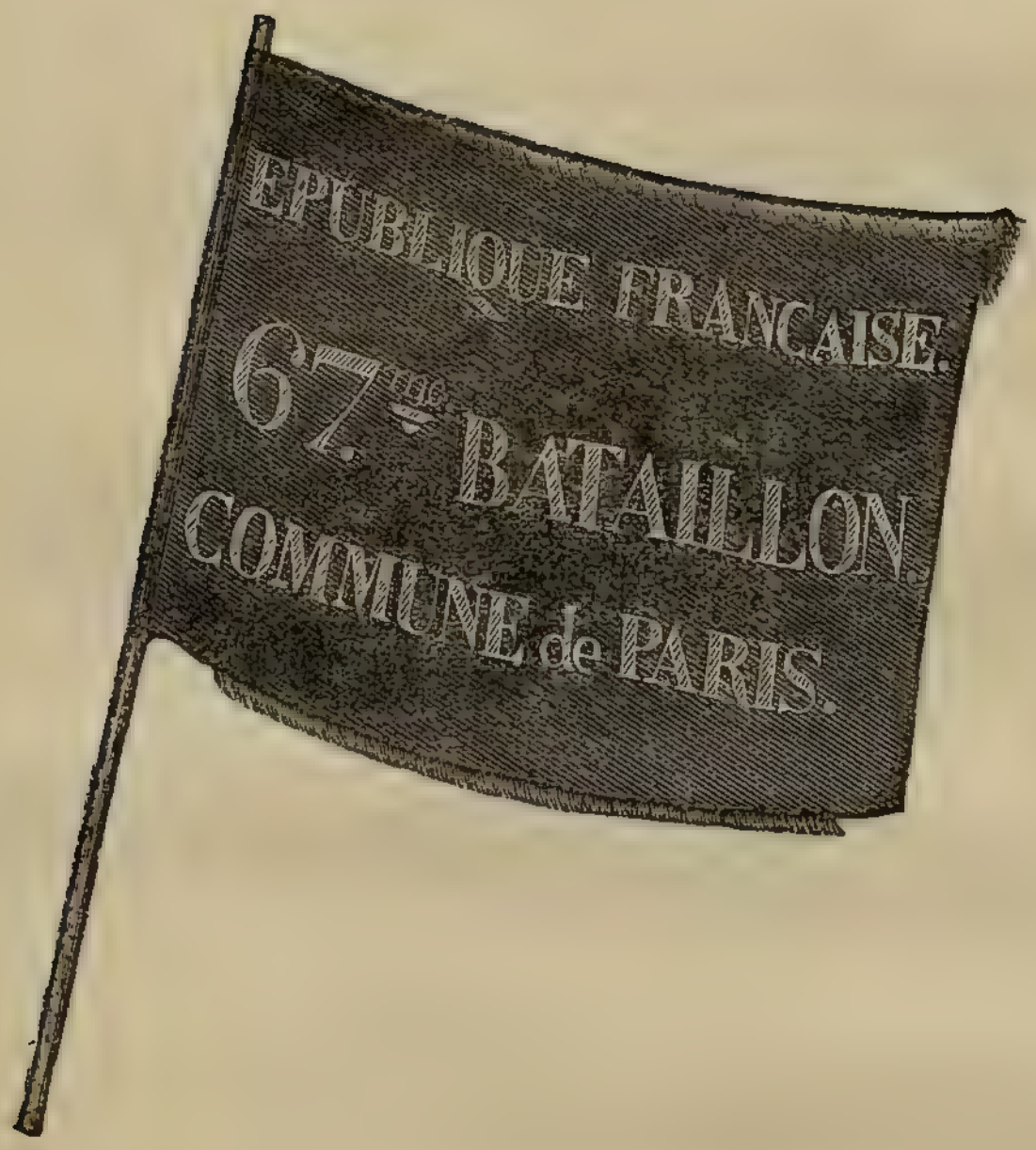
Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность всего общества («социализм» в обычном словоупотреблении) *не устраняет* недостатков распределения и неравенства «буржуазного права», которое *продолжает господствовать*, поскольку продукты делятся «по работе».

...«Но эти недостатки—продолжает Маркс—неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»...

Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется *не* вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т.-е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их *общей* собственностью. *Постольку*—и лишь постольку—«буржуазное право» отпадает.

Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. «Кто не работает, тот не должен есть», этот социалистический принцип *уже* осуществлен; «за равное количество труда равное количество продукта»—и этот социалистический принцип *уже* осуществлен. Однако, это еще не коммунизм, и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта.

Это—«недостаток», говорит Маркс, но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются



Знамя 67-го батальона парижских коммунаров

работать на общество *без всяких норм права,* да и экономических предпосылок *такой* перемены отмена капитализма *не дает сразу.*

А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта.

Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, *подавлять* поэтому какой бы то ни было *класс* нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм.

4. Высшая фаза коммунистического общества

Маркс продолжает:

...«На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям»».

Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов: «свобода» и «государство». Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства.

Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного *общественного* неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя.

Эта экспроприация даст *возможность* гигантского развития производительных сил. И, видя, как теперь уже

капитализм невероятно *задерживает* это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой, техники, мы в праве с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», этого мы не знаем и знать *не можем*.

Поэтому мы и в праве говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития *высшей фазы* коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов *нет*.

Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т.-е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям*. «Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока [1], не переработать бы лишних получаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой,—этот узкий горизонт будет тогда перейден. Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности».

С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделывается и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма.

---

[1] *Шейлок*—тип кровожадного ростовщика в драме Шекспира «Венецианский купец». *Ред.*

Невежество,—ибо «обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а *предвидение* великих социалистов, что она наступит, предполагает и не-теперешнюю производительность труда и *не-теперешнего* обывателя, способного «зря»,—в роде как бурсаки у Помяловского,—портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества *и со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен *начаться* с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*.

Корыстная защита капитализма буржуазными идеологами (и их прихвостнями в роде гг. Церетели, Черновых и К⁰) состоит именно в том, что спорами и разговорами о далеком будущем они *подменяют* насущный и злободневный вопрос *сегодняшней* политики: экспроприацию капиталистов, превращение *всех* граждан в работников и служащих *одного* крупного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, *государству Советов Рабочих и Солдатских Депутатов*.

В сущности, когда ученый профессор, а за ним обыватель, а за ним господа Церетели и Черновы говорят о безрассудных утопиях, о демагогических обещаниях большевиков, о невозможности «введения» социализма, они имеют в виду именно высшую стадию или фазу коммунизма, «вводить» которой никто не только не обещал, но и не помышлял, ибо «ввести» ее вообще нельзя.

И здесь мы подошли к тому вопросу о научном различии между социализмом и коммунизмом, которого коснулся Энгельс в приведенном выше рассуждении его о неправильности названия «социал-демократы». Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно, но теперь, при капитализме, признавать его было бы смешно и выдвигать его на первый план могли бы разве лишь отдельные анархисты (если еще остались среди анархистов люди, ничему не научившиеся после «плехановского» превращения Кропоткиных, Грава, Корнелиссена и прочих «звезд» анархизма в социал-шовинистов или в анархо-траншейни-

ков, как выразился один из немногих сохранивших честь и совесть анархистов, Гэ).

Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что̀ обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм, как нечто развивающееся *из* капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что̀ можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма.

В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм *не* может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта *буржуазного* права»—при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство,* ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права.

Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство—без буржуазии!

Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом же деле, остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу, и в природе и в обществе. И Маркс не произвольно всунул кусочек «буржуазного» права в коммунизм, а взял то, что̀ экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем *из недр* капитализма.

Демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение. Но демократия вовсе не есть предел, его же не прейдеши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства,—если правильно понимать его в смысле уничтожения *классов*. Но демократия означает только *формальное* равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т.-е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т.-е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз на всегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на известной ступени развития демократии она, во-первых, сплачивает революционный против капитализма класс—пролетариат, и дает ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их *более* демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции.

Здесь «количество переходит в качество»: *такая* степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает *предпосылки*

для того, чтобы действительно «все» *могли* участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банкового дела и т. д. и т. п.

При таких *экономических* предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их в деле *контроля* за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим.)

Учет и контроль—вот *главное,* что требуется для налаживания, для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок*.

Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентиками, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно

---

* Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету и контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть «политическим государством», тогда «общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» (ср. выше, гл. IV, § 2, о полемике Энгельса с анархистами).

универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться».

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только *ступенькой*, необходимой для радикальной чистки общества от гнусностей и мерзостей капиталистической эксплуатации и *для дальнейшего* движения вперед.

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, «наладили» контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом,—с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство.

Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма»,—тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие—люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства.

ГЛАВА VI

ОПОШЛЕНИЕ МАРКСИЗМА ОППОРТУНИСТАМИ

Вопрос об отношении государства к социальной революции и социальной революции к государству занимал виднейших теоретиков и публицистов II-го Интернационала (1889—1914) очень мало, как и вообще вопрос о революции. Но самое характерное в том процессе постепенного роста оппортунизма, который привел к краху II-го Интернационала в 1914-ом году,—это то, что, даже когда вплотную подходили к этому вопросу, его *старались обойти,* или его не замечали.

В общем и целом можно сказать, что из *уклончивости* по вопросу об отношении пролетарской революции к государству, уклончивости, выгодной для оппортунизма и питавшей его, проистекло *извращение* марксизма и полное опошление его.

Чтобы охарактеризовать, хоть вкратце, этот печальный процесс, возьмем виднейших теоретиков марксизма, Плеханова и Каутского.

1. Полемика Плеханова с анархистами

Плеханов посвятил вопросу об отношении анархизма к социализму особую брошюру: «Анархизм и социализм», которая вышла по-немецки в 1894 году.

Плеханов ухитрился трактовать эту тему, совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революции к государству и вопрос о государстве вообще! В его брошюре выделяются две части: одна—историко-литературная, с ценным материалом по истории идей Штирнера, Прудона и пр. Другая часть: филистерская, с аляповатым рассуждением на тему о том, что анархиста не отличишь от бандита.

Сочетание тем презабавное и прехарактерное для всей деятельности Плеханова во время кануна революции и в течение революционного периода в России: Плеханов так и показал себя в 1905—1917 годах полудоктринером, полуфилистером, в политике шедшим в хвосте у буржуазии.

Мы видели, как Маркс и Энгельс, полемизируя с анархистами, выясняли всего тщательнее свои взгляды на отношение революции к государству. Энгельс, издавая

в 1891 году «Критику Готской программы» Маркса, писал, что «мы (т.-е. Энгельс и Маркс) находились тогда в самом разгаре борьбы с Бакуниным и его анархистами— после Гаагского конгресса (Первого) Интернационала едва прошло два года».

Анархисты пытались именно Парижскую Коммуну объявить, так сказать, «своей», подтверждающей их учение, при чем они совершенно не поняли уроков Коммуны и анализа этих уроков Марксом. Ничего даже приблизительно подходящего к истине по конкретно-политическим вопросам: надо ли *разбить* старую государственную машину? и *чем* заменить ее? анархизм не дал.

Но говорить об «анархизме и социализме», обходя весь вопрос о государстве, *не замечая* всего развития марксизма до и после Коммуны, это значило неминуемо скатываться к оппортунизму. Ибо оппортунизму как раз больше всего и требуется, чтобы два указанные нами сейчас вопроса *не* ставились вовсе. Это *уже* есть победа оппортунизма.

2. Полемика Каутского с оппортунистами

В русской литературе переведено, несомненно, неизмеримо большее количество произведений Каутского, чем в какой бы то ни было другой. Не даром шутят иные немецкие социал-демократы, что Каутского больше читают в России, чем в Германии (в скобках сказать, в этой шутке есть гораздо более глубокое историческое содержание, чем подозревают те, кто пустил ее в ход, именно: русские рабочие, предъявив в 1905 году необыкновенно сильный, невиданный спрос на лучшие произведения лучшей в мире социал-демократической литературы и получив неслыханное в иных странах количество переводов и изданий этих произведений, тем самым перенесли, так сказать, на молодую почву нашего пролетарского движения ускоренным образом громадный опыт соседней, более передовой страны).

Особенно известен у нас Каутский, кроме своего популярного изложения марксизма, своей полемикой с оппортунистами и с Бернштейном во главе их. Но почти неизвестен факт, которого нельзя обойти, если ставить себе задачей проследить, как скатился Каутский к невероятно-позорной растерянности и защите социал-шовинизма во время величайшего кризиса 1914—1915 годов. Это именно

тот факт, что перед своим выступлением против виднейших представителей оппортунизма во Франции (Мильеран и Жорес) и в Германии (Бернштейн) Каутский проявил очень большие колебания. Марксистская «Заря», выходившая в 1901—1902 г.г. в Штутгарте и отстаивавшая революционно-пролетарские взгляды, вынуждена была *полемизировать* с Каутским, называть «каучуковой» его половинчатую, уклончивую, примирительную по отношению к оппортунистам резолюцию на Парижском международном социалистическом конгрессе 1900 года[1]. В немецкой литературе были напечатаны письма Каутского, обнаружившие не меньшие колебания его перед выступлением в поход против Бернштейна.

Неизмеримо большее значение имеет, однако, то обстоятельство, что в самой его полемике с оппортунистами, в его постановке вопроса и способе трактования вопроса мы замечаем теперь, когда изучаем *историю* новейшей измены марксизму со стороны Каутского, систематический уклон к оппортунизму именно по вопросу о государстве.

Возьмем первое крупное произведение Каутского против оппортунизма, его книгу «Бернштейн и социал-демократическая программа». Каутский подробно опровергает Бернштейна. Но вот что характерно. Бернштейн в своих герострατовски-знаменитых «Предпосылках социализма» обвиняет марксизм в «*бланкизме*» (обвинение, с тех пор тысячи раз повторенное оппортунистами и либеральными буржуа в России против представителей революционного марксизма, большевиков). При этом Бернштейн останавливается специально на марксовой «Гражданской войне во Франции» и пытается—как мы видели, весьма неудачно—отождествить точку зрения Маркса на уроки Коммуны с точкой зрения Прудона. Особенное внимание Бернштейна вызывает то заключение Маркса, которое этот последний подчеркнул в предисловии 1872 года к «Коммунистическому Манифесту» и которое гласит: «рабочий класс не может просто взять в руки готовой государственной машины и пустить ее в ход для своих собственных целей».

Бернштейну так «понравилось» это изречение, что он не менее трех раз в своей книге повторяет его, толкуя его в самом извращенном, оппортунистическом смысле.

---

[1] Каутский провел на конгрессе резолюцию, допускавшую, хотя и с оговорками, вступление социалистов в буржуазное правительство. *Ред.*

Маркс, как мы видели, хочет сказать, что рабочий класс должен *разбить, сломать, взорвать* (Sprengung, взрыв,— выражение, употребленное Энгельсом) всю государственную машину. А у Бернштейна выходит, будто Маркс предостерегал этими словами рабочий класс *против* чрезмерной революционности при захвате власти.

Более грубого и безобразного извращения мысли Маркса нельзя себе и представить.

Как же поступил Каутский в своем подробнейшем опровержении бернштейниады?

Он уклонился от разбора всей глубины извращения марксизма оппортунизмом в этом пункте. Он привел цитированный выше отрывок из предисловия Энгельса к «Гражданской войне» Маркса, сказав, что, по Марксу, рабочий класс не может *просто* овладеть *готовой* государственной машиной, но вообще *может* овладеть ей, и только. О том, что Бернштейн приписал Марксу *прямо обратное* действительной мысли Маркса, что Маркс с 1852 года выдвигал задачу пролетарской революции «разбить» государственную машину, об этом у Каутского ни слова.

Вышло так, что самое существенное отличие марксизма от оппортунизма по вопросу о задачах пролетарской революции оказалось у Каутского смазанным!

«Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры—писал Каутский *«против»* Бернштейна—мы вполне спокойно можем предоставить будущему» (стр. 172 нем. издания).

Это не полемика *против* Бернштейна, а, в сущности, *уступка* ему, сдача позиций оппортунизму, ибо оппортунистам пока ничего большего и не надо, как «вполне спокойно предоставить будущему» все коренные вопросы о задачах пролетарской революции.

Маркс и Энгельс с 1852 года по 1891 год, в течение сорока лет, учили пролетариат тому, что он должен разбить государственную машину. А Каутский в 1899 году, пред лицом полной измены оппортунистов марксизму в этом пункте, проделывает *подмен* вопроса о том, необходимо ли эту машину разбить, вопросом о конкретных формах разбивания, и спасается под сень «бесспорной» (и бесплодной) филистерской истины, что конкретных форм наперед знать мы не можем!!

Между Марксом и Каутским—пропасть в их отношении к задаче пролетарской партии готовить рабочий класс к революции.

Возьмем следующее, более зрелое, произведение Каутского, посвященное тоже в значительной степени опровержению ошибок оппортунизма. Это—его брошюра о «Социальной революции». Автор взял здесь своей специальной темой вопрос о «пролетарской революции» и о «пролетарском режиме». Автор дал очень много чрезвычайно ценного, но как раз вопрос о государстве *обошел*. В брошюре говорится везде о завоевании государственной власти, и только, т.-е. выбрана такая формулировка, которая делает уступку оппортунистам, поскольку *допускает* завоевание власти *без* разрушения государственной машины. Как раз то, что̀ Маркс в 1872 году объявил «устарелым» в программе «Коммунистического Манифеста», *возрождается* Каутским в 1902-м году.

В брошюре посвящен специальный параграф «формам и оружию социальной революции». Здесь говорится и о массовой политической стачке, и о гражданской войне, и о таких «орудиях силы современного крупного государства, как бюрократия и армия», но о том, чему уже научила рабочих Коммуна, ни звука. Очевидно, Энгельс не даром предостерегал, особенно немецких социалистов, против «суеверного почтения» к государству.

Каутский излагает дело так: победивший пролетариат «осуществит демократическую программу» и излагает параграфы ее. О том, что̀ нового дал 1871-ый год по вопросу о замене пролетарскою демократией демократии буржуазной, ни звука. Каутский отделывается такими «солидно» звучащими банальностями:

> «Очевидно само собой, что мы не достигнем господства при теперешних порядках. Революция сама предполагает продолжительную и глубокозахватывающую борьбу, которая успеет уже изменить нашу теперешнюю политическую и социальную структуру».

Несомненно, что это «очевидно само собой», как и та истина, что лошади кушают овес и что Волга течет в Каспийское море. Жаль только, что посредством пустой и надутой фразы о «глубоко захватывающей» борьбе *обходится* насущный для революционного пролетариата вопрос о том, *в чем же* выражается «глубина» *его* революции по отношению к государству, по отношению к демократии, в отличие от прежних, непролетарских революций.

Обходя этот вопрос, Каутский *на деле* по этому существеннейшему пункту делает уступку оппортунизму, объявляя грозную *на словах* войну ему, подчеркивая значение

«идеи революции» (многого ли стоит эта «идея», если бояться пропагандировать рабочим конкретные уроки революции?), или говоря: «революционный идеализм прежде всего», или объявляя, что английские рабочие представляют из себя теперь «едва ли многим большее, чем мелких буржуа».

«В социалистическом обществе—пишет Каутский—могут существовать рядом друг с другом... самые различные формы предприятий: бюрократическое (??), тред-юнионистское, кооперативное, единоличное»... «Существуют, например, предприятия, которые не могут обойтись без бюрократической (??) организации,—таковы железные дороги. Тут демократическая организация может получить такой вид: рабочие выбирают делегатов, которые образуют нечто в роде парламента, и этот парламент устанавливает распорядок работ и наблюдает за управлением бюрократического аппарата. Другие предприятия можно передать в ведение рабочих союзов, третьи можно организовать на кооперативных началах» (стр. 148 и 115 русского перевода, женевское издание 1903 года).

Это рассуждение ошибочно, представляя из себя шаг назад по сравнению с тем, что̀ разъясняли в 70-х годах Маркс и Энгельс на примере уроков Коммуны.

Железные дороги решительно ничем не отличаются, с точки зрения необходимой будто бы «бюрократической» организации, от всех вообще предприятий крупной машинной индустрии, от любой фабрики, большого магазина, крупно-капиталистического сельско-хозяйственного предприятия. Во всех таких предприятиях техника предписывает безусловно строжайшую дисциплину, величайшую аккуратность при соблюдении каждым указанной ему доли работы, под угрозой остановки всего дела или порчи механизма, порчи продукта. Во всех таких предприятиях рабочие будут, конечно, «выбирать делегатов, которые образуют *нечто в роде парламента*».

Но в том-то вся и соль, что это «нечто в роде парламента» *не* будет парламентом в смысле буржуазно-парламентарных учреждений. В том-то вся и соль, что это «нечто в роде парламента» *не* будет только «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением бюрократического аппарата», как воображает Каутский, мысль которого не выходит за рамки буржуазного парламентаризма. В социалистическом обществе «нечто в роде парламента» из рабочих депутатов будет, конечно, «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением» «аппарата», *но* аппарат-то этот *не* будет «бюрократическим». Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрокра-

тический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, *против* превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора, чтобы *все* на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому *никто* не мог стать «бюрократом».

Каутский совершенно не продумал слов Маркса: «Коммуна была не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время издающей законы и исполняющей их».

Каутский совершенно не понял разницы между буржуазным парламентаризмом, соединяющим демократию *(не для народа)* с бюрократизмом *(против народа)*,—и пролетарским демократизмом, который сразу примет меры, чтобы в корне подрезать бюрократизм, и который в состоянии будет довести эти меры до конца, до полного уничтожения бюрократизма, до полного введения демократии для народа.

Каутский обнаружил здесь все то же «суеверное почтение» к государству, «суеверную веру» в бюрократизм.

Перейдем к последнему и лучшему произведению Каутского против оппортунистов, к его брошюре «Путь к власти» (кажется, не изданной по-русски, ибо она вышла в разгар реакции у нас, в 1909 году). Эта брошюра есть большой шаг вперед, поскольку в ней говорится не о революционной программе вообще, как в брошюре 1899 года против Бернштейна, не о задачах социальной революции безотносительно к времени ее наступления, как в брошюре «Социальная революция» 1902 года, а о конкретных условиях, заставляющих нас признать, что «эра революций» *наступает*.

Автор определенно указывает на обострение классовых противоречий вообще и на империализм, играющий особенно большое значение в этом отношении. После «революционного периода 1789—1871 г.г.» для Западной Европы начинается с 1905 года аналогичный период для Востока. Всемирная война надвигается с угрожающей быстротой. «Пролетариат не может уже больше говорить о преждевременной революции». «Мы вступили в революционный период». «Революционная эра начинается».

Эти заявления совершенно ясны. Эта брошюра Каутского должна служить мерилом для сравнения того, чем *обещала быть* германская социал-демократия перед империалистской войной и как низко она пала (в том числе и сам Каутский) при взрыве войны. «Теперешняя ситуация—писал Каутский в рассматриваемой брошюре—ведет за собой ту опасность, что нас (т.-е. германскую социал-демократию) легко принять за более умеренных, чем мы есть на деле». Оказалось, что на деле германская социал-демократическая партия несравненно более умеренна и оппортунистична, чем она казалась!

Тем характернее, что при такой определенности заявлений Каутского насчет начавшейся уже эры революций, он и в брошюре, посвященной, по его собственным словам, разбору вопроса именно о «*политической* революции», опять-таки совершенно обошел вопрос о государстве.

Из суммы этих обходов вопроса, умолчаний, уклончивостей и получился неизбежно тот полный переход к оппортунизму, о котором нам сейчас придется говорить.

Германская социал-демократия, в лице Каутского, как бы заявляла: я остаюсь при революционных воззрениях (1899 г.). Я признаю в особенности неизбежность социальной революции пролетариата (1902 г.). Я признаю наступление новой эры революций (1909 г.). Но я все же-таки иду назад против того, что говорил Маркс уже в 1852 году, раз вопрос ставится о задачах пролетарской революции по отношению к государству (1912 г.).

Именно так был поставлен вопрос в упор в полемике Каутского с Паннекуком.

3. Полемика Каутского с Паннекуком

Паннекук выступил против Каутского, как один из представителей того «леворадикального» течения, которое числило в своих рядах Розу Люксембург, Карла Радека и других и которое, отстаивая революционную тактику, объединялось убеждением, что Каутский переходит на позицию «центра», беспринципно колеблющегося между марксизмом и оппортунизмом. Правильность этого взгляда вполне доказала война, когда течение «центра» (неправильно называемого марксистским) или «каутскианства» вполне показало себя во всем своем отвратительном убожестве.

В затронувшей вопрос о государстве статье: «Массовые

действия и революция» («Neue Zeit», 1912, XXX, 2) Паннекук охарактеризовал позицию Каутского, как позицию «пассивного радикализма», «теорию бездеятельного ожидания». «Каутский не хочет видеть процесса революции» (стр. 616). Ставя вопрос таким образом, Паннекук подошел к интересующей нас теме о задачах пролетарской революции по отношению к государству.

«Борьба пролетариата—писал он—есть не просто борьба против буржуазии *из-за* государственной власти, а борьба *против* государственной власти... Содержание пролетарской революции есть уничтожение орудий силы государства и вытеснение их (буквально: распущение, Auflösung) орудиями силы пролетариата... Борьба прекращается лишь тогда, когда, как конечный результат ее, наступает полное разрушение государственной организации. Организация большинства доказывает свое превосходство тем, что уничтожает организацию господствующего меньшинства» (стр. 548).

Формулировка, в которую облек свои мысли Паннекук, страдает очень большими недостатками. Но мысль все же ясна, и интересно, *как* опровергал ее Каутский.

«До сих пор—писал он—противоположность между социал-демократами и анархистами состояла в том, что первые хотели завоевать государственную власть, вторые—ее разрушить. Паннекук хочет и того и другого» (стр. 724).

Если у Паннекука изложение страдает неотчетливостью и недостатком конкретности (не говоря здесь о других недостатках его статьи, не относящихся к разбираемой теме), то Каутский взял именно намеченную Паннекуком *принципиальную* суть дела, и *по коренному принципиальному* вопросу Каутский целиком покинул позицию марксизма, перешел вполне к оппортунизму. Различие между социал-демократами и анархистами определено у него совершенно неверно, марксизм искажен и опошлен окончательно.

Различие между марксистами и анархистами состоит в том, что 1) первые, ставя своей целью полное уничтожение государства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией, как результат установления социализма, ведущего к отмиранию государства; вторые хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения. 2) Первые признают необходимым, чтобы пролетариат, завоевав политическую власть, разрушил полностью старую государственную машину, заменив ее новой, состоящей из организации воору-

женных рабочих, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушение государственной машины, представляют себе совершенно неясно, *чем* ее пролетариат заменит и *как* он будет пользоваться революционной властью; анархисты даже отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру. 3) Первые требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают.

Против Каутского марксизм представлен именно Паннекуком, в данном споре, ибо как раз Маркс учил тому, что пролетариат не может просто завоевать государственную власть в смысле перехода в новые руки старого государственного аппарата, а должен разбить, сломать этот аппарат, заменить его новым.

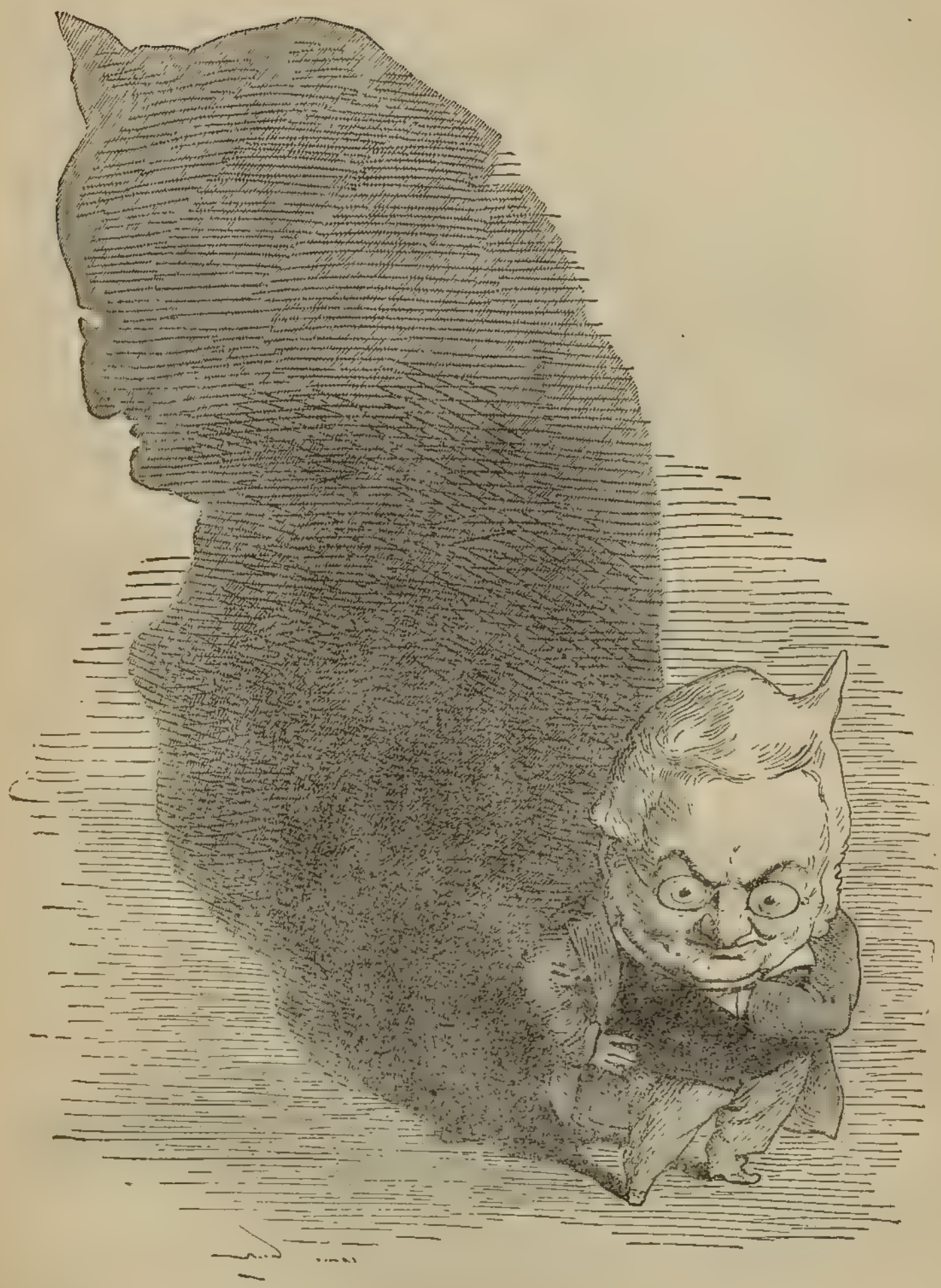
Каутский уходит от марксизма к оппортунистам, ибо у него совершенно исчезает именно это разрушение государственной машины, совершенно неприемлемое для оппортунистов, и остается лазейка для них в смысле истолкования «завоевания» как простого приобретения большинства.

Чтобы прикрыть свое извращение марксизма, Каутский поступает, как начетчик: он двигает «цитату» из самого Маркса. В 1850 году Маркс писал о необходимости «решительной централизации силы в руках государственной власти». И Каутский спрашивает с торжеством: не хочет ли Паннекук разрушить «централизм»?

Это уже просто фокус, похожий на бернштейновское отождествление марксизма и прудонизма во взглядах на федерацию вместо централизма.

«Цитата» взята Каутским ни к селу, ни к городу. Централизм возможен и со старой и с новой государственной машиной. Если рабочие добровольно объединят свои вооруженные силы, это будет централизм, но он будет покоиться на «полном разрушении» государственного централистического аппарата, постоянной армии, полиции, бюрократии. Каутский поступает совершенно мошеннически, обходя прекрасно известные рассуждения Маркса и Энгельса о Коммуне и вытаскивая цитату, не относящуюся к вопросу.

...«Может быть, Паннекук хочет уничтожить государственные функции чиновников?»—продолжает Каутский.—«Но мы не обходимся без чиновников и в партийной и в профессиональной организации, не говоря уже о государственном управлении. Наша программа



Тень Тьера
(карикатура)

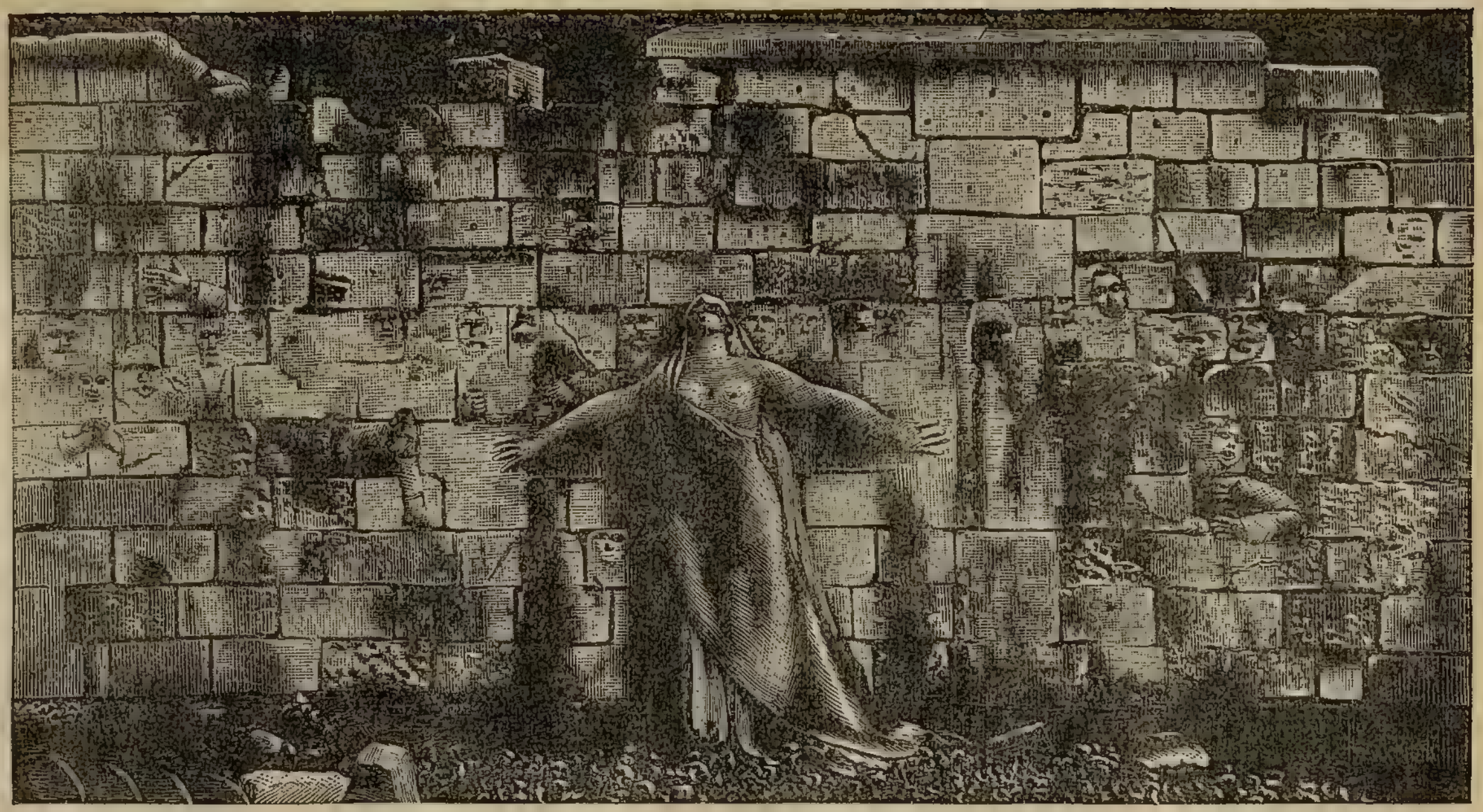
требует не уничтожения государственных чиновников, а выбора чиновников народом... Речь идет у нас теперь не о том, какой вид примет аппарат управления в «будущем государстве», а о том, уничтожает ли (буквально: распускает, auflöst) наша политическая борьба государственную власть, *прежде чем мы ее завоевали* (курсив Каутского). Какое министерство с его чиновниками могло бы быть уничтожено?» Перечисляются министерства просвещения, юстиции, финансов, военное. «Нет, ни одно из теперешних министерств не будет устранено нашей политической борьбой против правительства... Я повторяю, чтобы избежать недоразумений: речь идет не о том, какую форму придаст «государству будущего» победоносная социал-демократия, а о том, как изменяет теперешнее государство наша оппозиция» (стр. 725).

Это явная передержка. Паннекук ставил вопрос именно о *революции*. Это и в заглавии его статьи и в цитированных местах сказано ясно. Перескакивая на вопрос об «оппозиции», Каутский как раз и подменяет революционную точку зрения оппортунистической. У него выходит так: теперь оппозиция, а *после* завоевания власти поговорим особо. *Революция исчезает*... Это как раз то, что и требовалось оппортунистами.

Речь идет не об оппозиции и не о политической борьбе вообще, а именно о *революции*. Революция состоит в том, что пролетариат *разрушает* «аппарат управления» и *весь* государственный аппарат, заменяя его новым, состоящим из вооруженных рабочих. Каутский обнаруживает «суеверное почтение» к «министерствам», но почему они не могут быть заменены, скажем, комиссиями специалистов при полновластных и всевластных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов?

Суть дела совсем не в том, останутся ли «министерства», будут ли «комиссии специалистов» или иные какие учреждения, это совершенно не важно. Суть дела в том, сохраняется ли старая государственная машина (связанная тысячами нитей с буржуазией и насквозь пропитанная рутиной и косностью), или она *разрушается* и заменяется *новой*. Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи *старой* государственной машины, а в том, чтобы он *разбил* эту машину и командовал, управлял при помощи *новой* машины,—эту *основную* мысль марксизма Каутский смазывает, или он совсем не понял ее.

Его вопрос насчет чиновников показывает наглядно, что он не понял уроков Коммуны и учения Маркса. «Мы не обходимся без чиновников и в партийной и в профессиональной организации»...



Стена коммунаров. Памятник героям Коммуны на кладбище Пер-Лашез в Париже

Мы не обходимся без чиновников *при капитализме*, при *господстве буржуазии*. Пролетариат угнетен, трудящиеся массы порабощены капитализмом. При капитализме демократизм сужен, сжат, урезан, изуродован всей обстановкой наемного рабства, нужды и нищеты масс. Поэтому, и только поэтому, в наших политических и профессиональных организациях должностные лица развращаются (или имеют тенденцию быть развращаемыми, говоря точнее) обстановкой капитализма и проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т.-е. в оторванных от масс, в стоящих *над* массами, привилегированных лиц.

В этом *суть* бюрократизма, и пока не экспроприированы капиталисты, пока не свергнута буржуазия, до тех пор неизбежна известная «бюрократизация» *даже* пролетарских должностных лиц.

У Каутского выходит так: раз останутся выборные должностные лица, значит, останутся и чиновники при социализме, останется бюрократия! Именно это-то и не верно. Именно на примере Коммуны Маркс показал, что при социализме должностные лица перестают быть «бюрократами», быть «чиновниками», перестают *по мере* введения, кроме выборности, *еще* сменяемости в любое время, *да еще* сведения платы к среднему рабочему уровню, *да еще* замены парламентарных учреждений «работающими, т.-е. издающими законы и проводящими их в жизнь».

В сущности, вся аргументация Каутского против Паннекука и особенно великолепный довод Каутского, что мы и в профессиональных и в партийных организациях не обходимся без чиновников, показывают повторение Каутским старых «доводов» Бернштейна против марксизма вообще. В своей ренегатской книге «Предпосылки социализма» Бернштейн воюет против идей «примитивной» демократии, против того, что̀ он называет «доктринерским демократизмом»—императивные мандаты, не получающие вознаграждения должностные лица, бессильное центральное представительство и т. д. В доказательство несостоятельности «примитивного» демократизма Бернштейн ссылается на опыт английских тред-юнионов в истолковании его супругами Вэбб. За семьдесят, дескать, лет своего развития тред-юнионы, развивавшиеся будто бы «в полной свободе» (стр. 137 нем. изд.), убедились именно в непригодности примитивного демократизма и заменили его обычным: парламентаризм, соединенный с бюрократизмом.

На деле тред-юнионы развивались не «в полной сво-

боде», *а в полном капиталистическом рабстве,* при котором, разумеется, «не обойтись» без ряда уступок царящему злу, насилию, неправде, исключению бедноты из дел «высшего» управления. При социализме многое из «примитивной» демократии неизбежно оживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ *масса* населения поднимется до *самостоятельного* участия не только в голосованиях и выборах, *но и в повседневном управлении.* При социализме *все* будут управлять по-очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял.

Маркс с его гениальным критически-аналитическим умом увидел в практических мерах Коммуны тот *перелом,* которого боятся и не хотят признавать оппортунисты из трусости, из-за нежелания бесповоротно порвать с буржуазией, и которого не хотят видеть анархисты либо из торопливости, либо из непонимания условий массовых социальных превращений вообще. «Не надо и думать о разрушении старой государственной машины, где же нам обойтись без министерств и без чиновников»—рассуждает оппортунист, насквозь пропитанный филистерством и, в сущности, не только не верящий в революцию, в творчество революции, но смертельно боящийся ее (как боятся ее наши меньшевики и эсеры).

«Надо думать *только* о разрушении старой государственной машины, нечего вникать в *конкретные* уроки прежних пролетарских революций и анализировать, *чем* и *как* заменять разрушаемое»,—рассуждает анархист (лучший из анархистов, конечно, а не такой, который, вслед за гг. Кропоткиными и К°, плетется за буржуазией); и у анархиста выходит поэтому тактика *отчаяния,* а не беспощадно-смелой и в то же время считающейся с практическими условиями движения масс революционной работы над конкретными задачами.

Маркс учит нас избегать обеих ошибок, учит беззаветной смелости в разрушении всей старой государственной машины и в то же время учит ставить вопрос конкретно: Коммуна смогла в несколько недель *начать* строить *новую,* пролетарскую, государственную машину, вот так-то проводя указанные меры к большему демократизму и к искоренению бюрократизма. Будем учиться у коммунаров революционной смелости, будем видеть в их практических мерах *намечание* практически-насущных и немедленно-возможных мер и тогда, *идя таким путем,* мы придем к полному разрушению бюрократизма.

Возможность такого разрушения обеспечена тем, что социализм сократит рабочий день, поднимет *массы* к новой жизни, поставит *большинство* населения в условия, позволяющие *всем* без изъятия выполнять «государственные функции», а это приводит к *полному отмиранию* всякого государства вообще.

...«Задача массовой стачки—продолжает Каутский—никогда не может состоять в том, чтобы *разрушить* государственную власть, а только в том, чтобы привести правительство к уступчивости в каком-либо определенном вопросе или заменить правительство, враждебное пролетариату, правительством, идущим ему навстречу (entgegenkommende)... Но никогда и ни при каких условиях это» (т.-е. победа пролетариата над враждебным правительством) «не может вести к *разрушению* государственной власти, а только к известной *передвижке* (Verschiebung) отношений сил *внутри государственной власти*... И целью нашей политической борьбы остается при этом, как и до сих пор, завоевание государственной власти посредством приобретения большинства в парламенте и превращение парламента в господина над правительством» (стр. 726, 727, 732).

Это уже чистейший и пошлейший оппортунизм, отречение от революции на деле при признании ее на словах. Мысль Каутского не идет дальше «правительства, идущего навстречу пролетариату»—шаг назад к филистерству по сравнению с 1847 годом, когда «Коммунистический Манифест» провозгласил «организацию пролетариата в господствующий класс».

Каутскому придется осуществлять излюбленное им «единство» с Шейдеманами, Плехановыми, Вандервельдами, которые все согласны бороться за правительство, «идущее навстречу пролетариату».

А мы пойдем на раскол с этими изменниками социализму и будем бороться за разрушение всей старой государственной машины, так чтобы сам вооруженный пролетариат *был правительством*. Это—«две большие разницы».

Каутскому придется быть в приятной компании Легинов и Давидов, Плехановых, Потресовых, Церетели, Черновых, которые вполне согласны бороться за «передвижку отношений силы внутри государственной власти», за «приобретение большинства в парламенте и за всевластие парламента над правительством», благороднейшая цель, в которой все приемлемо для оппортунистов, все остается в рамках буржуазной парламентарной республики.

А мы пойдем на раскол с оппортунистами; и весь сознательный пролетариат будет с нами в борьбе не за «передвижку отношений силы», а за *свержение буржуазии,*

за *разрушение* буржуазного парламентаризма, за демократическую республику типа Коммуны или республику Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, за революционную диктатуру пролетариата.

* *
*

Правее Каутского в международном социализме стоят такие течения, как «Социалистический Ежемесячник» в Германии (Легин, Давид, Кольб и мн. другие, включая скандинавов Стаунинга и Брантинга), жоресисты и Вандервельд во Франции и Бельгии, Турати, Тревес и другие представители правого крыла итальянской партии, фабианцы и «независимцы» («независимая рабочая партия», на деле всегда бывшая в зависимости от либералов) в Англии и тому подобное. Все эти господа, играя громадную, очень часто преобладающую роль в парламентарной работе и в публицистике партии, прямо отрицают диктатуру пролетариата, проводят неприкрытый оппортунизм. Для этих господ «диктатура» пролетариата «противоречит» демократии!! Они, в сущности, ничем серьезно не отличаются от мелко-буржуазных демократов.

Принимая во внимание это обстоятельство, мы в праве сделать вывод, что Второй Интернационал в подавляющем большинстве его официальных представителей вполне скатился к оппортунизму. Опыт Коммуны был не только забыт, но извращен. Рабочим массам не только не внушалось, что близится время, когда они должны будут выступить и разбить старую государственную машину, заменяя ее новой и превращая таким образом свое политическое господство в базу социалистического переустройства общества,—массам внушалось обратное, и «завоевание власти» представлялось так, что оставались тысячи лазеек оппортунизму.

Извращение и замалчивание вопроса об отношении пролетарской революции к государству не могло не сыграть громадной роли тогда, когда государства, с усиленным вследствие империалистического соревнования военным аппаратом, превратились в военные чудовища, истребляющие миллионы людей ради того, чтобы решить спор: Англии или Германии, тому или другому финансовому капиталу господствовать над миром.

Написано в августе — сентябре 1917 г.

Избранные произведения, т. II, стр. 138—194.

ИЗ ДОКЛАДА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ 24 (11) ЯНВАРЯ 1918 г. НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ

Товарищи! От имени Совета народных комиссаров я должен представить вам доклад о деятельности его за 2 месяца и 15 дней, протекших со времени образования Советской власти и Советского правительства в России.

2 месяца и 15 дней—это всего на пять дней больше того срока, в течение которого существовала предыдущая власть рабочих над целой страной или над эксплуататорами и капиталистами,—власть парижских рабочих в эпоху Парижской Коммуны 1871 года.

Эту власть рабочих мы должны вспомнить прежде всего, бросая взгляд назад и сравнивая ее с Советской властью, образовавшейся 7 ноября (25 октября). И из этого сравнения предыдущей диктатуры пролетариата и настоящей мы сразу можем видеть, какой гигантский шаг сделало международное рабочее движение, и в каком неизмеримо более благоприятном положении находится Советская власть в России, несмотря на неслыханно сложные условия в обстановке войны и разрухи.

Продержавшись 2 месяца и 10 дней, парижские рабочие, впервые создавшие Коммуну, которая представляет зачаток Советской власти, погибли под расстрелом французских кадетов, меньшевиков и правых эсеров-калединцев... Французским рабочим пришлось заплатить небывало тяжелыми жертвами за первый опыт рабочего правительства, смысла и цели которого не знало громадное большинство крестьян во Франции.

Мы находимся в гораздо более благоприятных обстоятельствах, потому что русские солдаты, рабочие и крестьяне сумели создать аппарат, который об их формах

борьбы оповестил весь мир,—Советское правительство. Вот что прежде всего изменяет положение русских рабочих и крестьян по сравнению с властью парижского пролетариата. Они не имели аппарата, их не поняла страна, мы сразу же опирались на Советскую власть, и поэтому для нас никогда не было сомнения в том, что Советская власть пользуется сочувствием и самой горячей, самой беззаветной поддержкой гигантского большинства масс, и что поэтому Советская власть непобедима.

Люди, которые относились скептически к Советской власти и часто сознательно или бессознательно продавали и предавали ее на соглашательство с капиталистами и империалистами, эти люди прокричали все уши про то, что в России не может удержаться власть исключительно одного пролетариата. Как будто кто-либо из большевиков и их сторонников забывал хоть на минуту, что в России может быть продолжительной только та власть, которая сумеет сплотить рабочий класс, большинство крестьян, все трудящиеся и эксплуатируемые классы в одну неразрывно связанную между собою силу, борющуюся против помещиков и буржуазии.

Мы никогда не сомневались в том, что только союз рабочих и беднейших крестьян, полупролетариев, о котором говорит наша партийная программа, может охватить в России большинство населения и обеспечить прочную поддержку власти. И нам удалось после 7 ноября (25 октября) сразу, в течение нескольких недель преодолеть все затруднения и основать власть на основе такого прочного союза.

Соч., т. XXII, стр. 205—206.

ИЗ БРОШЮРЫ «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕНЕГАТ КАУТСКИЙ»

КАК КАУТСКИЙ ПРЕВРАТИЛ МАРКСА В ДЮЖИННОГО ЛИБЕРАЛА

Основной вопрос, затрогиваемый Каутским в его брошюре, есть вопрос о коренном содержании пролетарской революции, именно о диктатуре пролетариата. Это—вопрос, имеющий важнейшее значение для всех стран, особенно для передовых, особенно для воюющих, особенно в настоящее время. Можно сказать без преувеличения, что это—самый главный вопрос всей пролетарской классовой борьбы. Поэтому необходимо на нем внимательно остановиться.

Каутский ставит вопрос таким образом, что «противоположность обоих социалистических направлений» (т.-е. большевиков и не-большевиков) есть «противоположность двух в корне различных методов: демократического и диктаторского» (стр. 3).

Отметим мимоходом, что, называя не-большевиков в России, т.-е. меньшевиков и эсеров, социалистами, Каутский руководится их названием, т.-е. словом, а не тем *действительным местом*, которое они занимают в борьбе пролетариата с буржуазией. Великолепное понимание и применение марксизма! Но об этом подробнее ниже.

Сейчас надо взять главное: великое открытие Каутского о «коренной противоположности» «демократического и диктаторского методов». В этом гвоздь вопроса. В этом вся суть брошюры Каутского. И это—такая чудовищная теоретическая путаница, такое полное отречение от марксизма, что Каутский, надо признать, далеко опередил Бернштейна.

Вопрос о диктатуре пролетариата есть вопрос об отношении пролетарского государства к буржуазному госу-

дарству, пролетарской демократии к буржуазной демократии. Казалось бы, это ясно как день. Но Каутский, точно какой-то учитель гимназии, засохший на повторении учебников истории, упорно поворачивается задом к XX веку, лицом к XVIII, и в сотый раз, невероятно скучно, в целом ряде параграфов, жует и пережевывает старье об отношении буржуазной демократии к абсолютизму и средневековью!

Поистине, точно во сне мочалку жует!

Ведь это же значит решительно не понять, что к чему. Ведь только улыбку вызывают потуги Каутского представить дело так, будто есть люди, проповедующие «презрение к демократии» (с. 11) и т. п. Такими пустячками приходится затушевывать, запутывать вопрос Каутскому, ибо он ставит вопрос по-либеральному, о демократии вообще, а не о буржуазной демократии, он избегает даже этого точного, классового понятия, а старается говорить о «досоциалистической» демократии. Почти треть брошюры, 20 страниц из 63, занял наш водолей болтовней, которая очень приятна для буржуазии, ибо равняется подкрашиванию буржуазной демократии и затушевывает вопрос о пролетарской революции.

Но ведь заглавие брошюры Каутского есть все же «Диктатура пролетариата». Что в этом именно суть учения Маркса, это общеизвестно. И Каутскому пришлось, после всей болтовни не на тему, привести слова Маркса о диктатуре пролетариата.

Как это проделал «марксист» Каутский, это уже прямая комедия! Слушайте:

«На одно слово Карла Маркса опирается тот взгляд» (который Каутский объявляет презрением к демократии)— так буквально значится на стр. 20. А на стр. 60-ой это повторено даже в такой форме, что (большевики) «вспомнили во-время словечко» (буквально так!! des Wörtchens) «о диктатуре пролетариата, употребленное Марксом однажды в 1875 году в письме».

Вот это «словечко» Маркса:

> «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть не чем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».

Во-первых, назвать это знаменитое рассуждение Маркса, подводящее итог всему его революционному учению,

«одним словом» или даже «словечком»—значит издеваться над марксизмом, значит отрекаться от него полностью. Нельзя забывать, что Каутский знает Маркса почти наизусть, что, судя по всем писаниям Каутского, у него в письменном столе или в голове помещен ряд деревянных ящичков, в которых все написанное Марксом распределено аккуратнейшим и удобнейшим для цитирования образом. Каутский *не может не знать*, что и Маркс и Энгельс и в письмах и в печатных произведениях говорили о диктатуре пролетариата *многократно*, особенно и до и[1] после Коммуны. Каутский не может не знать, что формула: «диктатура пролетариата» есть лишь более исторически-конкретное и научно-точное изложение той задачи пролетариата «разбить» буржуазную государственную машину, о которой (задаче) и Маркс и Энгельс, учитывая опыт революций 1848 и еще более 1871 года, говорят с 1852 до 1891 года, *в течение сорока лет*.

Как объяснить это чудовищное извращение марксизма начетчиком в марксизме Каутским? Если говорить о философских основах данного явления, то дело сведется к подмене диалектики эклектицизмом и софистикой. Каутский—великий мастер такой подмены. Если говорить практически-политически, то дело сведется к лакейству перед оппортунистами, т.-е. в конце концов перед буржуазией. С начала войны прогрессируя все быстрее, Каутский дошел до виртуозности в этом искусстве быть марксистом на словах, лакеем буржуазии на деле.

Еще более убеждаешься в этом, когда рассматриваешь, как замечательно «истолковал» Каутский «словечко» Маркса о диктатуре пролетариата. Слушайте:

«Маркс, к сожалению, упустил указать подробнее, как он представляет себе эту диктатуру»... (Насквозь лживая фраза ренегата, ибо Маркс и Энгельс дали именно ряд подробнейших указаний, которые умышленно обходит начетчик в марксизме Каутский)... «Буквально, слово диктатура означает уничтожение демократии. Но, разумеется, взятое буквально, это слово означает также единовластие одного отдельного лица, не связанного никакими законами. Единовластие, которое отличается от деспотизма тем, что оно мыслится не как постоянное государственное учреждение, а как преходящая мера крайности.

Выражение «диктатура пролетариата», следовательно, не диктатура одного лица, а одного класса, уже исключает, что Маркс имел в виду при этом диктатуру в буквальном смысле слова.

---

[1] В рукописи «и до и» отсутствует. *Ред.*

Он говорил здесь не о *форме правления*, а о *состоянии*, которое по необходимости должно наступить повсюду там, где пролетариат завоевал политическую власть. Что Маркс здесь не имел в виду формы правления, это доказывается уже тем, что он держался взгляда, что в Англии и в Америке переход может совершиться мирно, следовательно, путем демократическим» (стр. 20).

Мы нарочно привели полностью все это рассуждение, чтобы читатель мог ясно видеть, какими приемами оперирует «теоретик» Каутский.

Каутский пожелал подойти к вопросу таким образом, чтобы начать с определения «слова» диктатура.

Прекрасно. Подойти любым образом к вопросу—священное право всякого. Надо только отличать серьезный и честный подход к вопросу от нечестного. Кто хотел бы серьезно отнестись к делу при данном способе подхода к вопросу, тот должен бы дать *свое определение* «слова». Тогда вопрос был бы поставлен ясно и прямо. Каутский этого не делает. «Буквально,—пишет он—слово диктатура означает уничтожение демократии».

Во-первых, это не определение. Если Каутскому угодно уклоняться от дачи определения понятию диктатура, к чему было выбирать данный подход к вопросу?

Во-вторых, это явно неверно. Либералу естественно говорить о «демократии» вообще. Марксист никогда не забудет поставить вопрос: «для какого класса?». Всякий знает, например,—и «историк» Каутский знает это тоже,—что восстания или даже сильные брожения рабов в древности сразу обнаруживали сущность античного государства, как *диктатуры рабовладельцев*. Уничтожала ли эта диктатура демократию *среди рабовладельцев, для них?* Всем известно, что нет.

«Марксист» Каутский сказал чудовищный вздор и неправду, ибо «*забыл*» о классовой борьбе...

Чтобы из либерального и лживого утверждения, данного Каутским, сделать марксистское и истинное, надо сказать: диктатура не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами, но она обязательно означает уничтожение (или существеннейшее ограничение, что тоже есть один из видов уничтожения) демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура.

Но, как ни истинно это утверждение, а определения диктатуры оно не дает.

Рассмотрим следующую фразу Каутского:

...«Но, разумеется, взятое буквально, это слово означает также единовластие одного отдельного лица, не связанного никакими законами»...

Подобно слепому щенку, который случайно тычет носом то в одну, то в другую сторону, Каутский нечаянно наткнулся здесь на *одну* верную мысль (именно, что диктатура есть власть, не связанная никакими законами), но определения диктатуры *все же не дал* и сказал, кроме того, явную историческую неправду, будто диктатура означает власть одного лица. Это и грамматически неверно, ибо диктаторствовать может и кучка лиц, и олигархия, и один класс, и т. д.

Дальше Каутский указывает отличие диктатуры от деспотизма, но, хотя его указание явно неверно, останавливаться на нем мы не будем, ибо это совершенно не относится к интересующему нас вопросу. Известна склонность Каутского от XX века поворачиваться к XVIII, а от XVIII к античной древности, и мы надеемся, что, добившись диктатуры, немецкий пролетариат учтет эту склонность, посадив, скажем, Каутского гимназическим учителем древней истории. От определения диктатуры пролетариата отлынивать посредством умствований о деспотизме есть либо крайняя глупость, либо весьма неискусное мошенничество.

В итоге мы получаем, что, взявшись говорить о диктатуре, Каутский наговорил много заведомой неправды, но никакого определения не дал! Он мог бы, не полагаясь на свои умственные способности, прибегнуть к своей памяти и выложить из «ящичков» все случаи, когда Маркс говорит о диктатуре. Он получил бы, наверное, либо следующее, либо по существу совпадающее с ним, определение:

Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами.

Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами.

И вот эту-то простую истину, истину ясную как божий день для всякого сознательного рабочего (представителя массы, а не верхушечного слоя подкупленной капиталистами мещанской сволочи, каковой являются социал-империалисты всех стран), эту очевидную для всякого представителя эксплуатируемых, борющихся за свое освобо-

ждение, эту бесспорную для всякого марксиста истину приходится «войной отвоевывать» у ученейшего господина Каутского. Чем объяснить это?—Тем духом лакейства, которым пропитались вожди II Интернационала, ставшие презренными сикофантами на службе у буржуазии.

Сначала Каутский совершил подтасовку, заявив явный вздор, будто буквальный смысл слова диктатура означает единоличного диктатора, а потом он—на основании этой подтасовки!—заявляет, что у Маркса, значит, слова о диктатуре класса *имеют* не буквальный смысл (а такой, при котором диктатура не означает революционного насилия, а «мирное завоевание большинства при буржуазной»,—это заметьте,—демократии).

Надо отличать, видите ли, «состояние» от «формы правления». Удивительно глубокомысленное различие, совсем вроде того, как если бы мы отличали «состояние» глупости у человека, рассуждающего неумно, от «формы» его глупостей!

Каутскому *нужно* истолковать диктатуру, как «состояние господства» (это выражение буквально употреблено у него на следующей же, 21-ой, странице), ибо тогда *исчезает революционное насилие, исчезает насильственная революция.* «Состояние господства» есть состояние, в котором бывает любое большинство при... «демократии». Таким мошенническим фокусом *революция* благополучно *исчезает.*

Но мошенничество слишком грубое, и Каутского оно не спасет. Что диктатура предполагает и означает «состояние» неприятного для ренегатов *революционного насилия* одного класса над другим, этого «шила в мешке не утаишь». Вздорность различения «состояния» и «формы правления» всплывает наружу. О форме правления говорить здесь втройне глупо, ибо всякий мальчик знает, что монархия и республика разные формы правления. Господину Каутскому нужно доказывать, что *обе* эти формы правления, как и все переходные «формы правления» при капитализме, суть лишь разновидности *буржуазного государства,* т.-е. *диктатуры буржуазии.*

Говорить о формах правления, наконец, есть не только глупая, но и аляповатая фальсификация Маркса, который яснее ясного говорит здесь о форме или типе *государства,* а не о форме правления.

Пролетарская революция невозможна без насильственного разрушения буржуазной государственной машины и

замены ее *новою*, которая, по словам Энгельса, «не является уже в собственном смысле государством».

Каутскому все это надо замазать и изолгать—этого требует его ренегатская позиция.

Посмотрите, к каким жалким увертками он прибегает.

Увертка первая: «Что Маркс не имел тут в виду формы правления, доказывается тем, что он считал возможным в Англии и Америке мирный переворот, т.-е. демократическим путем»...

Форма правления тут решительно не при чем, ибо бывают монархии, не типичные для буржуазного государства, например, отличающиеся отсутствием военщины, и бывают республики, вполне[1] типичные, например, с военщиной и с бюрократией. Это общеизвестный исторический и политический факт, и Каутскому не удастся его фальсифицировать.

Если бы Каутский хотел серьезно и честно рассуждать, он бы спросил себя: бывают ли исторические законы, касающиеся революции и не знающие исключения? Ответ был бы: нет, таких законов нет. Такие законы имеют в виду лишь типичное, то, что̀ Маркс однажды назвал «идеальным» в смысле среднего, нормального, типичного капитализма.

Далее. Было ли в 70-х годах нечто такое, что̀ делало из Англии и Америки исключение *в рассматриваемом* отношении? Всякому, сколько-нибудь знакомому с требованием науки в области исторических вопросов, очевидно, что этот вопрос необходимо поставить. Не поставить его значит фальсифицировать науку, значит играть в софизмы. А поставив этот вопрос, нельзя сомневаться в ответе: революционная диктатура пролетариата есть *насилие* против буржуазии; необходимость же этого насилия *в особенности* вызывается, как подробнейшим образом и многократно объясняли Маркс и Энгельс (особенно в «Гражданской войне во Франции» и в предисловии к ней), тем, что существует *военщина и бюрократия*. Как раз этих учреждений, как раз в Англии и в Америке, как раз в 70-х годах XIX века, когда Маркс делал свое замечание, *не было*. (А теперь они и в Англии и в Америке *есть*.)

Каутскому приходится буквально мошенничать на каждом шагу, чтобы прикрывать свое ренегатство!

---

[1] В рукописи далее следует: «в этом отношении». *Ред.*

И заметьте, как он показал здесь нечаянно свои ослиные уши: он написал: «мирно», *т.-е. демократическим путем!!*

При определении диктатуры Каутский изо всех сил старался спрятать от читателя основной признак этого понятия, именно: революционное *насилие*. А теперь правда вылезла наружу: речь идет о противоположности *мирного* и *насильственного переворотов*.

Здесь зарыта собака. Все увертки, софизмы, мошеннические фальсификации для того и нужны Каутскому, чтобы *отговориться* от *насильственной* революции, чтобы прикрыть свое отречение от нее, свой переход на сторону *либеральной* рабочей политики, т.-е. на сторону буржуазии. Здесь зарыта собака.

«Историк» Каутский так бесстыдно фальсифицирует историю, что забывает основное: домонополистический капитализм—а апогеем его были именно 70-ые годы XIX века—отличался, в силу *экономических* его коренных свойств, которые в Англии и Америке проявились особенно типично, наибольшими, сравнительно, миролюбием и свободолюбием. А империализм, т.-е. монополистический капитализм, окончательно созревший лишь в XX веке, по *экономическим* его коренным свойствам, отличается наименьшим миролюбием и свободолюбием, наибольшим и повсеместным развитием военщины. «Не заметить» этого, при рассуждении о том, насколько типичен или вероятен мирный или насильственный переворот, значит опуститься до самого дюжинного лакея буржуазии.

Увертка вторая. Парижская Коммуна была диктатурой пролетариата, а выбрана она была *всеобщим* голосованием без лишения буржуазии ее избирательных прав, «*демократически*». И Каутский торжествует: ...«Диктатура пролетариата была для Маркса» (или по Марксу) «состоянием, которое с необходимостью вытекает из чистой демократии, если пролетариат составляет большинство» (bei überwiegendem Proletariat, S. 21).

Этот довод Каутского настолько забавен, что, поистине, испытываешь настоящее embarras des richesses (затруднение от обилия возражений). Во-первых, известно, что цвет, штаб, верхи буржуазии бежали из Парижа в Версаль. В Версале был «социалист» Луи Блан, что̀, между прочим, показывает лживость утверждения Каутского, будто в Коммуне участвовали «все направления» социализма. Не смешно ли изображать «чистой демократией» с «всеобщим голосованием» разделение жителей Парижа

на два воюющих лагеря, один из которых сконцентрировал всю боевую, политически активную буржуазию?

Во-вторых, Коммуна боролась с Версалем, как рабочее правительство *Франции* против буржуазного. При чем же тут «чистая демократия» и «всеобщее голосование», когда Париж решал судьбу Франции? Когда Маркс находил, что Коммуна сделала ошибку, не взяв банка, который принадлежал всей Франции, то не исходил ли Маркс из принципов и практики «чистой демократии»?

Право же, видно, что Каутский пишет в такой стране, в которой полиция запрещает людям «скопом» смеяться, иначе Каутский был бы убит смехом.

В-третьих. Позволю себе почтительно напомнить наизусть знающему Маркса и Энгельса господину Каутскому следующую оценку Коммуны Энгельсом с точки зрения... «чистой демократии»:

«Видали ли когда-нибудь революцию, эти господа» (антиавторитаристы)? «Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?».

Вот вам и «чистая демократия»! Как бы осмеял Энгельс того пошлого мещанина, «социал-демократа» (в французском смысле—40-х годов и в общеевропейском—1914—18 годов), который вздумал бы вообще говорить о «чистой демократии» в обществе, разделенном на классы!

Но довольно. Перечислить все отдельные нелепости, до которых договаривается Каутский, вещь невозможная, ибо у него в каждой фразе бездонная пропасть ренегатства.

Маркс и Энгельс подробнейшим образом анализировали Парижскую Коммуну, показали, что ее заслугой была попытка *разбить, сломать* «готовую государственную машину». Маркс и Энгельс этот вывод считали столь важным, что *только* эту поправку внесли в 1872 году к «устарелой» (частями) программе «Коммунистического Манифеста». Маркс и Энгельс показали, что Коммуна уничтожала армию и чиновничество, уничтожала *парламен-*

таризм, разрушала «паразитический нарост—государство» и т. д., а премудрый Каутский, надев ночной колпак, повторяет то, что тысячу раз говорили либеральные профессора,—сказки про «чистую демократию».

Не даром сказала Роза Люксембург 4 августа 1914 г., что немецкая социал-демократия теперь есть *смердящий труп*.

Написано в октябре — ноябре 1918 г.

Избранные произведения, т. II, стр. 312—319.

ИЗ ТЕЗИСОВ И ДОКЛАДА О БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ И ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА НА I КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА 4 МАРТА 1919 г.

...5. Парижская Коммуна, которую на словах чествуют все, желающие слыть социалистами, ибо они знают, что рабочие массы горячо и искренне сочувствуют ей, показала особенно наглядно историческую условность и ограниченную ценность буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии—учреждений, в высокой степени прогрессивных по сравнению с средневековьем, но неизбежно требующих коренной перемены в эпоху пролетарской революции. Именно Маркс, который лучше всего оценил историческое значение Коммуны, анализируя ее, показал эксплуататорский характер буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма, когда угнетенные классы получают право один раз в несколько лет решать, какой представитель имущих классов будет «представлять и подавлять» (ver- und zertreten) народ в парламенте. Как раз теперь, когда советское движение, охватывая весь мир, на глазах у всех продолжает дело Коммуны, изменники социализма забывают конкретный опыт и конкретные уроки Парижской Коммуны, повторяя старый буржуазный хлам о «демократии вообще». Коммуна была не парламентским учреждением.

6. Значение Коммуны, далее, состоит в том, что она сделала попытку разбить, разрушить до основания буржуазный государственный аппарат, чиновничий, судейский, военный, полицейский, заменив его самоуправляющейся массовой организацией рабочих, которая не знала разделения законодательной и исполнительной власти. Все современные буржуазно-демократические республики, в том числе германская, которую изменники социализма в

насмешку над истиной называют пролетарской, сохраняют этот государственный аппарат. Таким образом, подтверждается еще и еще раз вполне наглядно, что крики в защиту «демократии вообще» на деле представляют из себя защиту буржуазии и ее эксплуататорских привилегий.

...19. Только советская организация государства в состоянии действительно разбить сразу и разрушить окончательно старый, т.-е. буржуазный, чиновничий и судейский аппарат, который сохранялся и неизбежно должен был сохраняться при капитализме даже в самых демократических республиках, будучи фактически наибольшей помехой проведению демократизма в жизнь для рабочих и трудящихся. Парижская Коммуна сделала первый всемирно-исторический шаг по этому пути, Советская власть—второй.

Соч., т. XXIV, стр. 8—9, 14.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авксентьев Н. Д. (р. 1878)—правый эсер, в 1917 г.—министр в контрреволюционном правительстве Керенского. После Октябрьской социалистической революции—белоэмигрант.—*97.*

Бакунин М. А. (1814—1876)—известный русский анархист. Выступал против участия рабочего класса в политической борьбе, против создания партии пролетариата. Объявив себя принципиальным противником всякого государства, отрицал необходимость пролетарского государства. Враг марксизма. В 1865 г. основал международную организацию анархистов «Альянс социалистической демократии». Вступил в I Интернационал, вел там дезорганизаторскую работу, пытался захватить в нем руководство и навязать Интернационалу анархистскую программу, за что был в 1872 г., по настоянию Маркса, на Гаагском конгрессе исключен из Интернационала.—*102, 113, 146.*

Бебель А. (1840—1913)—один из вождей германской социал-демократии и II Интернационала. Неоднократно избирался как представитель немецких рабочих в парламент (рейхстаг). Бебель, по словам Ленина, «сделался самым даровитым парламентарием Европы, самым талантливым организатором и тактиком, самым влиятельным вождем международной, враждебной реформизму и оппортунизму, социал-демократии» (*Ленин,* т. XVI, стр. 546). В то же время по ряду вопросов Маркс, Энгельс и Ленин резко критиковали оппортунистические колебания Бебеля.—*111, 113, 127, 128, 132.*

Бернштейн Э. (1850—1932)—германский социал-демократ, крайний оппортунист, реформист. После смерти Энгельса ревизовал революционное учение Маркса. Проповедывал отказ рабочего класса от борьбы за социалистическую революцию и диктатуру пролетариата. Последователями Бернштейна в России являлись «экономисты» и их идейные наследники—меньшевики.—*94, 101, 102, 146—148, 151, 158, 164.*

Бисмарк О.-Э. (1815—1898)—прусский министр-президент, первый канцлер Германской империи (1871—1890), осуществлял объединение Германии «сверху», в интересах прусского юнкерства; инициатор исключительного закона против социалистов 1878—1890 гг.—*8—10, 14—16, 21, 24, 38.*

Биссолати Л. (1857—1920)—один из основателей итальянской социалистической партии, махровый оппортунист и социал-шовинист. В 1916—1918 гг. входил в буржуазное правительство Италии в качестве министра без портфеля.—*96.*

Блан Л. (1811—1882)—французский мелкобуржуазный социалист и историк, проповедывавший «примирение» классов. В 1848 г. вошел в буржуазное временное правительство. Стоявшие у власти буржуазные республиканцы, «так же, как наши кадеты, использовали искусно мелкобуржуазный «социализм» Луи Блана, взяв его в министры, превратив его из вождя социалистических рабочих, каким он хотел быть, в придаток, в прихвостень буржуазии» (*Ленин*, т. XX, стр. 536). В 1871 г., во время Парижской коммуны, Луи Блан был в лагере палачей Парижской коммуны—версальцев.—*66, 171.*

Бланки Л.-О. (1805—1881)—французский революционер, социалист, свыше 36 лет проведший в тюрьмах. Участник парижских восстаний и революций на протяжении 1830—1870 гг. Возглавлял ряд революционных тайных обществ. Добиваясь захвата власти небольшой группой революционеров-заговорщиков, не понимал решающей роли организации масс для революционной борьбы. Высоко ценя революционные заслуги Бланки, Маркс, Ленин и Сталин подвергают резкой критике его ошибки, его заговорщическую тактику.—*13, 22, 28, 31.*

Бражэ В. (1842—1880)—видный германский социал-демократ.—*13, 111, 127.*

Брантинг К. Я. (1860—1925)—лидер шведской социал-демократии и один из вождей II Интернационала, крайний оппортунист, социал-шовинист. Вошел в качестве министра финансов в состав шведского буржуазного правительства, оказавшего в 1918 г. вооруженную помощь белофиннам—палачам рабочего класса Финляндии.—*96, 161.*

Валантэн (1823—1879)—бонапартист, префект парижской полиции.—*10, 13, 22.*

Вандервельде Э. (1866—1938)—лидер бельгийской социалистической партии, крайний оппортунист. В 1914 г., во время империалистической войны вошел в состав буржуазного министерства Бельгии.—*96, 98, 160, 161.*

Вебб Сидней (р. 1859) и *Беатриса* (р. 1858)—английские либеральные деятели, авторы ряда работ по истории рабочего движения и экономическим вопросам, основатели «Фабианского общества».—*158.*

Винуа Ж. (1800—1880)—французский генерал, командовавший версальской армией во время Парижской коммуны.—*10, 13, 14.*

Врублевский В. (1836—1908)—социалист, участник польского восстания (1863—1864), генерал Парижской коммуны 1871 г., член Генерального совета I Интернационала. Сотрудничал с Энгельсом по военным вопросам.—*15.*

Гендерсон А. (1863—1935)—один из реакционных вождей «рабочей партии» Англии. Во время империалистической войны 1914—1918 гг. входил в коалиционное министерство Ллойд-Джорджа. По окончании войны неоднократно был министром.—*96.*

Гольденберг И. П. (Мешковский) (1873—1922)—в период революции 1905 г.—большевик, в 1917 г.—оборонец и соглашатель.—*46, 47.*

Грав Ж. (р. 1854)—французский анархист. Во время империалистической войны 1914—1918 гг.—социал-шовинист.—*140.*

Гучков А. И. (1862—1935)—крупный московский промышленник, основатель реакционной партии октябристов в 1905 г.—«Союза 17 октября». В 1917 г.—военный и морской министр в первом составе буржуазного Временного правительства. Один из руководителей контрреволюционной борьбы против советской власти, белоэмигрант.—*55, 56, 63, 67, 69.*

Гэ А. Ю. (1879—1919)—анархист; после Октябрьской социалистической революции перешел на сторону советской власти.—*141.*

Давид Э. (1863—1930)—германский социал-демократ, бернштейнианец, ревизовавший аграрную теорию Маркса; крайний оппортунист и социал-шовинист.—*96, 160, 161.*

Дан Ф. И. (р. 1871)—один из руководителей меньшевизма; злейший враг Октябрьской социалистической революции и Советского Союза, белоэмигрант.—*83.*

Домбровский Я. (1836—1871)—польский революционер, генерал Парижской коммуны. При взятии Парижа версальцами был смертельно ранен и умер от ран (23 мая 1871 г.).—*15.*

Дюпон Э. (1831—1881)—французский рабочий, участник июньского восстания 1848 г. в Париже; в 1864—1872 гг.—член Генерального совета I Интернационала, секретарь-корреспондент для Франции.—*10, 22.*

Дюринг Е. (1833—1921)—немецкий вульгарный экономист и философ, враг марксизма. Энгельс дал уничтожающую критику взглядов Дюринга в книге «Анти-Дюринг».—*107.*

Жорес Ж. (1859—1914)—известный французский социалист, возглавлявший оппортунистическое крыло французской социалистической партии, сторонник вхождения «социалистов» в буржуазные правительства. В 1904 г. основал газету «Юманите». Жорес высказывался против империалистической войны и был убит французскими шовинистами 31 июля 1914 г.—*147.*

Зензинов В. М. (р. 1881)—эсер, в 1917 г.—член редакции газеты «Дело народа». После Октябрьской социалистической революции—белоэмигрант.—*97.*

Золя Э. (1840—1902)—известный французский писатель.—*12.*

Каутский К. (1854—1938)—один из идеологов германской социал-демократии и II Интернационала. В первых своих работах выступал как марксист, хотя и не вполне последовательно. Был «центристом»—скрытым, а поэтому наиболее опасным для рабочего движения оппортунистом. В борьбе между большевиками и меньшевиками Каутский поддерживал последних. «Каутский проявил себя первоклассным лицемером и виртуозом в деле проституирования марксизма» (*Ленин*, т. XVIII, стр. 279). После Октябрьской социалистической революции был злейшим врагом советской власти.—*46, 54, 74, 77, 78, 96, 101, 102, 113, 114, 122, 145, 146—158, 161, 164—173.*

Керенский А. Ф. (р. 1881)—эсер, глава контрреволюционного Временного правительства; был одним из организаторов корниловского мятежа. После Октябрьской социалистической революции выступил с офицерскими и казачьими частями против советской власти и был разбит под Гатчиной. Бежал затем в Америку.—*49, 119.*

Клеман Тома (1809—1871)—французский генерал, участвовавший в подавлении восстания парижского пролетариата в июне 1848 г.; 18 марта 1871 г. был расстрелян национальными гвардейцами.—*10, 14.*

Кольб В. (1870—1918)—немецкий социал-демократ, крайний оппортунист.—*161.*

Корнелиссен Х.—голландский анархист. Во время империалистической войны 1914—1918 гг.—социал-шовинист.—*140.*

Кропоткин П. А. (1842—1921)—теоретик анархизма. Во время империалистической войны 1914—1918 гг.—шовинист.—*140, 159.*

Кугельман Л. (1830—1902)—германский социал-демократ, участник революции 1848 г. в Германии, член I Интернационала. Был в дружеских отношениях с Марксом и Энгельсом, вел оживленную переписку с Марксом, в частности о Парижской коммуне (сборник писем К. Маркса к Л. Кугельману вышел в 1907 г. в русском переводе под редакцией и с предисловием В. И. Ленина).—*26, 27, 29, 30, 88.*

Лассаль Ф. (1825—1864)—деятель германского рабочего движения, основатель «Всеобщего германского рабочего союза» (1863 г.). Не веря в силу революционного движения, пытался приспособить деятельность «Всеобщего германского рабочего союза» к реакционной политике Бисмарка, шел на уступки пруссачеству, бисмарковщине, национализму, «шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики» (*Ленин*, т. XVIII, стр. 104).—*128, 134, 135.*

Легин К. (1861—1920)—в течение многих лет руководитель германских профессиональных союзов, махровый оппортунист, вернейший сторожевой пес буржуазии.—*96, 98, 160, 161.*

Леконт К.-М. (1817—1871)—французский генерал, участник ночной экспедиции против Монмартра в 1871 г.; убит войсками, перешедшими на сторону народа.—*10, 14.*

Либер М. И. (Гольдман) (р. 1880)—меньшевик-ликвидатор, злейший враг Октябрьской социалистической революции и советской власти.—*83.*

Либкнехт В. (1826—1900)—отец Карла Либкнехта, один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала, сторонник Маркса и Энгельса. Был редактором центрального органа социал-демократической партии «Vorwärts» («Вперед»).—*113, 115.*

Лиссагарэ П.-О. (1839—1901)—французский политический деятель и публицист. Принимал активное участие в Парижской коммуне 1871 г., после подавления которой эмигрировал в Англию. Возвратившись во Францию после амнистии 1880 г., боролся за республику, против монархического заговора генерала Буланже. Стоял вне французской социалистической партии. Лиссагарэ—автор популярнейшей «Истории Парижской коммуны» (несколько русских переводов; немецкий перевод под редакцией К. Маркса).—*11, 14, 24.*

Лонге Ж. (1876—1939)—французский социалист, центрист, член палаты депутатов в 1914—1919 гг.; «французский каутскианец», по выражению Ленина.—*46.*

Луи-Филипп (1773—1850)—французский король (1830—1848).—*12.*

Львов Г. Е. (1861—1925)—русский князь, крупный помещик, кадет, премьер-министр буржуазного Временного правительства с марта по июль 1917 г.; враг советской власти.—*43, 63, 66, 67, 78.*

Люксембург Р. (1871—1919)—видный деятель польского и германского революционного рабочего движения, вела борьбу с оппортунизмом и ревизионизмом в международной социал-демократии. В течение многих лет возглавляла левое крыло германской социал-демократии. С начала войны Роза Люксембург заняла интернационалистскую позицию. После ноябрьской (1918 г.) революции в Германии вместе с К. Либкнехтом организовала коммунистическую партию Германии. После подавления январского восстания берлинского пролетариата в 1919 г. Роза Люксембург была арестована и зверски убита социал-предательским правительством Шейдемана и Носке. Роза Люксембург в своих теоретических и тактических взглядах допустила ряд крупных ошибок полуменьшевистского характера («люксембургианство») в вопросе о роли партии, об империализме, в национальном вопросе и др. Исчерпывающую критику «люксембургианства» дали Ленин и Сталин.—*47, 152, 173.*

Макдональд Р. (1866—1937)—один из реакционных лидеров английской «рабочей партии», из которой был исключен в 1931 г. Был премьер-министром ряда министерств.—*46.*

Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) (1873—1923)—один из лидеров меньшевизма. После Октябрьской социалистической революции эмигрировал за границу.—*81, 82.*

Меллер-Закомельский А. Н.—царский генерал. В 1905 г. с карательным отрядом прошел по линии Сибирской железной дороги до Читы, где соединился с карательным отрядом Ренненкампфа. В 1906—1909 гг., будучи временно прибалтийским генерал-губернатором, подавлял революционное движение против баронов-помещиков. Один из самых жестоких «усмирителей» того времени.—*41.*

Мильеран А. (р. 1859)—первый из «социалистов», вошедший в реакционное буржуазное правительство Франции в 1899 г. В годы империалистической войны (1914—1918)—один из идеологов французского империализма. В 1920—1924 гг., будучи президентом Французской республики, проводил по отношению к советской власти враждебную политику.—*147.*

Милюков П. Н. (р. 1859)—лидер кадетской партии, видный представитель русской империалистической буржуазии. В 1917 г. был министром буржуазного Временного правительства; вдохновитель и организатор контрреволюционных и интервенционистских выступлений против советской власти; белоэмигрант.—*49, 55, 56, 59, 69.*

Монтескье Ш.-Л. барон де-Секонда (1689—1755)—французский историк и писатель, идеолог либерализма и конституционной монархии, представитель старшего поколения просветителей XVIII века.—*103.*

Наполеон I (1769—1821)—французский император (1804—1814 и 1815).—*122.*

Наполеон III (Луи Бонапарт) (1808—1873)—французский император (1852—1870).—*7, 9, 11, 12, 15, 21.*

Непенин—царский адмирал, командовавший Балтийским флотом во время мировой империалистической войны 1914—1918 гг., «прославился» жестоким обращением с матросами. В марте 1917 г. был убит матросами в Гельсингфорсе.—*55.*

Николай II (1868—1918).—*54, 55, 62.*

Орель-де-Паладин Л. (1804—1877)—французский генерал.—*10, 14, 22.*

Паннекук А. (р. 1873)—голландский левый социалист.—*54, 152—158.*

Пикар Э. (1821—1877)—министр финансов в правительстве палача Парижской коммуны Тьера.—*12.*

Плеханов Г. В. (1856—1918)—основатель первой в России марксистской группы «Освобождение труда» в 1883 г. Был выдающимся пропагандистом марксизма, нанесшим решительный удар реакционной теории народников. После II съезда партии (1903 г.) перешел к меньшевикам и стал одним из руководителей меньшевизма. Во время империалистической войны 1914—1918 гг. был ярым оборонцем и социал-шовинистом. После Февральской революции 1917 г. поддерживал буржуазное Временное правительство. К Октябрьской социалистической революции отнесся отрицательно.—*26—29, 46, 47, 67, 68, 74, 77, 78, 96, 101, 102, 145, 160.*

Помяловский Н. Г. (1835—1863)—русский писатель, примыкавший к революционным демократам 60-х годов—«разночинцам». В своем романе «Очерки бурсы» изобразил невыносимо тяжелую, беспросветную обстановку воспитания молодого поколения в царской России.—*140.*

Потресов А. Н. (Старовер) (1869—1934)—один из руководителей меньшевизма, ликвидатор. Во время империалистической войны 1914—1918 гг.—социал-шовинист. После Октябрьской социалистической революции—белоэмигрант.—*160.*

Прудон П.-Ж. (1809—1865)—французский экономист, публицист, идеолог мелкой буржуазии, анархист. Маркс дал исчерпывающую критику ошибочных взглядов Прудона в книге «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» Прудона» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. V, стр. 295—416).—*28, 101, 102, 112, 145, 147.*

Ренненкампф П. К. (1854—1919)—царский генерал. В 1900 г. во время похода на Пекин приобрел «известность» зверской расправой над китайцами. После декабрьского восстания 1905 г. прошел от Харбина до Читы во главе карательной экспедиции, проявив необычайную жестокость при «усмирении» Забайкалья.—*41.*

Ренодель П. (1871—1935)—представитель крайне правого оппортунистического крыла французской социалистической партии.—*96.*

Родичев Ф. И. (р. 1856)—помещик, участник земского либерального движения, член «Союза освобождения», один из организаторов и активных деятелей кадетской партии.—*60.*

Русанов Н. С. (р. 1859)—эсер, в 1917 г.—член редакции эсеровской газеты «Дело народа». После Октябрьской социалистической революции—белоэмигрант.—*97.*

Самба М. (1862—1922)—один из руководителей французской социалистической партии. Во время империалистической войны 1914—1918 гг.—социал-шовинист, министр буржуазного правительства Франции.—96, 98.

Скобелев М. И. (р. 1885)—меньшевик, министр труда в контрреволюционном Временном правительстве Керенского; белоэмигрант.—*49, 50, 97.*

Стаунинг Т. (р. 1873)—лидер датской социал-демократической партии, оппортунист и социал-шовинист. С начала империалистической войны 1914—1918 гг. вошел в буржуазное министерство; после войны—премьер-министр.—*96, 161.*

Столыпин П. А. (1862—1911)—министр внутренних дел и председатель совета министров с 1906 по 1911 г. За зверские расправы с революционными рабочими и крестьянами получил прозвище «вешателя». Своей земельной политикой Столыпин насаждал хуторское хозяйство, пытаясь создать в деревне прочную опору самодержавия в лице кулачества.—*55.*

Струве П. Б. (р. 1870)—в 90-х годах прошлого века—«легальный марксист». «Легальные марксисты» пытались использовать марксизм «для того, чтобы рабочее движение подчинить и приспособить к интересам буржуазного общества, к интересам буржуазии. Из учения Маркса они выбрасывали самое главное—учение о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 22). Став кадетом, затем крайне правым монархистом, Струве в годы гражданской войны входил в контрреволюционные правительства Деникина и Врангеля.—*89.*

Тревес К. (р. 1869)—итальянский социалист, в годы империалистической войны (1914—1918)—«центрист».—*161.*

Трепов А. Ф. (р. 1864)—член Государственного совета и председатель совета министров в 1916 г. После Октябрьской социалистической революции—белоэмигрант.—*22.*

Трошю Л.-Ж. (1815—1896)—бонапартистский генерал, в 1870 г.—председатель правительства «национальной обороны» и одновременно генерал-губернатор Парижа 1871 г. Один из палачей Коммуны.—*8, 10, 12, 21, 24.*

Туган-Барановский М. И. (1865—1919)—буржуазный «экономист», «легальный марксист» в 90-х годах, впоследствии кадет. В период

гражданской войны участвовал в контрреволюционном правительстве украинской Центральной рады.—*136.*

Турати Ф. (1857—1932)—итальянский социал-реформист. «...Турати известен нам... по пропаганде... в итальянском рабочем движении, дезорганизатором которого он был в течение 20 лет» (*Ленин,* т. XXVI, стр. 436).—*45, 161.*

Тьер Л.-А. (1797—1877)—французский монархист-орлеанист. В 1871 г.—глава версальского правительства и палач Парижской коммуны. С 1871 по 1873 г.—президент Французской республики.—*10, 12, 13, 15, 21—24, 38, 41, 155.*

Фавр Жюль (1809—1880)—французский адвокат, один из руководителей буржуазно-республиканской партии эпохи 1848 г. и Второй империи. В 1870 г.—член правительства «национальной обороны», министр иностранных дел в правительстве Тьера.—*8, 10, 12.*

Фаллу Ф.-П. (1811—1886)—граф, французский публицист, сторонник французской династии Бурбонов, клерикал.—*21.*

Ферри Ж. (1832—1893)—адвокат, секретарь правительства «национальной обороны», после 31 октября 1870 г.—мэр Парижа, один из организаторов подавления Парижской коммуны. В 80-х годах был премьер-министром и министром иностранных дел во Франции в правительстве Тьера.—*12.*

Франкель Л. (1844—1896)—рабочий-ювелир. Член I Интернационала, основатель его Лионской секции, член Парижской коммуны, инициатор создания ЦК Национальной гвардии. После поражения Коммуны бежал в Англию. Участник ряда конгрессов II Интернационала.—*24.*

Церетели И. Г. (р. 1882)—меньшевик, министр почт и телеграфов контрреволюционного буржуазного Временного правительства, «присяжный соглашатель», по выражению товарища Сталина. После Октябрьской социалистической революции—белоэмигрант.—*43, 45, 63, 66, 69, 71, 74, 75, 83, 97, 120, 124, 140, 160.*

Чернов В. М. (р. 1873)—эсер, министр земледелия контрреволюционного Временного правительства в 1917 г. После Октябрьской социалистической революции—организатор вооруженной борьбы против советской власти; белоэмигрант.—*83, 97, 124, 140, 160.*

Чхеидзе Н. С. (1864—1926)—председатель меньшевистской фракции IV Государственной думы. С февраля по август 1917 г.—председатель Петроградского эсеро-меньшевистского совета, председатель ВЦИК первого созыва, сторонник коалиции с буржуазией, председатель Учредительного собрания в Грузии. После советизации Грузии эмигрировал в Париж, где покончил самоубийством.—*45, 46, 48, 49, 63, 66, 69, 71, 74, 75.*

Шейдеман Ф. (1865—1939)—один из лидеров крайне оппортунистического крыла германской социал-демократии. После мировой войны—рейхсканцлер; был одним из палачей революционного движения германского пролетариата. Организатор кровавого убийства Р. Люксембург и К. Либкнехта. Шейдеман, по характеристике Ленина,—«отвратительный лакей империалистической буржуазии».—*96, 98, 160.*

Штирнер М. (1806—1856)—немецкий анархист-индивидуалист, автор книги «Единственный и его собственность».—*145.*

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От издательства	5
Три конспекта доклада о Парижской коммуне	7
План чтения о Коммуне	21
Из «Предисловия к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману»	26
Уроки Коммуны	31
Памяти Коммуны	37
О задачах пролетариата в данной революции	43
Письма из далека	48
Из брошюры «Письма о тактике»	61
О двоевластии	73
Из брошюры «Задачи пролетариата в нашей революции»	76
Из статьи «Удержат ли большевики государственную власть?»	80
Из брошюры «Государство и революция»	84
Из доклада о деятельности Совета народных комиссаров 24 (11) января 1918 г. на III Всероссийском съезде советов	162
Из брошюры «Пролетарская революция и ренегат Каутский»	164
Из тезисов и доклада о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата на I конгрессе Коммунистического Интернационала 4 марта 1919 г.	174
Указатель имен	176

Под наблюдением редактора С. *Лифшиц*
Тираж 25 000 экз. Подписано в печать 5 марта 1941 г.
11½ п. л. 38 тыс. зн. в 1 п. л. 9 авт. листов.
А 36804. Цена 2 р. 50 к. Заказ № 6.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

12

J

Новосибирск НБ НГПУ
LIBRARY 1201023843